

Джуни Кот

Фаворитка

Джуни Кот Фаворитка

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66577968

SelfPub; 2021

Аннотация

Чтобы развеять скуку, молодой принц заключает пари: он соблазнит жену своего придворного за один вечер. Минутное увлечение перерастает в страстный роман, где будут дворцовые интриги, романтика, любовь, измена и месть.

Содержание

Глава 1. Венценосный соперник	5
Глава 2. Интриги принца	18
Глава 3. Придворные забавы	34
Глава 4. Дракон в королевской спальне	49
Глава 5. Неудачная охота.	67
Глава 6. Падающая башня	82
Глава 7. Две дамы и семена розы	94
Глава 8. Планы	109
Глава 9. Тайное послание	126
Глава 10. Птичка упорхнула	140
Глава 11. Пути пересекаются	161
Глава 12. Две Шарлотты	174
Глава 13. Змея в постели	191
Глава 14. Приоткрытая тайна	205
Глава 15. Картинка складывается	216
Глава 16. Слова- не дела	232
Глава 17. Дурное предсказание	246
Глава 18. Опальный граф	260
Глава 19. Безумный на троне	278
Глава 20. В каменном мешке.	291
Глава 21. Пир во время чумы	305
Глава 22. Бастард и наследник	320
Глава 23. Возвращение блудного мужа	332

Глава 24. Сожженные мосты.	343
Глава 25. Свадьба под виселицей	353
Глава 26. Щадить покоренных, обуздывать непокорных	367

Джуни Кот Фаворитка

Глава 1. Венценосный соперник

– Прошу, дорогая, ведите себя скромнее! Я не хочу, чтобы на вас обратили слишком много внимания! – развалившись в кресле и закинув ноги на стол, граф Дерик Рос Джонс допивал уже пятый бокал вина.

Шарлотта застыла с ожерельем в руках и посмотрела на мужа, а точнее на его отражение в зеркале:

– Пусть вас это не беспокоит, поездка совершенно не доставляет мне радости!

– Даже так? Могу я спросить, почему? – он отставил пустой бокал, забавляясь представшей перед ним картиной. Когда Шарлотта сердилась, на ее щеках появлялся живой румянец, глаза начинали сверкать, и она приобретала особое очарование. – Почему молодая, красивая женщина предпочитает читать дурацкие романы и торчать в церкви вместо того, чтобы танцевать на балу? Что с вами не так, Летти?

– Вы хотите уязвить меня побольнее? – она резко повер-

нулась и наткнулась на высокую фигуру мужа, который вырос прямо перед ней и обхватил за плечи.

– Вовсе нет! Я пытаюсь расшевелить вас, миледи, вдохнуть в вас жизнь, если это конечно возможно! Не думаю, что вас сильно поразит новость, но мне нравится моя собственная жена и я хочу видеть ее улыбку, а не застывшее, как на иконе выражение лица!

От Дерика несло винными парами и это заставило Шарлотту отвернуться, что совершенно не устраивало подвыпившего супруга. В сказанных словах была доля правды – графа задевало за живое глубокое равнодушие супруги. Он схватил ее за подбородок и обжег взглядом сумасшедших черных глаз. Грудь под тесным вырезом платья вздымалась от возмущения, она открыла рот, чтобы сказать что-нибудь ядовитое, но вместо этого попала в плен бессовестных губ. Упираясь изо всех сил в могучую фигуру мужа, Шарлотта вскоре поддалась натиску, но как только сопротивление прекратилось, Дерик разжал объятия и направился обратно к креслу, свалившись в него с удовлетворенным видом.

– Нам ни к чему спешить, – заявил он, возвращаясь к своей бутылке, – говорят у Ричарда отличные приватные покои, если у вас не разболится опять голова, то мы сможем убедиться в этом вместе. Ну, а если нет... мир как говорится, полон чудес и приключений!

Такая прелюдия никак не сближала молодых супругов. Всю дорогу к сюзерену они провели в полном молчании. Шарлотта куталась в подбитый мехом плащ и лишь изредка поглядывала на мужа, который начал засыпать от равномерного покачивания кареты. Дерик составлял отличную компанию его высочеству Ричарду «Сластолюбивому», но вдребезги разбил ее мечты о семейном счастье. Мало было шестнадцати лет разницы в возрасте. Высокий, темноволосый и черноглазый, супруг оказался язвительным и насмешливым, мог одной рукой сломать хребет противнику и выпить несколько бутылок вина, не свалившись под стол. Что касается любовных нежностей, то Шарлотту коробило от его буйного нрава и за три года совместной жизни они не больше семи раз провели ночь в одной постели.

Сегодня вечером он опять напьется, будет острить и вынудит супругу краснеть перед гостями, выставя пуританкой! Ничего другого от предстоящего бала Шарлотта не ждала и заранее терзалась, ожидая пьяное пиршество. Увы, танцев с утонченными кавалерами не предвиделось, а желание блеснуть красотой у нее отсутствовало напрочь. Что толку демонстрировать таким гостям роскошные наряды? Максимум, чего можно от них ожидать – это двусмысленных намеков...

Пока эти невеселые мысли крутились в голове графини, карета приближалась к пышному строению, которое издаലെка привлекало внимание. Подъезд к нему был выполнен в виде арки, а дальше дорога петляла, окруженная высокими деревьями, стоящими по обе стороны, словно стража. У входа уже горели огни, гостей встречали и пропускали внутрь богато разряженные слуги, повсюду слышался смех и громкие разговоры, а в соседнем зале ждали накрытые столы.

Новоприбывшие двинулись через переполненный зал поприветствовать принца. Загородный дом его высочества Ричарда предназначался для тесного круга гостей, и никак не был рассчитан на многолюдные торжества. Из-за пышных нарядов фрейлин и снующей повсюду прислуги яблоку негде было упасть. Шарлотта, держа осанку и надев дежурную улыбку, неспешно шла рядом с супругом, иногда кивая в ответ знакомым. От ее глаз не укрылись внимание дам, провожающих взглядом Дерика, перешептывания и тонкие намеки тех, кого он уже успел осчастливить в прошлом. Все было скучно и ожидаемо, кроме одного – рядом с Ричардом она разглядела молодого мужчину, запросто болтающего с принцем. Супруг перехватил ее взгляд и ответил, не поворачивая головы:

– Вижу, вас заинтересовало новое лицо? Во избежание случайного конфуза позвольте сообщить – это Эдвин Боуди,

герцог Ламарский, то бишь младший сынок государя. Не для ваших нежных ушей, ходят разговоры, что он бастард, потому на престол не претендует, во всяком случае пока.

– Развернутая рекомендация, – Шарлотта с интересом посмотрела на молодого принца, нисколько не веря рассказу мужа. По крайней мере одно достоинство она видела однозначно – «бастард» по сравнению с Ричардом был очень хорош собой. Его светло-каштановые вьющиеся волосы небрежно спадали на шею, обрамляя лицо с тонкими правильными чертами, а голубые глаза имели удивительный оттенок, напоминая незабудки.

Заметив новоприбывших, Ричард переключил на них внимание и ответил на полагающиеся приветствия Дерика легким поклоном головы. Шарлотта тоже сделала реверанс и сказала пару слов, выразив свою искреннюю радость и благодарность за приглашение. Герцог, почти не участвовавший в разговоре, все это время не сводил с гостьи глаз и от такого пристального внимания она вдруг почувствовала, что краснеет. К счастью, Дерик не обратил на это внимание, иначе его супруга не отделалась был от шуток до конца своих дней, зато Эдвин без труда заметил признаки смущения...

– Куда ты все время смотришь? – Ричард взял со столика еще один кубок с вином. – Если тебя заинтересовала жена

Дерика, то ничего не выгорит, всем известно, что она пури-танка!

– Вы так уверены, дорогой брат, а я готов усомниться, – он склонился к уху Ричарда и что-то прошептал ему с заговорщицким видом.

– Спорю на ящик Фульдского, тебе это не удастся! – со смехом ответил принц. – Ты, как всегда, придаешь интригу вечеру, Эдвин, что ж, я принимаю пари!

Пока шел этот короткий разговор, слуги сновали по залу с подносами, полными вина, и гости уже изрядно подвыпили, изнывая от жары и духоты. Наконец Ричард после очередных возлияний и сам решил поразвлечься, подавая знак к началу танцев. Присутствующие медленно потянулись в соседний зал, а музыканты стали проверять свои инструменты. Как назло, именно сейчас супруг Шарлотты решил «покинуть ее на минутку», чтобы переговорить со старой знакомой. Ею оказалась очаровательная блондинка, которая жеманно подставила ручку для поцелуя и сразу удалилась с Дериком в менее людную часть зала.

Не то чтобы это вызвало у Шарлотты ревность, но досаду – однозначно. В таком настроении у нее не появилось ни малейшего желания танцевать, чего не скажешь про молодого герцога. Грех было не воспользоваться такой возможностью: он пригласил графиню, получил согласие и через

минуту (Шарлотта и опомниться не успела) стояли посреди ярко освещенного бала. Как и положено на таких собраниях, бал начался с паванны, где все перемещались плавно и неспешно, демонстрируя окружающим свои наряды. Юные фрейлины как бы невзначай стремились показать больше, чем край туфельки, а кавалеры только ждали возможности сказать при этом что-то остроумное или многозначительное. Эдвин не был исключением. Двигался он легко, а разговор и вел так непринужденно, что вскоре его партнерша забыла о скованности. Всякий раз, когда их руки встречались во время очередного па, она испытывала непонятный трепет и что-то отвечала невпопад, вызывая на его красивом лице нескрываемую улыбку.

Вскоре первый плавный и неспешный танец закончился, зазвучала музыка, приглашающая на гальеру. Пары снова выстроились в два ряда – лицом друг к другу, и графиня заметила, что вблизи принц еще более привлекателен. Он был безупречно сложен, держался прямо, но не напыщенно и главное – не сводил с нее восхищенных глаз. В таком обществе Шарлотта быстро забыла, что является придворной дамой и замужней женщиной, а не шестнадцатилетней девочкой. Ей было весело, сердце выплясывало в такт музыке, а на лице разгорелся тот самый румянец, который придавал особую прелесть.

Эдвин был откровенно очарован. Провожая партнершу на место, он не скрывал своего удовольствия и уже довел ее до середины зала, когда в голове созрел неожиданный план.

– Дорогая, Шарлотта, позвольте мне вас так называть? – сообщил он заговорщицким тоном, склоняясь к ее уху – Я должен признаться вам в одном преступлении. Нет, не смотрите на меня с таким ужасом, хотя оно и не очень тяжкое, но я просто обязан повиниться! Дело в том, что я самым бессовестным образом следил за вами, но вы ни разу не взглянули в мою сторону. Почему? Я вам совсем не нравлюсь или рассматривать розы намного интереснее?

Графиня ужасно смутилась и не нашла, что ответить, позволяя принцу продолжать свои умозаключения.

– Если молчание – знак согласия, вы обязаны сказать, позвольте хотя бы порадовать подарком. Так какие розы, по-вашему, здесь лучшие? Я в этом ничего не смыслю и не хочу выглядеть бесчувственным болваном.

– Вы слишком доверяете моему мнению, – невольно улыбнулась Шарлотта. – Уверена, что у его высочества лучший вкус в королевстве и вам стоило бы поговорить об этом с ним.

– Вы не хотите признаваться? Я в отчаянном положении, разве что довериться судьбе и действовать наугад! – он про-

тянул руку, вытащил из вазы первую попавшуюся розу и поднес ее к губам. – Вы позволите?

С озорным видом Эдвин поместил цветок в ее прическу и отвесил шутливый поклон. Половина дам следили за этой сценой вплоть до того момента, когда пара скрылась из виду. Это ментально породило разговоры – цветок в прическе – так романтично, так многозначительно и смело подчеркивает интерес к его высочеству! Для Эдвина это было только первым шагом. Он намеревался продолжить экскурсию и показать графине другие, не менее роскошные уголки, но к своему неудовольствию заметил фигуру Дерика, непринужденным шагом направлявшегося к ним навстречу. Отпуская руку госты, Эдвин без тени смущения заявил, словно продолжая сказанное:

– Если вам станут надоедать, предупредите, что все следующие танцы на этом балу заняты, и желаю видеть вас своей партнершей. Думаю, мне никто не рискнет перейти дорогу! – он с улыбкой поднял глаза и встретился взглядом с Дериком. – Разумеется за вами, граф, остаются все права!

– Разумеется...

На этом разговор был окончен, и железная лапа схватила Шарлотту за руку. Как только принц удалился, супруг склонился к ее уху:

– Что это было?! Уж не решили вы наставить мне рога, миледи? Учтите, я не прощу этого никому, даже принцу крови! – черные глаза встретились с голубыми, герцог насмешливо кивнул и поднял бокал, словно читая мысли своего васала. В ответ Дерик также поднял свой бокал и осушил его в один прием.

– Вы так быстро освободились, чтобы уличить меня в измене? – Шарлотта безуспешно пыталась высвободить пальцы. – А как же ваша дама? Она не огорчится, что вы бросили ее ради жены?

– Как, вы ревнуете?! Это была ваша маленькая женская месть? – Дерик посмотрел на жену с таким интересом, словно сам только что с ней познакомился. – Я был уверен, что моя физиономия успела вам опостылеть настолько, что разглядывать потолок и то интереснее! Вы действительно заметили мое отсутствие? Это очень мне льстит. Что касается дамы, о которой вы упомянули, она просто хотела рассказать мне презабавный анекдот...

– Не сомневаюсь в этом! Как и все ваши пассии, она глупа как утка!

Эта вспышка раздражения не на шутку развеселила графа. Он рассмеялся так заразительно, что Шарлотта не смогла и дальше сохранить сердитое лицо.

– Вынужден признать, вы правы! – чистосердечно заявил он. – Мне стоило бы давно заметить, что вы не только красивее, но и умнее многих женщин. Пожалуй, не надо оставлять вас в одиночестве, – в этот момент опять зазвучала музыка и Дерик пошел на самый рыцарственный шаг, какой был ему доступен. – Позвольте пригласить вас, сударыня, теперь у меня будет возможность отвесить моей несравненной супруге десяток реверансов.

Заиграли бранль и все присутствующие выстроились в круг. Во время движения пары постоянно менялись местами и рядом с Шарлоттой как по волшебству вновь оказался молодой герцог. Когда их руки коснулись, принц позволил себе немного лишнего – подмигнул и сжал пальцы вместо того, чтобы просто дотронуться ладонями. Так они пересекались дважды или трижды и всякий раз Эдвин подстраивал молодой графине ловушку, откровенно демонстрируя свой интерес. Он нисколько не сомневался в том, что уже сегодня сможет получить желанный трофей и испытывал сильное нетерпение, совершенно не обращал внимания на ревнивого мужа. Об интрижках Дерика ходили легенды, но его жена оставалась недоступной, и это кружило принцу голову.

Замечая все происходящее, Дерик был в бешенстве. Чтобы здесь, в его присутствии кто-то осмелился положить глаз на Шарлотту, это уже переходило все границы. постоянно.

Если бы речь шла о ком-то другом, оскорбленный граф давно вывел бы его на улицу и заколол на месте или попросту придушил, но вступать в конфликт с принцем было слишком рискованно.

К счастью, Ричарду сегодня не хотелось долго отбивать ноги в танцах и вскоре он пожелал насытить желудок, подавая знак к началу ужина. Гости потянулись в зал и занимали места за роскошно накрытым столом, где уже стояли лакеи, готовые наполнять тарелки и наливать в хрусталь лучшее вино. Когда Шарлотта опустилась на свой стул, в глаза графу бросилась роза, до сих пор украшавшая ее прическу. Хватило секунды, чтобы понять, откуда она взялась. Его пальцы выхватили бутон из локонов, после чего тот оказался на полу и погиб, растоптанный тяжелым сапогом. Шарлотта подняла на мужа глаза и встретила ледяной взгляд.

– Не хотел расстраивать вас сударыня, но вам не идет образ безмозглой пастушки, – прокомментировал Дерик, от внимания которого не ускользнула реакция принца, сразу утратившего свою веселость. – Пора заканчивать это представление, после ужина мы едем домой.

Это было наилучшим решением, но оно пошло в разрез с желанием его высочества. Оскорбленный принц, которому вмешательство графа подпортило вечер, решил ответить

сполна и выбрал для этого один из самых доступных способов – бросил вызов. Когда Дерик по окончании трапезы подошел откланяться, Эдвин посмотрел на Шарлотту с нескрываемой нежностью и грустью.

– Графиня, – он поднес к губам ее руку, – наше знакомство было для меня большой радостью, и я надеюсь на продолжение, но сегодня не смею вас задерживать. Вас проведут и доставят домой, уверен, в целости и невредимости. А вас граф, я не отпущу! У нас возник спор, который можете разрешить только вы. Кое-кто рассказал, что на празднике в честь Пасхи вы выпили восемь бокалов вина, но я не верю, – герцог улыбнулся, разводя руками, – лично мне такое недоступно! Нет, вы вправе, конечно, отказаться, я не буду настаивать, мне просто придется заплатить проигрыш, я, знаете ли, поставил на вас.

– Вы сделали на меня ставку, ваша светлость? – Дерик приподнял одну бровь.

– Да, я азартный человек! А ваша слава, граф, идет впереди вас!

– В таком случае я принимаю вызов. Дорогая, не ждите меня рано и ложитесь спать, – он усмехнулся, глядя прямо в глаза сопернику и не говоря больше ни слова вернулся в зал рука об руку с принцем.

Глава 2. Интриги принца

В распоряжении Ричарда было лучшее вино и яства, но на счет компании Дерик мог бы поспорить. Господа были выше его по положению, но уступали во всем остальном: к своим тринадцати восьми годам граф переплюнул их по количеству поединков, охотничьих трофеев и любовных побед. Изнеженные аристократы были горазды только на то, чтобы отпускать пошлые шуточки и рассказывать истории, в правдоподобие которых не поверил бы здравомыслящий человек.

Появление Дерика приятно разнообразило этот круг и на весь вечер обеспечило приближенным короля байками, которые вызывали завистливое восхищение или безудержное веселье.

Время от времени граф присматривался к принцу и пришел к выводу, который немало его удивил. Мальчишка был совсем не такой дурак, как его старший брат и наследник, и при желании мог блеснуть остроумием. При довольном хрупком и изящном сложении принц неплохо владел оружием и доказал это в шутовском поединке с одним из придворных. И главное – он был весьма красноречив, хорошо образован и привлекателен с точки зрения женщин. Это еще больше подстегнуло зародившуюся ревность. Какая ирония

впервые обратить внимание на собственную жену, и после трех лет брака обнаружить, что она питает слабость к такому опасному сопернику.

Словно читая его мысли, принц предложил тост: «За прекрасных дам ...», дополнив его несколькими недвусмысленными словами, вызывавшими всеобщее веселье.

– Кстати, граф, а вот и повод! – со смехом заявил герцог. – Уверен, за дам вы опрокинете любое число кубков. Я ставлю на восемь! Ричард? – он обратился к уже хорошо захмелевшему брату.

– Принимаю вызов! – тот взмахнул рукой с полным бокалом и облил стол вином. В качестве ставки он снял с шеи дорогую золотую цепь и швырнул ее в центр стола. Со своей стороны принц приложил перстень, что касается остальных присутствующих, все они с громогласными шутками стали бросать на стол монеты или золото, оглашая сторону, которую принимали в споре.

– Какое вино предпочитаете? Фульдское? Бальдах? Эксмо? – он по очереди указывал на увесистые кувшины, которые занимали приличное место на столе. – Хотя нет, я знаю, что вам предложить! Шаболь!

– Ничего не имею против, – переждав смех гостей, согласился граф, – но хотелось бы знать, чем ваша светлость объяснит свой выбор?

– Оно начинается на букву «Ш», – склонившись к уху собеседника ответил герцог. – Как имя вашей прекрасной жены.

Этот короткий диалог остался без внимания других слушателей, поскольку принц высказался полупшепотом и обращался лично к нему, а остальные вельможи были достаточно пьяными, чтобы пропустить все мимо ушей. Герцог был в восторге от задумки. Во-первых, ему действительно хотелось позабавиться, во-вторых, если граф опьянеет, что случится неизбежно, появится отличная возможность разыграть козырь. Весь секрет заключался в том, что маленькая графиня не отправилась домой – под чутким «руководством» принца были предприняты все возможные меры, чтобы этому помешать. В то время, как ее муж под хохот и выкрики гостей поглощал крепленый Шаболь, Шарлотта сама того не зная, стала пленницей его высочества.

Уставшая, с гудящими от танцев ногами и головой, переполненной соблазнительными образами, она нырнула в карету и откинулась на спинку, прикрыв глаза. Разум подсказывал, что нужно сразу побороть запретное чувство, но сердце никак не хотело успокаиваться! Какие у герцога были манеры, какой вкрадчивый, нежный голос! Рядом с ними язвительные речи мужа казались особенно обидными, а поведение – до крайности грубым.

Карета медленно тронулась с места, двигаясь обратно, но вскоре покачнулась от внезапного толчка, как если бы они попали в случайную колею. Лошади остановились, сколько попыток кучер не делал, сдвинуться с места им не удавалось! Шарлотта приподняла шторку и выглянула на улицу – огни остались позади и над ними сгущалась почти непроглядная тьма.

– Ваша милость, – кучер приоткрыл дверцу, – случилась непредвиденная поломка, ось слетела, ехать дальше невозможно!

– То есть как, невозможно? И что мы будем делать? – возмущение медленно сменял нарастающий страх.

– Необходимо сообщить его милости графу, я уже послал человека.

Слуга и в самом деле уже спешил обратно, вскоре скрывшись из виду в сгустившемся холодном тумане, а за этим потянулись нескончаемые минуты ожидания. Кажется, прошло уже не десять минут и даже не тридцать, в бальных туфельках у Шарлотты замерзли ноги, и она стала нетерпеливо ерзать на сиденье. Может о них совсем забыли или граф настолько пьян, что не в состоянии прийти в чувство? Она снова отодвинула занавеску и с облегчением выдохнула. К ним приближался огонек фонаря, позволяя различить два силу-

эта. Неустойчивый огонек покачивался под ногами у путников, но по мере их приближения стало ясно, что слуга сопровождает не графа, а другого вельможу. Сердце Шарлотты подпрыгнуло, а губы мгновенно пересохли от волнения и неожиданности. Она отшатнулась от окошка и отодвинулась в самую глубь кареты – как раз вовремя, потому что дверца распахнулась и внутрь ступила нога принца.

– Не пугайтесь так, моя дорогая Шарлотта, я не разбойник и вор! – частое дыхание говорило о спешке, с которой Эдвин прибежал на помощь. Он опустился на сиденье совсем рядом, так, что колено касалось ее ноги, взял ее за руки и поднес их к губам. Тонкие пальцы были ледяными и дрожащими, и герцог, не задумываясь, стащил перчатки, чтобы согреть свою прелестную фаворитку, застигнутую его появлением врасплох. Прерывистой дыханием Шарлотты выдавало сильное волнение, но она не пыталась бежать и не окликнула слуг.

– Какая ужасная неприятность! – продолжил принц, пытаясь ее утешить. – Кучер сказал, поломка серьезная. Будет лучше всего, если вы вернетесь, а утром мы подумаем над тем, чтобы отвезти вас домой.

– Вы предлагаете мне остаться? – прошептала она, не веря своим ушам.

– Как и многим другим гостям! Здесь около двадцати спа-

лен, вы проведете ночь в безопасности и тепле, даю вам честное слово! Вы же не останетесь ночевать в холодной карете? Если да, то и у меня не остается выбора.

Недолго думая, Эдвин развязал тесемки своего плаща, распахнул его и набросил на плечи Шарлотты, укутав ее и обняв за плечо. Они оказались тесно прижатыми друг к другу почти в полной темноте и без единого свидетеля. Герцог опустил капюшон, скрывающий лицо своей спутницы и осторожно коснулся ее губ. От этого нежного, как мотылек прикосновения перехватило дыхание. Шарлотту обдало жаром, она сделала робкую попытку освободиться, но настойчивые губы уже пленили ее сладкий рот. Их вкус был будоражащим и немного хмельным от выпитого за вечер вина. Эдвин запрокинул голову Шарлотты, заставляя прижаться к своему плечу, его все больше охватывало возбуждение, а ласковые поцелуи стали жгучими и требовательными. Будь воля принца, он овладел бы ею прямо здесь, но ему не хотелось терять нового ощущения, которое бродило в крови.

– Вот теперь я никуда вас не отпущу! – прошептал Эдвин, – Хотите отнесу вас на руках до самого порога?

– Ваша светлость, перестаньте! – запротестовала она, слегка отстраняясь от своего захватчика, но он со смехом обнял пленницу еще крепче.

– Для вас, моя дорогая Шарлотта я не желаю быть свет-

лостью. Называйте меня по имени, Эдвин, я настаиваю! Посмотрите на меня, скажите, вам неприятно мое общество или вы хотите разбить мне сердце? – герцог поймал ее руку и приложил к своей груди. Под ладонью были слышны частые удары и Шарлотта смутилась еще больше.

– Хорошо, если нет другого выхода, я пойду... сама, – последние слова утонули в новом поцелуе.

– И все-таки здесь неровная дорога, а ваши туфельки не предназначены для таких переходов. – ее слабый протест был отклонен. – Окажите мне такую честь, сударыня! Я настаиваю, но делаю это только ради заботы о вашем благополучии!

После этих слов герцог распахнул дверцу, подал Шарлотте руку и подхватил ее с первой ступеньки, как только она поставила на нее ногу. Так они и двинулись обратно – впереди слуга с фонарем, за ним принц со своей драгоценной ношей, в конце процессии – кучер... Порыв холодного ветра сбросил капюшон с головы Эдвина и растрепал его светлые волосы, бросая в лицо мелкие капли начинающегося дождя, но это нисколько не испортило герцогу настроение. Он сжал Шарлотту в объятия сильнее и прошептал ей на ухо:

Я не могу никак забыть твой сладкий, нежный поцелуй
Его решив мне подарить не убегай и не балуй!
Не знаю, что он означал и не хочу сейчас гадать,

Но я со страстью отвечал и больше не намерен ждать!

Эти недвусмысленные строчки, которые сорвались у него поневоле, заставили Шарлотту опомниться. Огни дома приближались и их неминуемо должны были увидеть из окон и только здесь она уговорила Эдвина опустить ее на землю. Он первым направился к дому, бросил плащ в руки камердинера и потирая ладони, обернулся к своей гостье:

– Пока для вас подготовят спальню, давайте выпьем по глотку вина? – собственно, это был не вопрос, а прямое предложение хозяина дома. Он помог ей раздеться и окинула заботливым взглядом. – Вам совершенно необходимо согреться!

Шарлотта знала, что обязана разыскать мужа, но законного вопроса она так и не задала, а вместо этого последовала за юным герцогом. На этот раз они двигались не по широкой парадной лестнице, а по одному из ее ответвлений, поднялись на второй этаж и вскоре оказались в небольшой, прекрасно обставленной комнате. Камин горел, распространяя настоящий жар и герцог придвинул стул ближе к огню, чтобы усадить на него свою гостью, а сам устроился напротив на низкой скамейке. Не прошло и минуты, как подали горячий, остро пахнущий глинтвейн, первый же глоток которого принес живительное тепло и мгновенно разгорячил кровь.

– Вам лучше? – его улыбка была ласковой, а голос взволнованным. – Я вижу, чего вы опасаетесь, но вы боитесь напрасно. Будь я самими королем и тогда не стал бы принуждать вас к тому, чего вы не хотите! Позвольте мне проявить гостеприимство и быть вашим другом, больше я ни о чем не прошу!

В качестве доказательства своей дружбы герцог по очереди поцеловал каждый пальчик своей гостьи и прижал к губам ладонь, выжидательно глядя в ее покрасневшее лицо.

– Ваша светлость... – начала она, но принц покачал головой, прервав ее на полуслове.

– Эдвин, я просил вас называть меня по имени!

– Эдвин, – она говорила, не поднимая глаз, – Я ведь замужем и не распоряжаюсь своей свободой настолько, чтобы предложить вам даже дружбу. Уверена, вас окружают дамы, которые смогут меня заменить и прошу, умоляю вас, не начинайте того, о чем придется потом сожалеть!

Он выглядел удивленным и немного обиженным:

– Это моя глупая откровенность виновата или вам успели рассказать нечто такое, что роняет меня в ваших глазах?

– Нет, совсем нет!

– Позвольте мне оправдаться! Я закончил обучение совсем недавно, а здесь, как и вы нахожусь впервые, чтобы иметь с кем-то тесное знакомство! Посмотрите на меня, Шарлотта! Заметили вы, чтобы я ухаживал за какой-то дамой?

Гостья попробовала припомнить вечер, но у нее все смешалось в памяти. Казалось, принц все время был рядом, хотя она мало обращала внимания на других.

– Нет, не заметила, но это ничего не меняет! – она подыскивала любой повод сбежать. – Умоляю, позвольте мне удалиться, я промочила ноги и устала!

– А я ведь вас предупреждал! Но нет, этого мы не допустим! – недолго думая он опустился на колено, приподнял подол платья и ловко снял с ее ног туфли. – Повернитесь к огню, Шарлотта! Я велю сейчас же разжечь камин в вашей спальне и через десять минут вы будете в тепле! Не сердитесь на меня, я вел себя, как последний эгоист, но все-таки, могу я надеяться... – теперь он склонился к ее лицу и мягкие кудри коснулись щеки королевской гостьи – Могу? Мы увидимся завтра?

Ответа не потребовалось, вместо него Шарлотта позволила себя поцеловать и совсем не оставалась при этом безучастной.

Комната, которую подготовили для гостя, оказалась по-королевски обставленной и огромной по сравнению с привычной для Шарлотты спальней. В камине ярко пылал огонь, распространяя живительное тепло, на столике стояла чашка горячего какао, а под простыню услужливая служанка положила грелку. Помогая госпоже раздеться, милостивая девушка была внимательной и шустрой, не надоедая пустыми разговорами или расспросами. Она распустила шнуровку на спинке платья и дышать сразу стало легче, а когда тяжелые локоны свободно упали на плечи, Шарлотта испытала настоящее блаженство.

– Чего-то еще желаете, ваша милость? – девушка расправила складки платья, разложив его на кресле за ширмой.

– Нет, спасибо! Утром я хотела бы встать пораньше...

– Как прикажете, – девушка слегка присела в реверансе, направилась к выходу и прикрыла за собой двери.

Теперь у Шарлотты появилось время подумать. О сне не могло быть и речи – она мерила шагами комнату и прислушивалась к каждому звуку, ожидая шагов за дверью. графиня все еще опасалась, что принц нарушит слово и явится к ней с ночным визитом, жаждала этого и боялась! На ее месте Дерик, конечно, не стал бы долго сомневаться, он и сейчас где-то развлекается, ни разу не вспомнив о своей законной

жене. Шарлотта взяла в руки чашку с горячим какао и поднесла к губам – руки дрожали и никак не удавалось их унять.

Внезапно, как гром среди ясного неба она услышала уверенные шаги – кто-то шел по коридору, не крался, не прятался – шагал, по-солдатски печатая каждый шаг. Не давая времени на размышления, неизвестный толкнул тяжелую дверь и переступил порог, держа в руках канделябр с тремя свечами.

Шарлотта тихо ахнула и отступила на несколько шагов назад, расширенными от страха глазами глядя на гостя. Он обвел глазами комнату, убедился, что здесь никого нет и произнес, с грохотом опуская подсвечник на стол:

– Доброй ночи, моя дорогая супруга! Я вижу, мне повезло занять место в вашей постели первым! – лицо Дерика было перекошенным от ярости. Он быстро пересек комнату, схватил жену за запястья и притиснул к себе. От него пахло вином, грудь судорожно вздымалась, как после скачки, а сам он слегка пошатывался, как человек в последней стадии опьянения.

– Дерик, прекратите, вы делаете мне больно!!

– Больно? Интересно, а как вы расцениваете собственный поступок, мне он не причиняет боль? Как вы посмели вер-

нуться, ради кого?

– Я здесь не по собственной воле! Мне пришлось это сделать, потому что...

– Да, я слышал эту сказку про поломку! – он прервал жену на полуслове, скрипя от злости зубами.

– Сказку?! Так отправляйтесь и проверьте все сами, прежде чем обвинять меня во лжи! – она вырвалась и предусмотрительно отступила на пару шагов.

– Так и поступлю, но только не сейчас! Раз уж я здесь, то намереваюсь использовать свое законное право, а его, как вам довелось услышать, признает даже принц! – Дерик обхватил жену за талию, оторвал от пола и приземлил поперек кровати.

– Прекратите, в таком состоянии вам станет дурно! – она отвернулась от него, избегая хмельного дыхания.

– Почему же? Наоборот, мне будет очень хорошо, да и вам я уверен, тоже! Я уже полгода не уделял своей жене внимания, а в заповедях сказано, что надо исполнять супружеский долг!

Граф, пошатываясь, стащил в себя рубашку, а затем очень быстро освободился и от остальной одежды, грудой бросив ее у изножья кровати. Шарлотта вся сжалась, ожидая грубой атаки и испытывая страх перед этим сильным, но обезумевшим от вина и ревности мужчиной. Кровать жалобно скрипнула, Дерик навис над ней и посмотрел в глаза долгим, прон-

зительным взглядом:

– Я задам вам всего один вопрос, сударыня: «Вы отвечаете взаимностью его высочеству герцогу?» И не вздумайте врать, мне прекрасно известно, кого он выбрал своей новой целью!

– Я вас не понимаю – пробормотала она, – принц был любезен и не более того!

– Любезен? – его рот скривился в насмешливой улыбке. – Хотите сказать он вас не преследовал? Или вы считаете меня идиотом, который не понимает брошенных в лицо намеков? Все гости заметили его «ухаживания»! А вы, сударыня раздавали авансы, которыми меня за три года совместной жизни не осчастливили ни разу!

– Я не понимаю, о чем вы говорите! Хотя с вашим опытом должно быть лучше заметно со стороны, вы ведь в этом поднаторели! – глаза Шарлотты наполнились слезами обиды – Отпустите меня, Дерик, мне больно!

– Моя милая, – осипшим голосом проговорил он. – У меня не было бы нужды изменять вам, если бы в собственной спальне я получал хоть каплю тепла. Ты хотела любви, Летти? Я тоже!

Пальцы Дерика разжали железную хватку и нащупали шнурки на воротах ночной рубашки, но они не поддавались, пока ткань с треском не порвалась, обнажив соблазнительный треугольник нежной кожи. Граф уже и не помнил, когда

последний раз видел свою жену раздетой, обходясь короткой стычкой под одеялом, и теперь жадно прильнул к ее груди, еще хранящей терпкий запах духов. Бородка Дерика приятно щекотала кожу, губы касались ямочки на шее, лица, разгоряченного рта. Когда, подавив последнее сопротивление, его язык проник сквозь ее губы, внезапный поток жара хлынул вниз по позвоночнику и заставлял Шарлотту растаять...

Она вдруг вспомнила Эдвина, его настойчивые губы и в порыве внезапно накотившего возбуждения запустила пальцы в густую шевелюру мужа. Его поцелуй был скорее захватническим, чем нежным, а в ответ на эту неожиданную ласку из груди вырвался приглушенный рык – как у голодного животного, которое получило свою добычу. Скомканная сорочка последовала за одеждой графа, тяжелое тело мужа вдавило Шарлотту в мягкую перину и обдало жаром.

Она чувствовала, как напряжение в животе нарастает, закинула ноги на бедра мужа и прижалась к нему так тесно, как только могла. Двигаясь в такт и ощущая толчки в своем лоне, она позволила желанию сгущаться в одной точке, пока маленький взрыв внизу живота окончательно не выбросил ее из реальности. С ее губ сорвался долгий стон, и голова упала на смятую подушку. Только потом, вернувшись на землю, она открыла глаза и увидела над собой лицо мужа и его довольную кошачью улыбку.

– Не говори ни слова! – предупредил он и прикрыл ее губы пальцами – Пока ты не назвала меня чужим именем, я поверю, что не зря на тебе женился!

Глава 3. Придворные забавы

Позднее утро принесло новости раньше, чем Шарлотта успела выпить кофе. Служанка, следуя ее просьбе, явилась около девяти, но повсюду царила сонная атмосфера – после бурного празднования гости и хозяева еще видели пятый сон. Дерик спал, раскинувшись нагишом на кровати и взглянув на него, Шарлотта испытала смешанное чувство. Вчерашняя ссора закончилась неожиданным примирением и общество мужа не казалось теперь таким тягостным. Впервые граф сумел разбудить в ней чувства, на которые она себя считала неспособной... хотя, может дело совсем в другом?

Однажды, когда-то давно, ей пришлось подслушать откровенный разговор двух фрейлин. Одна из них жаловалась на мужа, который не вызывал у нее никакого желания, и вторая посоветовала использовать особый «прием»: закрыть глаза и представить объект своей страсти. Это стало мучительным открытием для Шарлотты – именно так она и поступила, хотя сделала это неосознанно. Это не было супружеской изменой, но все же очень близко к ней...

В дверь тихонько постучали и горничная, извинившись, передала графине записку. Аккуратно свернутый лист бума-

ги был исписан тонким, красивым почерком и подписан именем герцога:

«Доброе утро, моя прекрасная Шарлотта, мой нежный розовый бутон! Какая ужасная, бесконечная ночь! Я не мог сомкнуть глаз и думал о вас каждую минуту. Знаю, что еще рано, вы, наверное, нежитесь в постели и мне не позволено разбудить вас поцелуем. Но умоляю, найдите время для несчастного, который изнемогает от тоски! Того, кто может нам помешать, я уверен, удастся отвлечь более приятными для него занятиями. Я буду ждать вас в двенадцать у входа оранжерею. Целую ваши пальчики и губы. Ваш Эдвин».

Кровь бросилась в лицо Шарлотте. Она быстро свернула листок и спрятала его за корсет, удивляясь легкомысленности принца. Попросить о встрече наедине было верхом безумия, но гостя была слишком мало знакома с нравами при дворе и с упрямым характером своего поклонника. С приходом утра она опомнилась и хотела избавиться от наваждения. Если они не уедут сегодня, ее крепость точно выбросит белый флаг! Главное уехать, вот только принять решение должен был Дерик, а слушать ее он не привык. Пришлось промучиться в неизвестности еще больше часа, пока подали завтрак, но страдающий от похмелья Дерик был не склонен к разговорам. Он смотрел на еду с явным отвращением, мечтая только о том, чтобы «освежить голову». В конце концов

он сделал это в прямом смысле слова – окунул ее в таз с ледяной водой и теперь капли стекали по его лицу и шее, зато мысли стали гораздо яснее.

– Пора сходить на конюшню и узнать, как там дела с ремонтом кареты, – граф жадно напился из стоящего на століке кувшина и усмехнулся в усы, поглядывая на жену. Она прохаживалась по комнате и в задумчивости покусывала губы, а хорошенькое личико было покрыто нежным румянцем. – Что с вами такое, моя дорогая, вас просто не узнать! Надеюсь, вчера я не был слишком грубым? – на его лице появилась немного хищная самодовольная улыбка. – Вам удалось довести меня до бешенства, но теперь я вижу, что вины моей дорогой Летти в этом не так уж и много.

– Значит, немного? – она сердилась, но смиловалась и одарила мужа взглядом. – Но все-таки вы ее находите? Договаривайте, граф, не стесняйтесь!

– Все дело в том, моя милая, что вы чертовски хороши! – Дерик хищно ловким движением пересадил жену к себе на колени. – Но учтите, вас я ни с кем делить не стану, особенно, если вы будете такой же, как прошлой ночью! Не хотите меня поцеловать перед тем, как мы расстанемся?

Его грубоватые подшучивания заставили Шарлотту покраснеть, и он рассмеялся, прижимаясь к ее губам своими.

– А может нам вообще не стоит спешить? – прошептал он ей на ухо. – Что, если на вас так действуют здешние стены, а дома мне снова достанется ледышка? Ладно, стоит все-таки проверить, как идут дела, не скучайте, дорогая, я скоро вернусь!

С этими словами граф оделся и хлопнул за собой дверь. Голова раскалывалась, он намеревался найти бутылку вина, а еще лучше – прокатиться верхом, и ему повезло сразу со всеми желаниями. Не прошло и получаса, как в компании еще двоих отчаянных гуляк он вскочил в седло, чтобы проехаться по окрестностям, а заодно обсудить будущую охоту. Не вернулся он ни через час, ни к обеду, какими-то окольными путями графа занесло в охотничий домик и там уже им накрыли стол, от которого никак нельзя было отказаться. Шарлотта осталась в одиночестве и вынуждена была подчиниться здешним порядкам, что, к сожалению, не позволяло прятаться в своей спальне.

Согласно личному расписанию принцессы, посетившей праздник, дамы после завтрака совершали небольшой променад. Свежий воздух, как утверждал придворный врач Эльфриги, был необходим для восстановления цвета лица, а движение – для поддержания здоровья. Наследница следовала рекомендации неукоснительно, и стремилась хоть как-то компенсировать отсутствие природной красоты. Шарлот-

та нехотя спустилась в сад и присоединилась к группе фрейлин, где ее приняли в свое общество скорее неохотно, чем с радостью.

День выдался прекрасный – теплый и тихий, и дамы неспеша пошли по мощеной дорожке. Цветники уже опустели, но Шарлотте хотелось увидеть их весной или летом, наверное, весь парк представляет собой прекрасное зрелище! На мгновение она погрузилась в мечты: ее нога ступает рядом с ногой герцога, слух ласкает его голос, а глаза наслаждаются буйством красок! Она так задумалась, что не заметила самого Эдвина, которого здесь никто не ожидал встретить. Принц возник словно из ниоткуда и одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять – он влюблен и не собирается скрывать своих чувств. Радость, которая озарила его красивое лицо была ничуть не меньшей, чем смущение и досада Шарлотты.

Дамы как одна защебетали, высказывая свой восторг от такой неожиданной встречи и наперебой делали принцу завуалированные комплименты. Он отвечал со всей возможной любезностью, но глаза то и дело возвращались к избраннице, единственно сохранявшей молчание.

– Что вас заставило подняться так рано? – одна из фрейлин улыбнулась, показывая милые ямочки на щеках. – Не

может быть, ваше высочество, чтобы вы страдали бессонницей!

– Вы не поверите, но меня призвал сюда долг! Я обещал одной гостье показать наши чудесные цветники и пока она не уехала, обязан сдержать слово. – после этого короткого и исчерпывающего объяснения принц предложил руку Шарлотте.

Ей не оставалось ничего другого, как опереться на нее, а затем свернуть с тропинки следом за Эдвином. Когда онемевшие от изумления дамы остались позади, герцог остановился и с жаром прижал к губам руки графини.

– Шарлотта, слава небесам! Вы заставили меня ждать несколько часов, я думал – сойду с ума! Какое счастье, что вы все-таки пришли!

– Ваша светлость... – она оглянулась, стараясь убедиться, что за ними никто не следит, но принца это совершенно не заботило.

– Эдвин! Я просил, чтобы вы обращались ко мне по имени! Что вас задержало, почему у вас такой расстроенный вид?

– Я боюсь, что мне и вам также, нам обоим лучше все прекратить прямо сейчас! – запинаясь, отозвалась она.

– Бойтесь? Чего вы можете бояться рядом со мной?

– Моего мужа. Вам известен его характер, если он узнает,

нет даже просто предположить, что меня связывает с вами чувство...

Герцог не дал ей договорить, заключил в объятия и подарил долгий, жадный поцелуй. К счастью, их заслонял от посторонних взглядов густой кустарник, а в этой части парка в парке никого не было.

– Так вы не отрицаете этого больше, Шарлотта? Боже, я самый счастливый из смертных! – он запрокинул голову и посмотрел в небо. – Скажите еще раз, вы правда ко мне равнодушны?

– Не думаю, что кто-нибудь может долго оставаться к вам равнодушным!

– Нет, я хочу услышать другое! Повторяйте за мной: «Эдвин, я вас люблю!» – теперь его лицо было так близко к графине, что она улавливала его дыхание и чувствовала предательскую слабость в ногах – Вы молчите? Тогда я скажу первым: «Я люблю вас, Шарлотта!». Вы будете моей?

– Не берите с меня обещаний! – взмолилась она. – Я не смогу их выполнить! Эдвин, отпустите меня, кажется, сюда идут!

К ним в самом деле приближалась компания из трех дам, во главе которой была единокровная сестра принца. Герцогиня выглядела на редкость надменно и ответила на реверанс

еле заметным кивком головы, а ее фрейлины с изумлением взирали на новую протеежку наследника.

– Мы желаем прогуляться по парку, – заявила Эльфрига, обращаясь к брату. – Не составите нам компанию?

– С радостью сделаю это в другой раз! – шутливо поклонился он. – Видите ли, я хотел показать графине редкий сорт роз, она мечтает вырастить их в своем саду.

– Какая милость с вашей стороны, я не знала, что вы разбираетесь в цветах. Ну что ж, тогда мы пройдемся без вас, но надеюсь вы вернетесь к обеду? Наша оранжерея, к счастью, не так велика, чтобы бродить по ней до утра.

Как только они отравились дальше, неспешно ступая по дорожке, одна из фрейлин оглянулась и обратилась к принцессе:

– Кто эта дама? Никогда ее раньше не видела!

– Не имею понятия, но надеюсь она удовлетворит бедного Эдвина. У герцога такой непритязательный вкус! Хочет посмотреть розы... боюсь, речь идет совсем о других семенах!

Дамы обменялись еще несколькими колкостями и сменили тему разговора, а влюбленные наконец остались вдвоем, чтобы не столько насладиться розами, сколько обществом друг друга. Оранжерея оказалась превосходной, с ухоженными

ми пышными кустами и редкими сортами цветов. Даже воздух здесь благоухал и после длинной неспешной прогулки Шарлотта получила от принца поистине королевский букет, который тут же отправили в ее комнату. Теперь пребывание в гостях показалось графине маленьким раем, но чем дальше, тем больше ее начинала мучить тревога. Дерика все еще не было – куда он делся и не подстроили ли ему ловушку, чтобы убрать с дороги? Не появился он и за столом, который организовали в виде пикника в самой красивой части сада.

– А почему я не вижу здесь нашего дорогого Джонса? Вчера он знатно нас развлек! – заметил Ричард, ковыряясь вилкой в новом блюде.

– Понятия не имею, – пожал плечами Эдвард, – кто-то знает, куда запропастился граф? Я сам был бы рад опрокинуть с ним кубок!

– Я слышал он вместе с Эрком и Дерби поехал подготовить охотничий домик, – вставил один из вельмож, лениво потягиваясь на свой стуле и многозначительно поглядывая на Шарлотту. – Не думаю, что это займет меньше пары-тройки дней. Они хотели сделать вылазку и посмотреть дичь, чтобы порадовать ваше высочество.

У Шарлотты сердце упало, так значит, она вынуждена оставаться здесь одна! Общество всех этих аристократов с их ядовитыми замечаниями и колкостями, зависть дам, страх

быть раскрытой давили на нее и лишили аппетита. Если бы не Эдвин, выбравший для своей возлюбленной лучший из десертов, она не проглотила бы ни кусочка. Графиня так глубоко ушла в собственные размышления, что не замечала других гостей, а также того, как стол, накрытый на улице, понемногу опустел. Слуги еще подносили вино, но разговор стал более ленивым, пока, наконец, дамы получили возможность покинуть общество, и Шарлотта вместе с ними удалилась к себе.

– Ты уже отхватил свой лакомый кусочек, братец? – заявил без обиняков Ричард. – Образец чистоты и целомудрия в руках такого распутника, как ты, кто бы мог подумать! Бедный Дерик в роли рогоносца!

– Не понимаю, о чем ты, – Эдвин состроил невинное лицо.

– Не понимаешь? Тогда убери это глупое влюбленное выражение со своей физиономии! Слава богу, твоя пассия замужем, а то я подумал бы, что стены крепости не падут, пока ты не попросишь руки и сердца! Бедняжка Катрина, боюсь до вашей свадьбы не видать ей твоих любовных нежностей!

Господа за столом стали отпускать шуточки и принцу не оставалось ничего другого, как подыгрывать им, но лишь в той мере, которая не задевала бы его честь и имя его новой возлюбленной.

Для знатных гостей королевского особняка день прошел весьма скучно. После вчерашнего бала мужчины предпочитали пить и вести беседы о политике, а дамам предоставили возможность показать себя в исполнении музыки. Как и полагается по статусу, сначала играла и пела герцогиня, получившая свою долю комплиментов при полном отсутствии слуха и голоса. После нее выступили еще несколько девиц – кто-то играл на клавесине, другие выбрали арфу. Шарлотта, вынужденная присутствовать на этом сборище (Дерик так и не вернулся), старалась оставаться в тени, но в гостиной нашлись те, кому очень хотелось на нее посмотреть. В их числе была Эльфрига – принцессе стало до ужаса интересно, чем новая фаворитка подкупила ее венценосного брата, и конечно, мужчины, то и дело бесцеремонно разглядывающие графиню.

– Я слышала, – начала издалека герцогиня, – что в монастыре теперь не только читают молитвы, но обучают девиц музыке. Интересно, это правда?

Она в упор посмотрела на Шарлотту, но та воздержалась от ответа и этим еще больше разогрела любопытство принцессы. Тактичность ей явно была чужда, и она заговорила с новым пылом.

– Графиня, развеите наши сомнения, вы ведь воспитыва-

лись в монастыре?

– Да, ваша светлость, до шестнадцати лет.

– Ну тогда у вас еще совсем свежи воспоминания, поделитесь с нами, откройте тайну, неужели в монастырь пускают мужчин – учителей музыки и танцев?! Я всегда думала, что воспитанницам достаточно обожать своего духовника.

Ее фраза вызвала всеобщий смех, но Шарлотта отреагировала абсолютно спокойно. Три года жизни с Дериком научили ее быть нечувствительной к таким подшучиваниям, а язвительность герцогини явно была вызвана обычной завистью. Несмотря на то, что графиня Рос Джонс не слыла первой красавицей, в ней было какое-то неуловимое очарование и даже некая загадочность. Что до принцессы, ее сложно было назвать хотя бы милой: худая, с резкими чертами лица и желтоватой кожей, она даже в самом лучшем наряде смотрелась безлико.

– Ничего не могу сказать вам об обожании, потому что никогда не любила нашего священника. Что касается музыки, все желающие могли заниматься, но никого, насколько я помню не принуждали.

– А что же вы, посещали уроки? Сыграйте нам что-нибудь, очень хочется услышать новый голос, а то мужчины совсем оставили нас без внимания! – она немерено привлекла внимание к принцу, занятому «амурами» – Поддержите ме-

ня, ваше высочество!

Эдвин, который был поглощен беседой с другой девицей, прервал разговор на полуслове и выразил свое согласие с таким явным восторгом, который не оставлял сомнений в его предпочтениях. Шарлотта смутилась. Одно дело – играть в домашней гостиной и совсем другое – в гостиной королевских особ, где на тебя устремлены все глаза. Чтобы не показаться слишком гордой и не заставлять себя уговаривать, Шарлотта тут же поднялась и перешла к инструменту. Ее тонкие пальцы коснулись струн и комнату наполнил нежный, чарующий голос:

Филлеман шел к реке,
К самой красивой липе.
Там хотел он поиграть на золотой арфе,
Потому что руны обещали ему удачу.
Он играл на ней нежно, он играл на ней искусно,
И птицы затихали на зелёных деревьях.
Он играл на ней нежно, он играл на ней громко,
Он играл, чтобы освободить
Манхильд из рук тролля.
Поднялся тролль из глубин озера,
Он громыхал в горах и грохотал в облаках.
Разбил он арфу
И отнял так у тролля его силу и мощь

И завладел прекрасной Манхильдой.

Когда переборы струн стихли, гости наградили ее похвалами, которые редко звучали в этом обществе. Мало кто мог отказать ей в отличном голосе и слухе, а ее пальчикам – в таланте извлекать из лютни нежные звуки.

– Так значит, «играл на ней искусно», а потом увел у тролля! – проговорил в полголоса Ричард, комментируя слова старой баллады – Какой смелый пассаж, надо отдать ей должное! Весьма откровенный намек...

Принц вместе с одним из приближенных повернул голову к Эдвину, словно в подтверждение сказанного тот как раз подошел поближе к исполнительнице, уговаривая сыграть еще.

– У вас ангельский голос, – прошептал он ей на ухо, выставляя ноты и делая вид, что ищет нужную композицию. – Я совершенно сражен, почему вы держали это в тайне?

– Вы смеетесь надо мной? – Шарлотта чувствовала на себе многочисленные взгляды и очень хотела поскорее уйти, но не могла отказать в просьбе принцу.

– Нет, отдаю вам должное, мой сладкая горошинка! Жаль, что я не могучий Филлеман, чтобы вас освободить! Это мое самое заветное желание, не считая еще одного.

– Молчите, ваша светлость, прошу вас, иначе я не смогу играть, и ваши гости будут разочарованы.

– Хорошо, я буду нем, как рыба, если вы сдержите ваше обещание...

Гости не могли разобрать слов, сказанных так тихо, но вспыхнувшее лицо Шарлотты выдало ее с головой. Это обещание, которое принц чуть ли не силой вырвал у нее в оранжерее! Как можно было возражать, когда он стоял на коленях? Подняв глаза, Шарлотта встретила взгляд, полный нежности, и поняла, что пропала!

Глава 4. Дракон в королевской спальне

Отсутствие на празднике его величества предоставило свободу тем, кто остался в его зимней резиденции. По желанию фаворитки Ричарда на вечер назначили особое развлечение, способное подстегнуть приунывшую от еды и питья знать. Из столицы доставили ящики, которые многочисленная обслуга переносила, распаковывала и расставляла содержимое на открытой части парка. Наблюдая за происходящим из окна, фрейлины пришли в особый восторг и со смехом комментировали будущую забаву: с наступлением темноты гостей ждал фейерверк и возможность «пошалить», скрываясь под масками.

Это развлечение, излюбленное среди горожан, добралось и до высшего общества – что, как ни маска давало знатым или замужним дамам редкий шанс уединиться с предметом своей страсти! До самого огненного шоу каждый укромный уголок был занят влюбленными, неудивительно, что это вызвало такой ажиотаж сегодня! Общее возбуждение владело всеми, кроме Шарлотты – в ее гардеробе оказалось всего одно платье и ничего, что могло бы добавить интриги. Это

особенно порадовало белокурую леди – ту самую, с которой Дерик уединился в начале бала. Жослина и сегодня не прочь была бы поразвлечься с сексапильным графом и потому обратилась с вопросом напрямую к его жене:

– Шарлотта, дорогая, надеюсь вы с супругом к нам присоединитесь? Когда нам ждать возвращения графа?

Такой наглости жена Дерика никак не ожидала. Она смерила даму презрительным взглядом и спокойно заявила, что «господин граф» сейчас находится в полном распоряжении его высочества.

– Ну что же, – сдерживая усмешку проговорила Жослина, – жаль, но вы, я уверена, получите незабываемое удовольствие от вечера! Фейерверки только входят в моду, но нам доставили самые лучшие, я все разузнала у его светлости!

– Надеюсь, огнедышащих драконов не будет? – последовал смех девушек и обсуждение будущего представления снова заполнили комнату. Разделить их Шарлотта могла с большой натяжкой и рада была удалиться, когда ее попросили подняться в свои покои. Озадаченная такой просьбой, графиня вошла в спальню и застыла на пороге, встретившись лицом к лицу с герцогом.

– Эдвин... что вы здесь делаете? – пролепетала она, пока

слуга затворял за спиной двери, чтобы оставить их вдвоем. Он, ничего не объясняя, пересек комнату и с видом заговорщика закрыл ей ладонями глаза.

– Я подумал, что вам понадобится помощь, – медленно, шаг за шагом они двинулись вглубь комнаты и только здесь Эдвин убрал ладони. На кровати, заботливо накрытой шелковым покрывалом, лежало темно-красное бархатное платье. – Раз уж вы чудом попали на наше маленькое представление, я хочу сделать вам подарок. Вы ведь не прихватили с собой ничего из гардероба?

– Вы очень щедры, но я не могу его принять...

– Почему? – принц остановился за спиной и теперь склонился к ней, обнимая за плечи и сопровождая каждое предположение поцелуем. – Вам не нравится цвет? Я не угадал с размером? Может к платью нужны украшения, только скажите какие?

Шарлотта не находила слов для возражений, а юный герцог в свойственной ему манере продолжал игру. Он указал на маску, украшенную камнями и перьями, и прошептал ей на ухо: «Вы будете самой загадочной моей гостьей, только никому не открывайте нашу тайну!», после чего коснулся губами мочки ее уха и исчез так же неожиданно, как проник в спальню, оставив ее сгорать от волнения и нахлынувшего желания. Что оставалось делать? Отказаться, означало оби-

деть влюбленного герцога – согласиться – попасть под град подозрений и шуток. Графиня подошла ближе, села на кровать и провела рукой по бархатистой, прохладной ткани.

Наряд и в самом деле был королевским: открытый лиф, украшенный вышивкой, тончайшая ткань в разрезе рукавов, шнуровка на корсете из переплетенных золотых нитей. Специально под него горничная без малого час трудилась над прической: чтобы показать прекрасные плечи, она высоко подняла волосы и оставила только одну соблазнительную завитую прядь на шее. Когда все приготовления были закончены, Шарлотта, взглянув в зеркало, с трудом узнала в себе провинциальную замужнюю даму. На нее смотрела красивая женщина с нежным румянцем и возбужденным блеском в глазах, который, к счастью, можно было скрыть под маской.

Пока шли эти бесконечные приготовления, юный герцог как никогда весело проводил время. В ожидании свиданья он выпил для храбрости куда больше, чем это требовалось, и теперь без усталости шутил, заигрывая ко всем фрейлинам подряд.

До сих пор его романы носили кратковременный характер, но Шарлоттой он хотел завладеть по-настоящему и совсем не для того, чтобы выиграть спор! Еще немного – и он поднимет свой флаг, но пока приходилось оглядываться

на собравшихся и мучиться ожиданием. Глядя на него, даже язвительная Эльфрига, ни в грош не ставившая так называемые чувства мужчин, вынуждена была признать, что Эдвин безнадежно влюблен. Сама она явилась на праздник в пышном серебряном платье и усыпанной камнями маске, и сразу стала самой заметной фигурой. Холодная от природы, принцесса прохаживаясь между гостями, поддерживала разговор, но совсем не выглядела оживленной и не поощряла других к чрезмерному веселью.

Пребывая в приподнятом настроении, принц был окружен плотной толпой поклонниц, и Шарлотта сумела проскользнуть на праздник, избежав его внимания. Он заметил «незнакомку в красном» только когда ее пригласили на танец и увлекли за собой туда, где царило бурное веселье. Сначала танцевали парами, но потом кавалеры менялись дамами и на сцене появлялись новые исполнители. После каждой смены все присутствующие брались за руки и двигались по кругу, что сопровождалось смехом и попытками угадать лицо под маской. Музыканты старались на славу, а стайка девиц и молодых людей вела себя куда более откровенно, чем обычно. В разгар забавы чья-то рука обняла Шарлотту за талию, но стоило ей повернуть голову как неизвестный приложил палец к губам, подавая знак молчать.

Эдвин, а его она узнала бы в любом костюме, утащил ее из

круга в тень, где подхватил и закружил, выражая свое восхищение. Она ловила его поцелуи между словами и с трудом верила, что все это происходит в действительности, а не в каком-то несбыточном сне. Наконец герцог потащил ее к столу с угощениями, приготовленными для праздника. Здесь была и холодная дичь, и засахаренные фрукты, и башни маленьких пирожных, украшенных заспиртованными ягодами.

– Хочешь попробовать? – он взял одну из корзинок, чтобы угостить возлюбленную – Ну же, Шарлотта, это правда очень вкусно!

Она потянулась к угощению, но принц покачал головой и предложил дегустацию лучшим из способов – из его рук. Шарлотта откусила от уголка крошечный кусочек, совершенно не разбирая вкуса, а остальное Эдвин с удовольствием отправил себе в рот. Осталась только маленькая вишенка и он, бросив быстрый взгляд по сторонам, коснулся губ возлюбленной кончиком языка, передавая ей самую сладкую часть лакомства. Эта игра продолжалась несколько минут – он от отбирал, то возвращал ягодку, поддразнивал и побуждал Шарлотту ко все большей откровенности.

– А теперь, – с улыбкой произнес Эдвин и взял со столика пару серебряных кубков, – попробуй вот это, а я пока развлекаю тебя одной историей. Знаешь, какие огненные празд-

ники были у моего деда? Нет? – он рассмеялся, показывая ряд белых, ровных зубов – Зажигательную смесь заряжали в деревянные дудки и приставали к прохожим на улице. Представляешь? Если кто-то не давал денег – пфф! – устраивали ему миниатюрный фейерверк, сколько сожженных бород и платьев! Вот ты смеешься, а это продолжалось по несколько дней, хорошо, что не доходило до настоящих пожаров!

– Но мы-то в безопасности? – Шарлотта поставила кубок с вином обратно на столик, но принц предупредительно покачал головой.

– Нельзя оставлять вино на дне! Ты должна выпить все, это традиция и ее сегодня запрещено нарушать! – сам он опрокинул свою порцию и набравшись храбрости, подхватил Шарлотту под локоть. – Знаешь, я кое-то придумал! Есть одно место, откуда фейерверк будет видно лучше всего и нас точно не подожжет ракета. Главное, опередить других желающих.

– Эдвин!... – графиня, которую он схватил за руку, вынуждена была почти бежать следом за ним, чтобы оказаться в полупустом доме. Их исчезновения никто не заметил, благо в распоряжении гостей было множество укромных уголков за его пределами. Скоро они оказались на втором этаже, в одной из комнат с балконом, выходящим в парк. Будуар был идеально обставлен для свиданий: низенькая банкетка и кофейный столик, окна закрыты тяжелыми шторами, чтобы даже днем здесь царил интимный полумрак. Эдвин распах-

нул занавески и подозвал гостью, указывая ей на чудесный вид, который открывался с высоты.

– Какое волшебство! – мечтательно проговорила Шарлотта, не сводя глаз с огней, сияющих на фоне ночи.

– Ты правда так думаешь? А по мне волшебство – это уединенный дом, где-нибудь вдалеке от двора и возможность каждый вечер целовать тебя перед сном, и каждое утро после пробуждения...

– Вам быстро бы это надоело...

– Так вот в чем дело! – он обнял Шарлотту за плечи и повернул лицом к себе. – Ты подозреваешь меня в непостоянстве, считаешь бездушным эгоистом, который готов насмеяться над твоей добродетелью просто ради забавы. Скажи, кто успел меня опорочить? Граф, кто-то из придворных или ты случайно подслушала сплетни? Кому из этого списка мне бросить вызов?

Шарлотта пришла в ужас при одной мысли, что принц надумает драться с ее мужем. У бедного юноши не будет ни единого шанса, граф не пощадил бы его даже перед угрозой виселицы. Такого честолюбивого и гордого человека, как Дерик, надо еще было поискать и она в страхе схватила возлюбленного за руку:

– Умоляю, выбросьте эту мысль из головы! Я ни в чем вас

не виню!

– Тогда скажи, как мне оправдаться? Я сделаю все, что угодно. Неужели тебе меня не жаль, хотя бы немного сострадания я заслужил? Ну посмотри на меня, разве я такой уж отпетый негодяй?

На красивом, грустном лице Эдвина играли отблески огня, а в каждом слове он вложил столько отчаянья, что у Шарлотта невольно сжалось сердце. Она была за полшага до того, чтобы сдаться, но внезапная вспышка фейерверка заставила их одновременно отвернуться к окну. В небо с шипением взметнулись огни, вращались, создавали причудливые узоры, разбрасывая брызги сияющих искр.

Эдвин, наполненный восторгом и упоением от близости к возлюбленной и яркого зрелища, обнял ее и прижал к груди. Огненные колеса покатались по парку, послышались крики и хохот гостей, а затем небо раскрасил букет из пылающих разноцветных шаров. Каждая новая горящая точка взлетала высоко в поднебесье и там раскрывалась, освещая верхушки деревьев. Сердце Шарлотты готово было выпрыгнуть из груди, она не отводила глаз от представления, восхищенная его невероятной красотой, как вдруг одна из ракет сорвалась с места раньше времени, хаотично вращаясь, с сумасшедшей скоростью направилась к дому.

За мгновение до того, как она ударила в окно, Эдвин успел отскочить, закрыть собой Шарлотту и броситься вместе с ней на пол, спасаясь от огнедышащего чудовища. Комнату загорелась мгновенно: языки пламени поползли по шелковым обоям, охватили тяжелые шторы, ковер под ногами. Захлебываясь от кашля, герцог стащил с кресла покрывало и стал сбивать огонь, задыхаясь в черной густоте дыма. Это позволило им сделать несколько шагов в сторону выхода, но дверь, закрытая на задвижку, не поддавалась! Принц, обмотав руку обрывком обгорелого покрывала, с трудом смог отодвинуть засов, но стоило ему потянуть за ручку, как сквозь гудение пламени послышался отчетливый треск и прямо на них сверху рухнула балюстрада.

Удар сбил Эдвина с ног и несколько бесконечных секунд он пролежал в бесчувствии, окруженный пылающим адом. Шарлотта опустилась на колени, подхватив принца подмышки и потащила к выходу, куда уже бежали слуги, чтобы поднять его на руки и бережно перенести в ближайшие покои. Поднялась ужасная суета – кто-то неся с ведрами воды, кто-то за помощью для пострадавшего. Беглый осмотр показал, что повреждений кроме ссадин и шишки на темени у Эдвина нет, по сравнению с тем, что могло произойти, он отделался легким испугом. Вскоре служанка уже прикладывала холодную повязку к его лбу, а в дверях показался Ричард, вынужденный из-за происшествия прервать веселье.

– Ты всегда оказываешься в неподходящей месте, – воскликнул он, убедившись, что с братом все в порядке. – Но голова такая же крепкая, а ангел-хранитель у тебя все тот же, что был у тебя в десять лет!

Немногие из присутствующих поняли эти полунамёки. Разве что лакей, который участвовал в поиске мальчиков, сбежавших от присмотра, чтобы построить укрепления и сражаться с воображаемыми врагами. Тогда на Эдвина рухнула часть старой стены, и врач откровенно сказал, что ему повезло только благодаря вмешательству высших сил.

– Не совсем тот же, – Эдвин указал глазами на Шарлотту, которую оттеснили в угол комнаты. Теперь это был ангел из плоти и крови, и у него были милые для сердца принца черты.

Ричард оглянулся и его брови поползли вверх:

– Ты неисправим, дорогой брат, даже сейчас не оставляешь надежду выиграть спор?

– Забудь про пари, это здесь не при чем!

– Очаровательно! Впрочем, может оно и к лучшему, я могу не думать о том, где найти для тебя сиделку до утра! Только учти – условия те же, скидки делать я стану, даже наобо-

рот, теперь ты ранен и тебя точно окружают самой нежной заботой!

Он поднялся и с успокоенным сердцем сделал несколько шагов к двери, где в ожидании стояла Шарлотта.

– Мой брат страшный упрямец, – воскликнул Ричард. – Я только что говорил с ним, и вы не поверите, бедняге не терпится проверить, в каком состоянии дом после пожара. Он винит себя в том, что не смог «усмирить дракона». Может у вас получится повлиять на его светлость?

– У меня?! Но я...

– Конечно! – перебил ее принц – Вы ведь женщина, а женщины знают такие уловки, которые могут удержать мужчину в постели, чтобы он не натворил беды! Ему ведь нельзя вставать, мало ли какие могут быть последствия. Вы мне обещаете вашу помощь?

Эта хорошо продуманная двусмысленная фраза заставила Шарлотту покраснеть. Нравы при дворе явно не отличались строгостью, но чтобы ей вот так предложили провести с принцем ночь!

– Я сделаю, что смогу, хотя боюсь вы преувеличиваете мое влияние.

– И все-таки, я вас прошу! – он схватил графиню за руку,

развязно поцеловал и с улыбочкой удалился, оставив ее вместе с несколькими слугами в спальне брата. Эдвин, который наблюдал за всем издали, поманил Шарлотту к себе и скинул со лба примочку, отстраняя руку горничной.

– Все хорошо, ваша светлость, пожар уже потушили, умоляю вас, не поднимайтесь! – графиня присела рядом.

– И, слава Богу! – он окинул взглядом растерянных слуг и сделал движение, указывая на двери. – Оставьте нас! Все вон!

Камердинер попытался было вставить слово, но встретил взгляд, который не предвещал ничего хорошего. Герцог, до боли сжимавший руку графини, дождался, пока закроется дверь, вскочил и порывисто обнял ее, прижимая к груди.

– Я не простил бы, если себе, если бы с тобой что-то случилось! Скажи еще раз, ты в порядке? Сильно обожглась? Если бы я мог хоть на минуту такое предвидеть...

Шарлотта легко провела рукой по его волосам, не зная плакать или радоваться чудесному избавлению, и попробовала лаской уговорить принца вернуться в постель:

– Я не пострадала, успокойтесь, а вот вам нельзя вставать, иначе не избежать головной боли! Я не уйду, побуду здесь,

если хотите!

– Хочу? Да я за все сокровища мира не отпущу тебя больше! Иди сюда! – Эдвин отбросил одеяло, и устремил выжидательный взгляд.

Маленькая сиделка не сдвинулась с места, пришлось обхватить ее за талию и потянуть за собой в мягкие облака перины. Шарлотта оказалась в плену, и после недолгого сопротивления позволила бедному страдальцу обнять себя и положить голову на грудь. Это была минута блаженного покоя – он неподвижно лежал, слушая частые удары сердца и прерывистое дыхание. Шарлотту переполняли чувства, она склонила лицо, и легко коснулись губами волос Эдвина.

– От меня пахнет дымом... – произнес он, не открывая глаз и сильнее стискивая в объятиях свою пленницу.

– Почти как от странствующего рыцаря, который провел ночь у костра.

– И как же ты назовешь своего рыцаря? Эдвин Легкомысленный или Эдвин Безрассудный?

– Ни то и ни другое, это будет моя тайна!

– Ну нет, так не пойдет! – он приподнялся на локте и устремил на нее лукавый, насмешливый взгляд – Я хочу знать, какое имя подарила мне прекрасная дама? Ну же, Шарлотта, не мучай неизвестностью!

– Хорошо, я скажу, но только когда вы поправитесь...

– О, значит, это что-то такое, что требует от меня мужества! Чтобы получить достойное имя, недостаточно потушить драконье пламя, ты отправишь меня сразиться со злым троллем! И знаешь, что я отвечу? Я не буду с ним воевать, я просто тебя украду, прямо сейчас! – капкан рук сгреб ее, стиснул, как долгожданную добычу, а горячий шепот обжег ухо. – Не оставляй меня одного! Еще одна ночь в одиночестве, и я сойду без тебя с ума! Может завтра придется уехать, а я не хочу тебя отпускать!

Шарлотта что-то попробовала возразить, но Эдвин коснулся ее губ кончиком пальца, потом медленно провел по ним – влажным и горячим – потянулся, и накрыл своими губами. Она встrepенулась от этого легкого прикосновения, но не отстранилась, а невольно подалась навстречу. Целую вечность спустя он с трудом оторвался от сладкого, влекущего рта, чтобы оставить дорожку из поцелуев на лице, шее, мочке маленького уха. После пережитого во время пожара чувства болезненно обострились. Голова кружилась, а все вокруг выглядело немного размытым и нереальным, как во сне. Кажется, он еще ни разу так сильно не желал обладать женщиной, но Шарлотта постоянно ускользала, оставляя привкус разочарования.

Нет уж, хватит, сегодня она никуда не сбежит! Эдвин добрался до шнурков корсета и с удивительной ловкостью

распустил их, всем телом ощущая нарастающую любовную жажду. Волосы Шарлотты, так тщательно уложенные в прическу, рассыпались и упали на грудь, едва прикрытую батистовой рубашкой. Она прерывисто вздохнула, когда принц спрятал нежные округлости в своих ладонях. Эдвин ощущал через тонкую ткань две маленькие, дразнящие бусинки, и от прикосновения к ним по нервам Шарлотты пробежал ток. Ее дыхание участилось, а тело напряглось в ожидании, позволяя мужским рукам ласкать каждую округлость, пробираясь все ниже все ниже, под подол длинного платья.

Когда касание пальцев обожгло кожу бедра, Шарлотта замерла и схватила Эдвина за плечи, как перед прыжком в пропасть.

– Я внушаю тебе страх? Ты меня не хочешь? – он остановился совсем близко к заветной ложбинке.

В ответ она покачала головой и прикусила губами уголок подушки.

– Я не понимаю, скажи мне остановится? – пальцы сдвинулись еще немного.

– Нет! – в борьбе желания и остатков разума победа была за первым. Шарлотта раздвинула бедра, пропуская его туда, где уже было жарко и влажно.

Теперь уже они оба были охвачены нетерпеливым ожиданием. Мужскому естеству давно стало тесно под одеждой, от которой Эдвин поспешил избавиться. Он попробовал справиться со шнурками и пуговичками на платье, но пальцы не слушались, пока ткань не затрещала и длинная юбка с ее бесконечными кружевами и складками не полетела прочь. Шарлотта провела руками по его обнаженной спине, чувствуя, как следом побежали мурашки, а потом теснее прижалась бедрами, обжигая его плечо дыханием.

Эдвин легко перевернулся и усадил ее сверху, чтобы дать возможность править балом. Его руки сжимали бедра возлюбленной, направляли маленькую наездницу, было восхитительно смотреть, как она запрокидывает голову, кусает губы, чувствовать как длинные волосы щекочут грудь, когда она склонялась для поцелуя. Вскоре Шарлотта уже задыхалась от бешеной скачки, каждый ее нерв дрожал, а в животе пульсировало. Казалось, еще немного – и они разлетятся на тысячу маленьких осколков, вместе приближаясь к развязке. Когда одновременно с Эдвином она оказалась на самом пике, пришлось схватиться за спинку кровати и прижаться губами к горячему рту, чтобы заглушить счастливый стон.

Опустошенные, уставшие от любовной гонки, оба повалились на разбросанную постель. Эдвину казалось, что кровать

покачивается, как бывало после сильной пьянки, но вместе с этим его переполняли совершенно новые чувства. Принц повернул голову, посмотрел на Шарлотту, все еще пребывающую в сладком мареве, и поцеловал обнаженное плечо. На ее лбу блестели маленькие бусинки пота, губы горели от бесконечных поцелуев, а на шее под полупрозрачной кожей трепетала тонкая жилка. Рядом была женщина, переполненная блаженством, но ему захотелось ее немножко подразнить.

– Я тебя не разочаровал? – за шепотом скрывалась улыбка, которую Шарлотта не сразу распознала. – Тебе понравилось или попробуем еще раз?

– Еще раз? – она распахнула глаза и посмотрела в его смеющееся лицо.

– Да, моя сладкая горошинка, но ты можешь не отвечать! Я и так вижу, что ты согласна.

Глава 5. Неудачная охота.

После бесконечно долгой, наполненной любовными играми ночи солнце светило так ярко, что слепило даже через опущенные веки. Шарлотта, незаметно уснувшая в объятиях любовника, теперь очнулась от стука в дверь и не сразу поняла, где находится. Ее голова лежала на плече Эдвина и он лениво пошевелился, пока в спальню входила горничная с подносом. Словно маленький заговорщик, Шарлотта нырнула с головой под одеяло и затихла, стараясь не выдавать своего присутствия.

– Спасибо, Мэри, можешь идти, – голос принца был сонным, но довольным. Не обращая внимания на прислугу, он поймал ее руку Шарлотты и положил на туда, где успела накопиться мужская энергия.

– Ваше высочество, герцогиня и ваш брат просили меня узнать, как ваше здоровье и не нужно ли вам чего-нибудь? – Мэри, которая привыкла ничего не замечать, услужливо поставила поднос и остановилась рядом со столиком.

– Передай, чтобы меня не беспокоили, – Эдвин, управляя ладошкой Шарлотты, сжал возбужденную плоть и нетерпеливо пошевелился. – Я спущусь, когда буду готов!

Шаги затихли и теперь он со смехом приподнял одеяло, притягивая к себе возлюбленную и наслаждаясь ее явным смущением:

– Доброе утро, моя любовь! Я предложил бы тебе кофе, но ты видишь сама, что кое-кто еще хочет с тебя поприветствовать!

– Эдвин, нас могли увидеть! – она явно была озабочена вовсе не играми в любовь. – По-моему мне нужно вернуться в свою спальню?

– Мой ответ: «нет», я не хочу, чтобы ты уходила!

Шарлотта, отвечая на ласки герцога, уже захватившего ее в плен, не могла избавиться от дурного предчувствия, и прислушивалась к каждому звуку.

– Разве вы не слышите? – ей пришлось прервать поцелуй, от которого негa разливалась по всему телу – Собаки! Значит, все вернулись из охотничьего домика! Он убьет вас, Эдвин, а потом и меня! – Шарлотта с трудом освободилась из рук принца, откинула одеяло и стала наскоро одеваться, кое-как поправляя прическу. В последний момент она перехватила взгляд герцога и застыла на месте. Он сильно побледнел, а тонкие ноздри подрагивали от волнения:

– Ты меня бросаешь? Хочешь вернуться к мужу?

– Эдвин, – она села на край кровати. – Я люблю вас, но у меня нет выхода! Пообещайте не затевать ссоры с графом. Я боюсь за вашу жизнь!

– Ты предлагаешь МНЕ просто отдать тебя Деррику, чтобы ты вернулась в его дом, делила с ним постель, подавала вино на ужин? Словом, мы сделаем вид, что ничего не было? – он оттолкнул ее руку и вскочил с постели. – Не проси меня о таком, Шарлотта!

Впервые графиня увидела лицо другого Эдвина – жесткое, полное самомнения и чувства превосходства. Она ужаснулась еще больше, когда это надменное лицо еще сильнее побледнело и принц пошатнулся, схватившись за изголовье кровати. Шарлотта вовремя подставила плечо и помогла ему улечься на подушки:

– Хорошо, я не уеду! Обещаю, я что-нибудь придумаю и сразу вернусь, но сейчас, умоляю, не вставайте и позвольте мне уйти. Я приду как только вы за мной пошлете!

Ее уговоры сработали, но скорее из-за накатившей на принца слабости и головокружения. Сказалась вчерашняя травма и безумные несколько часов, проведенных в постели с предметом своей страсти. Она поправила подушку, склонилась, чтобы поцеловать герцога, но он молча отвернул лицо с написанной на нем упрямой обидой. Уже на поро-

ге Шарлотта бросила на него взгляд, полный сострадания и любви, чувствуя, как собственное ее сердце разрывается от страха, а душа – от чувства вины.

Прелюбодеяние – смертный грех! Этому ее обучили еще в монастыре, но Господь Бог где-то высоко на небесах и ему, может быть недосуг наказывать ее немедленно, а вот Дерик... Графиня, чудом проскользнувшая в свою спальню, успела переодеться и немного привести себя в порядок, прежде чем увидела приближающихся всадников. Одним из них был граф – его легко было узнать по горделивой посадке и вороной лошади.

Гостей встретил грум, они один за одним стали спешиться и заполнили двор, который сразу стал людным. Борзые лаяли, чувствуя нетерпение, у парадного входа стали показываться фигуры гостей и Шарлотта, вздохнув, вынуждена была к ним присоединиться. К моменту ее появления Дерик успел узнать о случившемся пожаре, но кое-что от него все-таки утаили. Ричард, со смехом обсуждая влетевшего в окно к брату «дракона» посоветовал не распространяться о маленькой интрижке принца. Бешеный нрав графа мог испортить охоту, а то и лишить жизни нескольких дворян.

Здоровью принца, по-видимому, ничего серьезного не угрожало, нужно было лишь отлежаться в постели, а вот по-

смотреть на «безгрешную» пуританку во время встречи с мужем было бы весьма любопытно! Вспоминая прошедшую ночь, Шарлотта возблагодарила небо за вчерашний маскарад. Пресловутое красное платье, из-за которого она весь вечер была в центре внимания, спасло ее от неминуемой гибели. То, что осталось от него после пожара и бурной ночи, покоились в спальне принца, а на глаза мужу она явилась в собственном наряде, так, словно ничего не произошло.

Дерик, заметив жену, оставил разговор и уверенной походкой направился к ней, чтобы расспросить о здоровье и понизив голос уточнить:

– Как вы провели без меня время, дорогая? – внимательные темные глаза заглянули остановились на ее бледном лице.

– Также, как после ваших обычных исчезновений, вы ведь ушли освежить голову вчера утром!

– Не предполагая, что вынужден буду задержаться... С вами все в порядке, я слышал здесь кое-что случилось, не так ли? У вас холодные руки и болезненный вид, Летти! – он взял ее под руку и повел подальше от собравшихся, вызвав недвусмысленные взгляды гостей.

– Вы действительно беспокоитесь обо мне? – с удивлением обнаружила графиня, улавливая нотки тревоги в его голосе.

– Можете язвить, сколько угодно, сударыня, но я все это время думал только о вас. Меня практически похитили, и вернуться раньше не было никакой возможности.

– Зато я слышала ваше имя в обществе дам чуть не каждые полчаса!

– Летти! – граф остановился и окинул ее сердитым взглядом. – Почему вы хотите меня разозлить? Я предлагаю перемирие и готов перед вами повиниться. Что касается... неких дам – он задумался, подбирая выражение, – даю слово, что вам, моя милая, тревожиться не о чем! Ни на одну из них я вас не променяю!

Незаметно они оказались в той части двора, где на свободе бегали охотничьи собаки, и одна из них внезапно насторожилась, обратив внимание на неожиданных гостей. Борзая, принюхиваясь, подошла к графине и завиляла хвостом, уткнувшись ей мордой в складки платья и стала облизывать руки, чем совершенно изумила графа и подоспевшего к ним грума.

– Простите, ваша милость, – он свистом отозвал пса. – Это Дункан, любимец его светлости герцога Ламарский, такого нюха, как у этой борзой еще поискать!

– Даже так? – лицо Дерика помрачнело. – И что же его, хотелось бы узнать, заинтересовало в моей жене?

– Представить не могу! Такой найдет слезинку на поле, но

чтоб так благоволить к гостье, не могу припомнить такого случая!

– Восхитительно! – процедил сквозь зубы Дерик. – Знакомый запах... Стало быть, дорогая, его высочество вас «пометил»?!

Лицо Шарлотты залил румянец гнева. Она могла принять обвинения в измене, но не такие унижительные выражения и потому выдернула руку и отступила на несколько шагов, намереваясь уйти.

– Куда это вы собрались? – граф, которого снова охватили ревнивые подозрения, преградил жене дорогу. – Уж не хотите ли вы вернуться с оскорбленным видом в дом, чтобы утешать в мое отсутствие принца? Говорят, ему расшибло башку, может в трещину затечет немного ума?

– Вы ведете себя, как дикарь, на нас все смотрят, хотите позабавить общество?!

– Пусть вас это не заботит, свою честь я всегда сумею отстоять, а вы сейчас же уезжаете домой. Немедленно, Шарлотта, отправляйтесь собирать вещи и если я узнаю, что вы приближались к спальне принца, а я узнаю(!), вам не поздоровится!

Для полного спокойствия Дерик приказал позвать свободную горничную и слугу, готового забрать вещи. Шарлот-

та, глотая подступившие к горлу слезы, старалась держаться спокойно – оплакивать свою судьбу она будет в собственном доме, для этого хватит времени, но уйти, не сказав ни слова бедному Эдвину... она сняла с пальца кольцо и сунула его в карман горничной:

– Прошу вас, – прошептала она, – отдайте это его светлости и скажите, что я желаю ему поскорее поправиться и буду... нет, больше ничего не говорите!

В награду за помощь служанка получила золотой – невиданная щедрость и даже пожалела бедную графиню, которая покидала это место с разбитым сердцем. А жаль, похоже ей повезло меньше, чем другим протеже принца, а они, помниться выглядели довольными и счастливыми. За каких-то десять минут вещи были упакованы и Шарлотта спустилась вниз с ледяным выражением лица. Она слегка поклонилась фрейлинам и сделала реверанс герцогине, поблагодарив ее за теплый прием, а перед самым отъездом нанесла визит его высочеству Ричарду.

– Граф, вы поступаете несправедливо, – многозначительно улыбаясь и покручивая ус возмутился наследник. – С какой стати вам пришло в голову лишать нас такого прекрасного общества?

– Моей жене нездоровится и скачки по сырому лесу не

пойдут ей на пользу, – отрезал Дерик.

– Вот как?! – герцог изобразил понимание – Хотелось бы верить, что нездоровье вашей прекрасной супруги особого свойства... то, после которого вас можно будет поздравить...

Шутка удалась ему на славу, пожелав семейству пополнения, он на самом деле зародил сомнения, для которых и так хватало повода. Принц относился к разряду тех людей, чья любовь была иногда хуже немилости. Он считал Дерика славным малым, но не мог простить ему гордыни. Верная жена, образцовый брак в распутный век? Как показала жизнь, стоило только созреть подходящим обстоятельствам и немного поспособствовать брату, чтобы маленькая пуританка превратилась в нежнейший цветок из оранжереи Эдвина.

Пока принц продолжал насмешничать за спиной у Дерика, тот успел проводить жену до кареты и захлопнул за ней дверцу, сделав внушительное предупреждение:

– Больше я не поверю в поломку кареты, сударыня! Езжайте прямиком домой и только попробуйте вернуться без моего согласия!

Кучер тронул лошадей и карета вскоре выехала за ворота, оставив в душе у графа отвратительный осадок. Не на-

до было привозить с собой Шарлотту и еще меньше – верить ей. Он с трудом стряхнул с себя досаду и бодрым шагом направился к компании охотников. Собравшиеся вельможи все как один были заядлыми охотниками и разговор порой происходил на повышенных тонах, но появление дам немного снизило градус страсти. В числе фавориток, также участвующих в развлечении, была и Жослина. Одета с голубую амазонку и озорную шляпку, она сияла здоровьем и красотой, и не преминула перекинуться с Дериком парой словечек.

– Ваша милость, что такое, почему вы хмурите лоб? Я вас не узнаю! – ямочки на щеках стали заметнее, а в глазах появилось лукавое выражение. – Мы ждали вашего возвращения весь вчерашний вечер, как жаль, что вы не смогли к нам присоединиться!

– Было чертовски весело, не так ли? – проговорил он непривычно холодным тоном, чем задел свою протезе.

– Весьма, – она вздернула носик, давая понять, что не намерена терпеть его дурной нрав.

– Жаль, что не все разделяют ваш восторг, некоторым вчера, как я слышал, не повезло! Что-то я не вижу с нами герцога.

– Да, бедняжка – Жослина капризно скривила губки. – Но говорят с ним ничего серьезного, обычное сотрясение... А как ваша жена? Ей тоже нездоровится?

– А вот это вас никак не касается, сударыня, – отрезал он, обрывая любую возможность распускать сплетни.

– Простите, – ответила белокура фрейлина, оскорбленная таким грубым обращением. – Всем известно, как вы бережете свое главное сокровище!

– Бриллиант, упавший в грязь, все равно остается бриллиантом, моя дорогая Жослина! Особенно если эта грязь собралась с языка некоторых дам, – отрезал он и отвернулся.

Красивое личико фрейлины сильно покраснело. Что ни говори, а Дерик был лучшим из любовников Жослины и ей хотелось подразнить его совсем немного, а не затевать ссору. Она ожидала, что впереди у них и неделя, а может быть и больше, отдых в охотничьем домике и жаркий камин в спальне. Теперь вся радость и надежды испарились без следа и на их место пришло жгучее желание отомстить. Способ придворная красавица еще не придумала, но на самом деле он и не требовался. Единственное, что сейчас приносило утешение оскорбленному до глубины души графу – уверенность в том, что Шарлотта уже далеко отсюда, и его соперник не может до нее дотянуться.

Вся эта суета, шум и сборы, которые заняли все утро, прошли мимо Эдвина. После приема опия он проспал несколько часов и почувствовал себя значительно лучше после пробуждения. Головная боль и дурнота почти стихли, но сидел-

ка настаивала, чтобы он обязательно оставался в постели. По ее требованию принцу принесли горячий бульон и открыли окно, чтобы впустить свежий воздух. Только теперь он заметил подозрительную тишину, которая никак не вязалась с сегодняшними планами, и отбросил одеяло.

– Где мой брат и герцогиня? Уже уехали?

– Да, ваша светлость, в доме никого нет, – сиделка сделала движение, чтобы успокоить больного, но он оттолкнул ее руку и приказал немедленно позвать своего камердинера. Тот явился, торопясь успокоить принца и убедить слушаться доктора, но не ожидал подробного допроса, касающегося Шарлотты.

– Хватит притворяться идиотом! – всегда мягкий и спокойный Эдвин разговаривал со слугой не просто нетерпеливо, но даже грубо. – Ты прекрасно знаешь о ком я говорю! Меня интересует, графиня уехала?

– Именно так, ваша светлость... – смягчить известие было никак нельзя, и старому слуге пришлось взять на себя роль гонца с плохими новостями. Принц повел себя странно, говорил, продолжая смотреть в одну точку – куда-то себе под ноги.

– И ничего мне не передавала? Записку, письмо? – Эдвин склонил голову на бок, словно перебирая оставшиеся возможности, но ничего другого не придумал.

Камердинер отрицательно покачал головой и вынужден был невольно отступить, наблюдая внезапную вспышку гнева, совершенно несвойственного герцогу. Хрупкий столик с пинка полетел на пол, покрывало оказалось сорванным с кровати, а потом совершенно неожиданно принц рухнул на кровать и заплакал, пряча лицо в ладонях.

Его плечи вздрагивали несколько минут, пока слуги в немом изумлении переглядывались, а размышляя, не послать ли снова за доктором.

– Ваша светлость, – как можно тише и ласковей заговорила сиделка, – мне кажется Мэри спрашивала о вас перед отъездом гостей, может быть она что-то знает?

– Так позовите ее! – герцог распрямылся, судорожно вздохнул и вытер лицо тыльной стороной ладони. Он ждал, казалось, целую вечность, пока отворилась дверь и вошла испуганная и смущенная горничная.

– Если ваша милость хочет узнать ... – робко начала она.

– Здесь все сговорилось против меня?! – Эдвин вскочил и подошел к служанке, нависая над ней с разъяренным лицом – Я что, невнятно выражаюсь? Да, я желаю узнать про Шарлотту!

– Ее милость уехала очень срочно и не могла вас навещать, поэтому, – рука горничной нырнула под передник, и

она протянула принцу кольцо – Вот!

– Что она сказала? – он выхватил украшение. – Что, мне тянуть из тебя каждое слово клещами?

– Ничего, – вздрогнула Мэри. – Пожелала вам выздоровления!

Какое-то время Эдвин крутил в руках перстень, как будто он мог рассказать ему больше служанки, а потом горестно усмехнулся:

– Какая забота! И что же ей помешало сказать мне об этом лично?!

– Полагаю, его милость граф был ею недоволен и распорядился немедленно отправиться домой, – пролепетала Мэри.

– Уехала домой?! – принц застыл на месте. – А Дерик?

– Граф на охоте с остальными господами, – подтвердил камердинер.

Это открытие произвело на герцога непредвиденный эффект. Он надел подарок Шарлотты на мизинец, поднес его к губам и приказным тоном потребовал принести ему дорогой костюм. Таким возбужденным его раньше не доводилось видеть. Одеваясь и что-то бормоча себе под нос, он вдруг сменил гнев на милость и похлопал старого слугу по плечу:

– Ладно, прости меня, Мэт, я был грубым, но в любви и на войне все средства хороши. Пусть он попробует теперь встать у меня на дороге!

С этими словами, ничего не сообщая о своих планах, Эдвин стремительно выбежал из дома, вскочил в седло и скрылся из виду.

Глава 6. Падающая башня

Проливной дождь внезапно сменил собой тихую и ясную осеннюю погоду. Тропинка между деревьями была покрыта мокрой листвой и тянулась бесконечно, а шум капель усыплял Эдвина, который еле держался в седле. Голова у него после часовой скачки кружилась, перед глазами проносились тени, а в ушах стоял шум. Он глубоко вздохнул и поднял глаза – растительность становилась реже, а дорога – шире, значит, он двигался в правильном направлении. Это путешествие, на которое принц решился от отчаянья, оказалось ему непосильным – запыла хватило на первые мили, потом он почувствовал подступающую дурноту и уже несколько раз отключался – это чудо, что ему удалось не сломать спину и не рассадить голову. Теперь ему чудился отдаленный лай собак, но справа или слева – понять было невозможно.

Лесное эхо играло с незадачливым путешественником. Нашупав флягу на поясе, герцог отхлебнул пару глотков живительного бренди – перед охотой он всегда им запасался, а сегодня день охоты и вся свита развлекается, загоняя дичь. Деревья перед ним покачнулись, силы окончательно покинули принца – он зажмурился и мешком свалился на траву.

Прошло какое-то время, и вблизи поляны показался всадник, чья собака бросилась вперед, осаждая кого-то невидимого отчаянным лаем. Неизвестный спешил и подошел к брошенной лошади, нетерпеливо преступавшей с ноги на ногу. Было ясно, что животное гнали без остановки – спина его стала мокрой от пота и сильная рука в перчатке похлопала ее по крупу, словно успокаивая, после чего охотник пересек кустарник.

Фигуру, распластавшуюся без движения на траве, граф (это был никто иной как Дерик) узнал сразу и присел на рядом со своим молодым соперником. Некоторое время он смотрел в бледное смазливое лицо принца и кривил губы, размышляя о превратностях женского сердца. Судя по дыханию, Эдвин был жив, но без сознания. Дерик вытащил из-за пазухи пузырек с остро пахнущей жидкостью и поднес ее к лицу пострадавшего. Почти сразу герцог сделал судорожный вздох, широко распахнул глаза и держась за бок, болезненно закашлялся.

– Это вы?! – наконец проговорил он охрипшим голосом.

– Представьте себе! Какая ирония, не так ли? Лучше лежите, ваша светлость, чтобы мне не пришлось вас связывать.

Эдвин вытер мокрое от дождя лицо и сел, оглядывая поляну, и пытаясь восстановить в памяти события.

– Ваша лошадь на месте, оружие тоже. Жаль не скажешь того же про голову... – Дерик жевал соломинку и она подрагивала между презрительно сложенных губ.

– Хотите блеснуть остроумием? – принц потер виски, борясь с ужасной головной болью.

– Вовсе нет, констатирую факты. Но раз уж вы заговорили про юмор, давайте кое-что проясним без свидетелей. Вы уже стали ее любовником или только собираетесь распечатать закрытый колодец? Хотя, по-моему, вопрос излишен, против вас говорит вот это! – он указал пальцем в перчатке на руку герцога, где красовался пресловутый перстень с черным камнем. – Если вы не склонны еще и к воровству, ваше высочество, а я надеюсь, что это так, то Шарлотта дала вам его сама, очевидно, на долгую память перед разлукой.

– Я ни в чем не буду перед вами отчитываться! – голубые глаза поблескивали нездоровым огоньком. – И не вам указывать, с кем я могу или не могу иметь отношений, если этого захочу!

– Я мог бы много вам сказать в ответ, герцог, но буду краток: женщины непостоянны, а особенно замужние, – терпеливо разъяснил Дерик и в его спокойном голосе было больше угрозы, чем в рычании дикого животного. – То, что вы приняли за любовь всей жизни, не более, чем порыв ... как бы это сказать, женской страсти! Я сам не святой и мог бы пожать вам руку за такую победу, но речь идет о моей жене и

поэтому я скажу только один раз: «Или вы оставите в покое Шарлотту или я вас убью. Прямо здесь, прямо сейчас!» Не сомневайтесь, ваша светлость, сейчас вы полностью в моей власти, и я это сделаю!

Взглянув на графа, Эдвин вспомнил предупреждение Шарлотты и понял, что Дерик не будет шутить. В руке графа блеснул кинжал, который он всегда носил при себе – фамильная ценность, единственное, что осталось ему от отца-испанца, не считая бешеного нрава.

– Вы собираетесь бросить мне вызов, граф? – в позе поверженного Эдвина и в его голосе проявилась надменность, так характерная для королевской семьи. Свое поражение признавать он не собирался и невольно прислушивался, не приближаются ли другие охотники.

– Дуэль не потребуется. Это правда, что я ниже вас по положению, но обладаю таким же правом, как любой дворянин, и не позволю даже вам наносить мне личные оскорбления. Что вы мне ответите, герцог?

– Я не стану вам отвечать!

Лезвие мгновенно оказалось возле шеи принца, а глухой голос отчеканил каждое слово:

– Я не хочу марать о вас руки, герцог, дайте мне слово, что

прекратите домогаться и преследовать мою жену, не будете ей писать и отвечать на письма! Вы никогда к ней больше не приблизитесь и не станете распространять о ней сплетни, иначе я перережу вам горло. И да, верните кольцо, это памятная вещь!

– Вы сумасшедший! Подумайте, что с вами будет? – принц отклонил голову назад, не сводя бегающих глаз с соперника.

– Слово, герцог! – острие сильнее врезалось в кожу и по шее заструилась тоненькая полоска крови.

– Ладно! – принц тяжело дышал и был близок к обмороку – Будь по-вашему!

Стычка закончилась. Дерик сорвал перстень с пальца принца и спрятал за пазуху, после чего с абсолютно спокойным видом продолжил жевать травинку. Он чувствовал удовлетворение, поставив на место зарвавшегося мальчишку. Удовлетворение, но не удовольствие, потому что защищал честь женщины, которая предпочла его другому и, наверное, любила его. Граф свистнул, подзывая лошадь, поднялся на ноги и подхватил Эдвина, чтобы усадить в седло, в котором тот едва держался. Медленно, под нарастающим дождем они двинулись дальше, пока не настигли слуг, занятых загоном дичи. Все были в растерянности, но быстро соорудили самодельные носилки, осторожно уложили на них принца и отправили одного из людей предупредить о несчастье.

Происшествие скоро дошло до ведома его высочества и Ричард в глубоком негодовании вынужден был прервать любимое занятие. Он ворвался в комнату брата в охотничьем домике и застал его, окруженного нежной заботой Жослины с холодным компрессом на лбу, телом, покрытым ссадинами и разбитым сердцем. В качестве утешения принц получил прозвище «безмозглого осла» и «беспутного идиота». Перед тем, как хлопнуть дверью и залить гнев вином, Ричард выразил единственное желание – отправить герцога обратно в Долиш – к матери.

Он не раз и не два возвращался к этому во время застолья, пока сестра, соблюдавшая до поры до времени благоразумное молчание, не напомнила ему о некоторых важных вещах.

– Ричард, вы должно быть забыли о приезде Катрины или наши намерения породниться с Оссэрвами изменилось?

– Дьявол и преисподняя! На еще когда назначен это чертов визит?

– Через месяц, сударь, но нам еще предстоит написать герцогине и подготовить для нее достойный прием!

– Хорошо, – к радости притихшей Жослины и жестокому недовольству Дерика его высочество сменил гнев на милость. – В таком случае ему придется остаться, но видеть лицо это шалопая я не в силах. Пусть пока поживет в военном лагере, может это остудит его голову!

Дальнейшие рассуждения утонули в восклицаниях фрейлин, готовых заступиться за «бедняжку герцога» и последовавших за этим пьяных излияниях. Незаметно покинув общество, белокурая сиделка принца потихоньку вернулась к нему, как только буря утихла в надежде принести хорошие вести и немного развлечь Эдвина. Он выглядел неважно и был совсем хмурым, хотя кто обвинил бы его в этом, учитывая перспективу перебраться в такое захолустье, как Долиш. Королева, которая давно опостылела мужу, проводила там большую часть года, но для молодого герцога такое наказание было чрезмерно жестоким!

Эдвин повернул голову и взглянул на Жослину, которая присела возле кровати, готовая ворковать и нежничать. От своей соперницы она благополучно избавилась и хотела занять ее место, а заодно отомстить Деррику!

– Как вы себя чувствуете? Головная боль не стихла, жара нет? – маленькая ладошка легко дотронулась до высокого лба, на который падали непослушные кудри и погладила принца по щеке.

– Чувствую? – переспросил Эдвин бесцветным голосом. – Просто великолепно! Хотелось бы знать, завтра будет так же или еще лучше?

– Ну, для начала, вам больше не грозит ссылка, – нежно

улыбаясь сообщила фрейлина, – кроме того, вы идете на поправку, так прогноз не такой уж мрачный! Я могу сделать для вас карточный расклад, и вы сами в этом убедитесь. Хотите?

– И какой вопрос я могу задать? – он приподнялся на подушке.

– Любой. Обещаю сказать вам правду!

Эдвин кивнул, хотя не испытывал особого интереса к гаданию – ему просто хотелось забыть собственное унижение. Жослина быстро вернулась с бисерной сумочкой, откуда извлекла потертую колоду, несколько раз перетасовала ее и положила перед собой, игриво поглядывая на герцога:

– Вопрос будет о любви?

– Неужели это так заметно? – упоминание о Шарлотте, хотя ее имя не было названо, отозвалось в груди острой болью. – Да, вопрос о любви! Скажите, что меня ждет, Жослина!

Больше всего ей хотелось ответить, что таких красивых голубых глаз она не встречала больше ни у кого при дворе и вообще ни у кого из мужчин, что касается других слов, они могли бы куда более красноречиво объяснить ее восторги и мечты. Тем не менее, будучи достаточно умной и хитрой, Жослина оставила свои желания на потом и полностью

сосредоточилась на картах.

– Сдвиньте колоду, ваша светлость, а теперь – задумайте вопрос или загадайте желание и потяните одну карту!

Герцог, особенно не церемонясь, выполнил ее совет и перед ним на столик легла карта с нарисованной на ней крепостью и человеком, летящим вниз головой с ее верхушки. В груди неприятно похолодело и он перевел глаза на фрейлину.

– Даже не знаю, как вам это сказать, – она понизила голос, – эта карта называется «Падающая башня». Она предвещает крах всех намерений, но может быть это вовсе не ваше поражение?

– Что ты имеешь ввиду? – теперь Эдвин действительно заинтересовался прогнозом.

– Если в башне заточили вашу прекрасную даму, то может этот человек, – она указала пальчиком на летящую фигуру, – тот, кого стоит сбросить вниз?

Слушая ее, Эдвин испытал двоякое чувство. Жослина, несомненно, о многом догадывалась, но по понятным причинам не могла назвать имя его соперника. Загадкой было другое – как и почему она желала расправиться со своим любовником? «Женщины непостоянны» – он внезапно вспом-

нил слова Дерика, но сразу отогнал от себя эту мысль. Нет, не может быть, Шарлотта не играла с ним! Желание обнять ее, прижать у груди оказалось таким мучительным и сильным, что он на время прикрыл глаза. Похоже, фрейлина указала ему правильную дорогу: там, где нельзя действовать напрямую можно найти окольный путь, главное – освободить свою «заточенную в башне королеву»!

Он не переставал думать о Шарлотте, и близко не представляя выпавший на ее долю жребий. После возвращения домой потянулись унылые, однообразные дни, которые нечем было заполнить. Она хранила упорное молчание, но была столь мало похожа на прежнюю Шарлотту, что всерьез встревожила свою старую няньку и горничную.

– Сударыня, милочка, что же вы опять ничего не ели? – Марта убрала со стола тарелку. – Не рвите мне сердце. Поделитесь со мной, помните, как бывало раньше, а я уж найду способ, как вас утешить!

– Нет, Марта, – в отчаянье прошептала графиня, – ни ты, никто другой не может мне помочь! Боже, что я натворила!

– Господи помилуй! Когда же вернется господин граф, ему-то это будет по плечу, он не даст вам себя загубить!

– Марта, прошу тебя! – неожиданно лицо Шарлотты вспыхнуло. – Ничего ему не говори, если не хочешь, чтобы я страдала еще больше!

Напуганная служанка поклялась молчать, лишь бы утешить свою любимицу. «Что за черная кошка пробежала между ними? Не иначе, граф вильнул на сторону, удержи-ка такого, как он!» – думала она, поглаживая волосы бедной своей госпожи. «Ну, да ничего, двое бранятся, да под одну шубу ложатся!»

В отличие от Шарлотты нянька втайне ждала Дерика и надеялась, что после разлуки они быстрее помирятся. Наконец, хозяин вернулся – черный как ночь и молчаливый, как камень.

Он сразу ушел в свою комнату и не показывался до ужина. Первое слово, обращенное к жене, граф обронил уже после того, как убрали со стола.

– Я ожидал увидеть что-то подобное, – буркнул он, усаживаясь возле камина. – Вы превратились в стену плача, настоящая кающаяся Магдалена. Если это попытка разжалобить меня, то напрасная, хотя нет, я могу вас немного утешить. Подойдите сюда, Шарлотта!

Она нехотя поднялась и молча остановилась возле мужа, который схватил ее за руку, как фокусник вытащил из кармана перстень, подаренный Эдвиноу, и надел его на палец.

– Вы обронули это, но, к счастью, такие вещи не теряются, а у Ричарда честные слуги. Что такое, вы не рады?

– Где вы нашли кольцо? – с трудом выговорила она, побледнев как полотно.

– Лично я сам – нигде. Мне его вернули, это вас устраивает? Идите спать, Шарлотта, вы плохо выглядите. – Дерик отпустил ее безжизненную руку и отвернулся к огню. Этой ночью он не мог уснуть и лежал в темноте, слыша приглушенные рыдания своей жены до тех пор, пока чаша терпения не переполнилась. Сверкая глазами, граф распахнул двери ее спальни, сорвал с постели одеяло и схватил Шарлотту за плечи.

– Сию минуту прекратите, если не хотите, чтоб я вас задушил! Я мог отправить к праотцам вашего любовника и жалею, что не сделал этого! Радуйтесь, что он жив и лелейте ваши воспоминания молча, больше вам увидеться не удастся, а если мое общество так вам неприятно, я тоже к вам больше не прикоснусь! И вот еще что, будет лучше всего, если вы пока посидите в этой комнате, чтобы вам не взбрело голову опять сбежать! Он выскочил вон и так гроыхнул дверьми, что вздрогнул потолок в спальне, а кое-кто из слуг решил, что началась осенняя гроза. Нехороший признак – гром на голые деревья!

Глава 7. Две дамы и семена розы

Эдвин с ног валился после военного смотра. Он вторую неделю жил в лагере и постепенно успокоился, принужденный быть постоянно на виду и окруженный деятельными людьми. После болезни принца прошел уже почти месяц и скоро пора была возвращаться для осуществления своих матримониальных планов. Мысли про приезд невесты из Мидленда несколько его не радовали, но протестовать принц не стал. Это была заранее запланированная, ни к чему не обязывающая встреча с целью подтвердить прежние намерения. Саму Катрину Оссэрвам он видел всего один раз – в возрасте двенадцати лет. Она была темноволосой, смуглой, с ярко-красными, как вишни губами и совсем ему не понравилась. Позднее ему присылали ее миниатюры – баронесса повзрослела и стала весьма привлекательной, но все же не в его вкусе.

Проглотив скудный ужин, состоящий из сыра и ломтя солонины, герцог зевнул, растянулся на свой походной кровати и уже смежил веки, когда его потревожил неожиданный визитер.

– Войдите! – Эдвин сбросил с матраса длинные ноги, по-

тирая красные от усталости глаза, и дожидаясь, пока распрямится фигура мужчины, явившегося к нему на ночь глядя. Чтобы оказать на него влияние, к молодому герцогу приставили одного из тех, кто имел безупречную репутацию и хорошо знал Эдвина с детства. Джон Безилл Блор уже успел отметиться в последней войне, и имея титул виконта, находился в лагере среди офицеров. Невысокий и плотно сложенный, он отличался спокойным добродушным лицом и таким же ровным характером. Его встревоженное лицо, спешка и сам ночной визит были из ряда вон выходящими.

– Что такое, Блор? Война началась?

– Нет, я мог бы подождать до утра, но это доставили только что, я подумал вы захотите прочесть, – он достал из-под плаща смятый конверт и протянул его принцу.

Тот, недоумевая, соврал сургуч и пробежал глазами короткое послание:

«Ваше высочество, милый мой Эдвин! Я не осмелилась бы писать, но мне необходимо сообщить новость.» – он узнал почерк и на минуту отвел глаза от обрывка бумаги, чувствуя, как сердце бьется где-то в горле, не давая дышать. – «Случилось нечто чудесное, я жду ребенка и это ВАШЕ дитя. Доверяю письмо последнему из моих верных людей. Молю, позаботьтесь о сыне, если со мной что-то случится, он родится к

Петрову дню. Остаюсь ваша. Любящая Ш. Р-Д.»

Эдвин ошалело смотрел на листок, перечитал его снова и в смятении прижал к губам. Его охватила настоящая буря чувств – ликование, удивление, гнев, все смешалось и отразилось на красивом лице.

– Черт возьми, Блор! – сказал он, проглотив стакан холодной воды и выплеснул остальное на разгоряченное лицо. – Ты оказал мне такую услугу! – он в задумчивости растрепал волосы, и не находя себе места стал расхаживать туда и обратно по палатке, а потом схватил старого друга за плечи и так крепко обнял, что у того захрустели ребра!

Растерянный виконт развел руками и выжидательно посмотрел на принца:

– Значит, новость можно назвать радостной?

– Радостной?! Я скоро стану отцом, Блор, у меня родится первенец! Ты понимаешь, сын, герцог Ламарский младший!

– Я потрясен, – честно признался ошарашенный виконт, не зная, что добавить к поздравлениям.

– Где посыльный? Я хочу все знать...

– Скрылся. Ему заплатили только за то, чтобы доставить пакет!

– Проклятье! – принц смял письмо в руках – С каким удо-

вольствием я засадил бы ему нож под сердце!

– О ком вы сейчас говорите?

– О ее муже, Блор! Об этом мерзавце Дерике, который держит Шарлотту в тюрьме, о том, кто грозился прикончить меня, когда я валялся бессильный в лесу! На этот раз нам придется поговорить по-другому!

– Так она замужем?!

Виконт тут же припомнил доходившие до него разговоры и прозрачные намеки Ричарда. Кто-то рассказывал, что на охоте принц повздорил с одним из придворных из-за его жены, но прошло уже столько времени. Новость обсудили и благополучно забыли, но как оказалось слишком поспешно, потому что теперь все сильно осложнялось! Это письмо могло привести к последствиям, которых нужно было любой ценой избежать, Блор обязан был вмешаться, что он и сделал с величайшей осторожностью.

– Куда вы собираетесь? Нельзя покидать лагерь, это может быть опасно.

– Разве ты не понял? – герцог натянул сапоги и наспех складывал дорожную сумку. – Я поеду к ней!

– Но это безумие, нужно все обдумать прежде, чем действовать! – Блор взял принца за плечо, спокойно, но с достаточной твердостью прерывая этот порыв – Давайте поговорим!

– О чем говорить? Я хочу увидеть мать своего наследника, сейчас! Хочу освободить ее из рук этого тирана, ее мужа!

– И как вы намерены это осуществить? Если вам хватит смелости явится в дом вашего... придворного (на его языке крутились другие слова, но упоминать «соперника» точно не стоило), вы верите, что он покорно выполнит любое требование? Разведется? Подумайте еще раз, только спокойно. Ваш предмет любви находится в безопасности, хотя не спору, в тягостном положении. Но просто увезти ее не получится, а если бы даже это и удалось, что вы будете делать потом?

– Спрячу ее где-нибудь...

– Например? Привезти ее в Долиш к матери вы не сможете, также как и к брату. Вам придется довериться кому-то еще, а это значит, тайна быстро перестанет быть тайной. И потом, вы смените одну тюрьму вашей возлюбленной на другую!

Блор намеренно обошел самые острые углы, и не сказал о том, что принц, скорей всего будет убит еще на пороге дома Дерика, и вместо этого попытался воззвать к более благородным чувствам. Эдвин остановился в задумчивости покусывая губу, но лихорадочный блеск глаз выдавал его нетерпение.

– Что ты предлагаешь? – принц сел, бросив вещи под ноги.

– Подождать до завтра. Я постараюсь узнать все, что мож-

но и обдумаю, как вам помочь.

– Ты не понимаешь! – воскликнул Эдвин – Если я не уеду сейчас, позже это будет сделать еще сложнее! За меня сватают Катрину Оссэрвам, она приедет с визитом через три дня и неизвестно сколько здесь пробудет!

– Тем более, – Блор покачал головой. – Вы же не хотите разорвать помолвку из-за фаворитки и вызвать скандал?

– Она не моя фаворитка, я люблю Шарлотту и не хочу, чтоб мой сын рос в доме этого ублюдка, ее мужа! – Эдвин в отчаянье схватил виконта за ворот, но тут же разжал пальцы. – Прости! Ты действительно готов мне помочь?

– Можете не сомневаться, кто как не я знает, что такое любовь и как она сносит голову!

– Ах да, – улыбнулся Эдвин, – прости, что не приехал на твою свадьбу, как она, хороша? Я имею ввиду твою жену? Ты счастлив?

– Мне очень повезло.

– Тогда ты, наверное, скучаешь так же, как и я! Хотя нет, вряд ли кто-то испытывал подобные муки!

Принц в красках вспомнил кинжал у своего горла и разъяренное лицо Дерика. Такое унижение он не мог ни забыть, ни простить, и оно только усиливало желание увезти Шарлотту любой ценой.....

Честолюбие и стремление получить свое было свойственно и еще одной благородной особе, так или иначе замешанной в этой любовной истории. Поздняя осень вступала в свои права и землю припорошило первым снегом, когда карета баронессы Оссэрвам добралась до места назначения. Катрина куталась в плащ, потирая замерзшие даже в перчатках руки, но любопытство заставляло ее то и дело выглядывать в окошко, откуда тянуло морозным ветром. С момента последней встречи прошло шесть лет, за это время многое здесь изменилось, но больше всего ее интересовало, каким стал Эдвин. Пока официально не объявили о помолвке, Катрина не могла переписываться с принцем и лично узнать о его предпочтениях и интересах, чтобы при встрече поддержать приятную беседу. Оставалось только надеяться, что ее красота пленит его настолько, что дальнейшие разговоры будут вестись уже в совсем другой плоскости. Будущая невеста распрямила спину – о принце говорят, что он ловелас, значит, завоевать его будет намного проще!

Эти мысли придали уверенности: когда ее нога ступила на землю короля, баронесса вошла во владения его величества с достоинством, гордо держа высоко поднятую голову. Она действительно была хороша собой. Черные густые волосы, уложенные в модную прическу, нежная кожа, пышные формы, которые не скроешь даже под корсетом. Под строгим вниманием матери Катрина сохраняла невинность и вся-

чески это подчеркивала, умело опуская глаза и изображая скромность. Очень яркая, богатая и наделенная большими землями, она должна была стать еще одной жемчужиной в королевской казне, а что до чувств Эдвина, не он первый заключал брак по расчету.

Почетную гостью проводили в зал, где ее ожидали сам король, Ричард с супругой и явно скучающий жених. Катрина сделала реверанс и как положено ответила на приветствия, подтвердив, что она благополучно доехала и здорова.

– Баронесса, – Эдвин поднес к губам кончики ее пальцев, но даже не прикоснулся к ним. – Мы рады вас видеть! Дорога была долгой, не хотите переодеться и отдохнуть?

Он сразу же постарался избавиться от ее общества. И малейшего расположения Картина у принца не вызвала, ей это было так же ясно, как то, что Ричард плотоядно смотрит на будущую невестку. Пришлось приложить усилие, чтобы сохранить лицо! Умная от природы и воспитанная среди придворных интриг, она хорошо знала, как себя преподнести. Казалось, Эдвин угадал ее заветное желание – погреться у камина, пусть так и думает, а она пока успеет осмотреться и найти к нему ключик.

Возможность для этого представилась на следующее утро.

Закончив туалет, Катрина вместе с двумя фрейлинами отправилась прогуляться, благо вчерашний снег закончился и дорожки успели почистить. Она заметила Эдвина, который только что вернулся после прогулки верхом и быстрым шагом шел вместе с одним из придворных. От холодного ветра на его щеках разгорелся румянец, который придал бледному, равнодушному лицу особое очарование. Принц оживленно что-то говорил своему спутнику и заметил гостью только когда она оказалась в десяти шагах от него.

– Ваше высочество, – Катрина сделала реверанс и подняла на него темные, как сливы глаза, прикрытые длинными, густыми ресницами. – доброе утро, я очень рада вас видеть!

– Доброе утро, Катрина! – он кивнул, приблизился и коснулся ее руки, – Хотите немного прогуляться по парку?

– Но я думала вы желаете переодеться! – с некоторым удивлением ответила она, не встретив поддержки своему предположению.

– Ничего! Это подождет! – он подставил ей локоть, и они пошли по дорожке так быстро, что фрейлины еле поспевали следом. Прогулка была, мягко говоря, странной, как перепады настроения молодого герцога. – Как вам понравился дворец? Общество?

– Я очарована...

– Неужели? А я ненавижу это место. Знаете ли, я вырос в Долише, где большую часть времени был предоставлен сам

себе. У меня были собственные «крепости» и «дворцы» в заброшенной хижине мельника, и там я чувствовал себя куда более счастливым! И вообще, мне не по душе выполнение светского долга, жизнь по расписанию, все эти лица! А вас не смущает необходимость притворяться и соблюдать этикет? – Эдвин остановился и вызывающе посмотрел на невесту.

– А вы все так же любите его нарушать? Я помню, как шесть лет назад меня заманили на озеро, чтобы на спор покидать в воду камушки. Тогда вам удалось выиграть, ваш камешек подпрыгнул пять раз. Но я открою один маленький секрет, – она поманила его пальчиком и прошептала на ухо, – я поддавалась!

Щека Катрины коснулась его лица, это было волнующим и приятным, а неожиданное признание заставило герцога рассмеяться.

– К сожалению, сейчас отыгаться не получится. Пруд замерз! – он развел руками.

– Как и вы, ваше высочество. Будет очень обидно, если вы простудитесь и пропустите бал!

– Ну хорошо, я поддамся на ваши уговоры, – он накинул капюшон и откланялся, – желаю приятной прогулки, увидимся за обедом!

Катрина долго провожала его взглядом и на вопрос фрей-

лин ответила: «Я беру свои слова обратно! Принц нравится мне, и я хочу стать его женой!» Она знала, что у нее есть козыри: невинность, красота и титул, не учла только одного – мысли Эдвина были заняты совсем другим и он с нетерпением ждал известий от Блора. Из лагеря виконт отправился домой – он изнемогал от тоски по молодой жене и заслужил хотя бы несколько дней уединения. Малышка Лаура, которая сразу заметила тревогу мужа, вскоре оказала им неоценимую услугу. Она приходилась троюродной сестрой Шарлотты и могла без подозрений написать ей, чтобы узнать, как обстоят дела.

«Милая Шарлотта! Приближаются рождественские праздники, и хочу поздравить тебя с ними заранее. Не смейся, мой дорогой супруг только что вернулся после долгого отсутствия и боюсь, не даст мне времени на письма. Надеюсь, ты здорова? Наш дядюшка Эдвин волнуется и просил меня получить от тебя ответ. До него дошли слухи о твоей болезни и это очень его тревожит, ты же знаешь, что всегда была у него любимицей! Обнимаю тебя и надеюсь увидеться, как только бог осчастливит нас долгожданным наследником! Твоя и т. д. Лаура де Блор».

Письмо было простым, но двусмысленным. Влиятельный «дядюшка Эдвин» был никто иной как опекун графини, который принимал в ее жизни особое участие, а то, что он но-

сил одно имя с принцем – так на то промысел божий! Любое подозрение Дерика осталось бы пустым еще и потому, что записка казалась очень легкомысленной, словно ее писала глупенькая молодая женщина. Ждать интриг от такой стоило меньше всего! В тот же день послание улетело по назначению, и виконт сообщил об этом принцу, уже истомившемуся ожиданием.

Это обнадежило Эдвина, и на балу, назначенному в честь баронессы, он появился в приподнятом настроении. Придворные обсуждали новоиспеченную пару в глаза и за глаза, его высочеству делали комплименты, Катрину превозносили за отличный вкус и красоту. Ей выпала редкая честь – открывать бал со своим будущим женихом в зале, где яблоку негде было упасть и он, склонившись к ее уху прошептал:

– Приготовьтесь, Катрина, здесь действует негласное правило: чем больше давка, тем больше удовольствия для гостей! Вы просто обязаны будете рассказать: «Я был на балу у короля и там меня чуть не задушили!» Лучшего средства вызвать зависть у вас нет!

– Не может быть! – она опустила лицо, чтобы скрыть приступ смеха.

– И это еще не все! Для наших дам бал – единственный способ от души повеселиться. Смело отдавайтесь затаенным порывам. Может быть, вам повезет даже сорвать случайный

поцелуй!

Катрина не могла понять, шутит Эдвин или нет, но разобраться было некогда – вскоре все присутствующие выстроились в два ряда для первого танца, который больше напоминал скучное торжественное шествие. Ступая под музыку, они обошли весь зал, обменявшись исключительно реверансами, не сказав друг другу ни слова. Стояла ужасная духота, хорошо еще, что платье было с открытым лифом, а на ногах легкие туфельки на маленьком каблучке.

Почетная гостя то дело поглядывала на приглашенных, где было много молоденьких женщин и среди них одна, не сводившая глаз с Эдвина. Милотная блондинка с ямочками на щеках несколько раз перехватывала его взгляд и одаривала улыбкой. Катрине стало неприятно, но то, что случилось в дальнейшем, окончательно разбило все ее мечты. На второй танец герцог пригласил сестру, а после третьего куда-то исчез, ни разу больше не взглянув в ее сторону. Ричард застал ее в одиночестве и выразил желание составить для нее пару.

– Моя дорогая невестка, простите, если немного тороплю события, но мне будет приятно вас так называть, – он подал ей руку во время очередного па. – Я вижу вы в растерянности из-за его светлости герцога? Хочу вас предупредить, един-

ственный способ быть с ним счастливой – принять его таким как есть. У него есть один маленький недостаток – непостоянство! Он как солнце осенью – то пригреет, то скроется за тучами! Ему нужна не просто красивая супруга, а женщина с характером! Приходите ко мне, я научу вас многим тонкостям игры, чтобы вас никогда не переиграла ни одна блондинка!

Может Катрине это показалось, но наследник намекал на нечто большее, чем разговоры! Так вот – они шалости бала! Вскоре она стала свидетельницей полюбившейся здесь игры: принесли ленточки с колокольчиками, которые один из гостей держал на шпаге, дамы стали расхватывать их и повязывать своим избранникам. Действо сопровождалось смехом, и Эдвин также принимал в нем участие, получив подарок от той самой сексапильной фрейлины, и при этом светился откровенной радостью. Он подошел к почетной гостье только полчаса спустя и застал холодное, надменное лицо, в котором читалась обида.

– Что такое, Катрина? Разве вам не весело? – удивленно спросил он, поднимая брови и глядя на нее невинными голубыми глазами.

– Чрезвычайно, ваше высочество, но думаю до вас мне далеко!

– Моя дорогая, – он обнял ее за плечо и заговорил совсем

другим тоном, – возможно мы с вами станем супругами, но даже тогда я буду сам решать, где и с кем проводить время. А если вас так разочаровал сегодняшний бал и вам не с кем пококетничать, я, пожалуй, возьму это упущение. Он наклонился и прильнул губами к ее губам. Холодно и коротко – это был тот самый «поцелуй украдкой», но он не принес ей никакой радости.

Глава 8. Планы

– Слава всевышнему, заходи скорее! – Эдвин вскочил, пропуская Брола в свои покои. – Ты что, сквозь землю провалился? Я жду тебя уже три чертовых, бесконечных дня!

Эдвин сбросил на пол вещи, указывая виконту место в кресле. Судя по беспорядку и смятым бумагам, разбросанным по всей комнате, принц провел ночь в написании писем, которые сам же и отправлял в корзину.

– А я надеялся вы приятно проводите время в обществе баронессы. Бал, верховые прогулки, музыкальные вечера. Я слышал она начитана и прекрасно воспитана..

– Что это только что было? – в недоумении воззрился на друга принц. – Ты собираешься убедить меня сменить виноград на кислое яблочко? Не спорю, баронесса приятна в общении, даже чересчур, но мне с ней скучно! Я думаю о другой.

– Я заметил, – Блор указал глазами на обрывки неотправленных писем, – может это вас утешит?

Эдвин вырвал у него из рук письмо с ответом жене виконта и бросился к окну, повернувшись к гостю спиной. Он

дрожащими от нетерпения пальцами сорвал печать и пробежал глазами строки, написанные дорогой рукой. В них не было ничего, кроме дежурных фраз: здорова, благополучна, желает Лауре счастья в браке. «Передай дорогому дядюшке, что я благодарна ему за заботу и вспоминаю в своих вечерних молитвах!».

– Она в порядке, но так не может продолжаться долго! Сам понимаешь, скоро скрывать станет невозможно! Ты что-то придумал? – Эдвин прижал письмо к губам, вдыхая его запах, как будто оно сохранило частичку самой Шарлотты.

– Наживка заброшена и кое-какие мысли у меня есть. Скажите, графиня набожна?

– Что? – Эдвин не сразу уразумел, что у него спрашивают. Не думал же виконт в самом деле, что они когда-то разговаривали о боге! – Не имею представления, а почему ты спрашиваешь?

– Я думаю отправить к ней одного человека, скажем так, с посылкой от дяди, но этот «кто-то» носит сутану. Флеалайн мой старинный друг и должник... вышло так, что пару лет назад я спас ему жизнь, поэтому...

– Блор, теперь у тебя есть еще один должник – это я! – перебил его герцог. – Монах или черт с рогами, какая разница, главное, он сможет попасть в дом Дерика! Но скажи, что дальше? Ты же не исповедовать Шарлотту его отправляешь?

Эдвин оседлал стул и уселся напротив гостя, устремив на него глаза с лихорадочным блеском. Виконт, отличавшийся спокойным складом характера, продолжил разговор в своей размеренной манере:

– Нет, отец Флеалайн человек мягкий, но умеющий найти подход. Надеюсь, он убедит графа отпустить жену, например, на рождественскую литургию. В сопровождении слуг, разумеется, сам Дерик насколько я знаю, в церкви был два раза за всю жизнь – при крещении и на собственном венчании! Если все получится, вы сможете встретиться.

– Блор! – Эдвин, который до сих пор внимательно слушал, вскочил, снял с пальца один из перстней и чуть не насильно затолкал его в ладонь друга – Возьми! Сделай подарок жене и не вздумай спорить! Ты возвращаешь меня к жизни! Моя милая Шарлиз, как мне дожить до этого дня и не свихнуться?

– Уделите внимание другой даме. И думаю, не стоит разбрасывать письма с сонетами, никогда не знаешь, кто из служанок может ими заинтересоваться, – губы Блора тронула чуть заметная улыбка.

Упомянув об этом, виконт даже не представлял, насколько близкими оказались его предположения. Катрина, все еще пребывающая при дворе с визитом, была неприятно удивлена холодностью принца и винила в этом, конечно, не себя и даже не самого Эдвина. Все изменилось на балу, где гер-

цог танцевал со светловолосой фрейлиной. Баронесса не сомневалась, что имеет дело с соперницей из числа фавориток и постаралась все про нее разузнать. Жослина имела еще тот «послужной список» и пользовалась успехом у мужчин, в числе которых был и юный герцог.

Узнать больше маленькой интриганке помогла старая добрая привычка – она подкупила горничную Эдвина и попросила «посмотреть, не ночевала ли там дама». Вознаграждение было щедрым и не требовало никаких особых ухищрений, но принесло неожиданные плоды. Служанка явилась с отчетом, сообщила, что в спальне не было следов женского пребывания, но она нашла «Вот это».

Находка была одним из посланий, которое Эдвин писал, лежа в одиночестве в кровати и оставил среди разбросанной постели. Сначала Катрина решила, что имеет дело обычной с любовной запиской, но быстро поняла, что в другом. Письмо было адресовано некой Шарлотте и дышало любовью в каждой строчке. Он ждал встречи, изнывал от тоски и сходил с ума от волнения:

Одна лишь мысль, что скоро будем вместе
Надолго забирает мой покой!
И тело с разумом теперь в протесте
Так жаждет встретиться опять с тобой!

Во сне увижу – голову теряю
Я изнываю. Весь горю в огне,
И бешеная страсть обуревает,
Бросай же все, беги скорей ко мне!

Катрина разорвала послание на кусочки. Так вот как ее встречает будущий супруг, вот кто ей достанется в мужья! Она вспомнила его красивое лицо с голубыми, почти детскими глазами, внешность бывает такой обманчивой! Куда лучше непривлекательный, но откровенно распутный Ричард, намерения которого всегда на виду! Баронесса не хотела этого, но не находила другого выхода – придется побеседовать со старшим из братьев, пока жениха не увела соперница. Он уже освоилась при дворе, поэтому явилась в библиотеку перед ужином, как раз в то время, когда Ричард имел привычку «читать», а вернее принимать капли опия, спрятанные между увесистыми пыльными томиками. Об этом пристрастии она услышала случайно от фрейлин, перешептывающихся во время игры в карты – принц проигрывал, и девушки видели причину в «возбуждающих каплях».

Заметив невестку, он смутился ровно в той мере, в какой удивился:

– Почему вы здесь одна, дорогая баронесса? У вас такое

печальное лицо, его величество не любит траурные выражения лиц у дам. Поэтому постарайтесь развеселиться, – он предложил ей флакончик, но Картина отрицательно покачала головой

– Я не думала, что мое отсутствие заметят, – с притворной грустью сказала она. – Кажется, ваш брат занят и ему нет до меня дела.

– Так вот что такое! Это меня огорчает, Эдвин вас расстроил... Давайте немного поговорим об этом, – он обошел вокруг девушки и остановился у нее за спиной. У Картины была прекрасная шея и королевская осанка, все это радовало его глаз. – В некотором роде вы в незавидном положении, герцог окружен женщинами, и они вас, скажем так... отталкивают. Вы ему неинтересны, потому что доступны, нет не в том смысле, я уверен, ваша девичья честь не выдумка. Я говорю о другом – он знает, что получит вас тогда, когда захочет! Вы ведь предназначены ему в жены, а жена... это скучно!

– И что же вы предлагаете, отказаться от брака или последовать примеру неких дам? – на ее щеках выступил румянец.

– Отнюдь! Раздразните его, подайте надежду, но не удовлетворяйте ее, заставьте думать о вас, желать и тогда он сам ускорит свадьбу. Ну а дальше – принц распрямился, отстраняясь от нее с несколько равнодушным видом, – только от вас зависит, сколько фавориток будет у него в постели. Что

вам стоит намекнуть Эдвину так, между делом, будто вы скучаете по ночам и плохо спите во дворце, что вам чудились ночью шаги у вашей спальни. Придумайте что-нибудь, вы же женщина! А когда окажетесь наедине... ну что вам посоветовать, у вас есть шаловливые пальчики и такие аппетитные губы!

Этот урок был самым грубым из полученных баронессой, но она отлично его усвоила. Если все мужчины так устроены, женщинам приходится принимать правила игры. В этот вечер она проявила неожиданный интерес к картам, которые на самом деле терпеть не могла. Сидя за одним столиком с юным герцогом, она мало говорила, но много ласкала его взглядом и делала комплименты по поводу каждой удачной ставки и выигрыша, сокрушаясь, что у нее дела идут совсем не так хорошо. Когда игра закончилась, и слуга отодвинул ее стул, Катрина словно случайно оступилась и ухватилась за руку герцога.

– Простите, я очень неловкая, – она сжала его пальцы.

– Еще бы, разве можно столько проводить времени, сидя на одном месте, – грубовато заявил Ричард, – вы бы прогулялись, чтобы размять ноги.

– Составить вам компанию? – Эдвин предупредительно придерживаем ее под локоть

Катрина пожала плечами, как бы желая сказать, что предоставляет инициативу ему. Они неспешно прошли по залу, и подошли к одному из окон, за которым простиралась сплошная темнота.

– Знаете, многие боятся ночи, – сказал Эдвин задумчиво, – но я люблю темноту, она дает свободу думать о том, чего я хочу, воображать, мечтать!

– Вы счастливец, а мне чудятся чудовища под кроватью!

– Не может быть! – она посмотрела на нее с сочувствием. – И как же вы с ними справляетесь?

– Укрываюсь с головой. А еще я думаю, придет такое время, когда я не буду спать в одиночестве и меня будет кому защитить.

Она очень медленно подняла глаза на принца. Этот взгляд с поволокой и еле заметная улыбка были таким многозначительными... Ее полуоткрытые сочные губы приблизились к Эдвину и подарили поцелуй-мотылек. Легкое дуновение парфюма, нежный вздох – и будущая невеста испарилась, оставив его удивленным и немного взволнованным. Конечно, он не посвящал ей поэтические строки. Пока! Но это было дело времени, теперь Катрина в этом не сомневалась.

На балу присутствовала и еще одна фрейлина, для которой герцог был «аппетитным лакомством». С того самого

дня, когда Жослина играла роль преданной сиделки, она то и дело оказывалась в спальне принца. Последний раз это было до его отъезда в военный лагерь, и малышка изрядно успела соскучиться. Она решила не упускать свой шанс еще и потому, что скорый брак может поставить точку в их отношениях – с первого взгляда легко было разглядеть в Катрине ревнивую пантеру. Жослина, прохаживаясь между карточными столиками, как бы невзначай оказалась возле Эдвина и начала разговор издалека:

– Вы обыграли сегодня всех гостей, ваша светлость? Поздравляю! Наверное, это счастливая звезда, вам повезет во всех делах, – она прикусила губку и бросила на него короткий взгляд из-под длинных ресниц.

– Это вам карты сказали?

– Вовсе нет, это подсказывает мое сердце. Знаете, доктор прописал мне капли от сердцебиения, потому что я слишком чувствительна. Но я слышала, если смешать их с вином... – она загадочно улыбнулась. – Это помогает обострить другие чувства. Хотите попробовать? Я могу принести, они в моей спальне.

Эдвин через плечо оглянулся на гостей. Катрина была занята беседой с его сестрой, Ричард что-то восклицал, глядя в карты, а его величество обсуждал политические новости. Лучшего момента, чтобы скрыться незаметно, просто

не придумаешь! Жослина взяла герцога за руку и повела за собой. Ее маленькие ножки бесшумно ступали по пустому коридору, пока они не оказались у комнаты в другом конце этажа. Как только дверь закрылась, она обвила его шею и жадно прильнула к губам, долго не отпуская их, и поддразнивая его смехом.

Заветный флакончик, почти такой же, как для духов, был спрятан под подушкой, и маленькая соблазнительница упала на кровать, заманивая к себе Эдвина. Открыв крышечку, фрейлина вылила половину содержимого в рот, блаженно облизнулась, а остальное предложила своему любовнику. Их поцелуи были влажным и пьяными, а ласки скорее напоминали борьбу. Эдвин запутался в пышных юбках, по очереди стащил чулки со стройных ножек фрейлины и сразу накрыл Жослину собой.

– Какой вы нетерпеливый, ваша светлость, потише! Я и так вся принадлежу вам! – она сладко застонала и притянула его к себе.

В долгом поцелуе ее сладкий язычок дразнил, ласкал и исследовал горячий рот Эдвина, пока оба они не начали задыхаться от возбуждения. Капли скоро подействовали, накатило острое, неумолимое желание, которое как хищник терзало изнутри. Атака была короткой и закончилась так быстро,

что фрейлина не сдержала разочарованного взгласа. Опу-
стошенный и расслабленный Эдвин свалился на кровать ря-
дом с ней и закрыл глаза. Жослина вся полыхала, она только
начала входить во вкус и теперь чувствовала себя обманутой
и разочарованной.

– Прости, – проговорил он, застегивая одежду и коротко
ее целуя, – долгое воздержание мне не на пользу! Мне пора,
мы еще увидимся, я обещаю восстановить свою репутацию!

Невероятно! Он просто ушел, ставив ее распластавшей-
ся на кровати, изнемогающей от вожделения! Возбуждение
Жослины медленно сменилось тихой яростью. Она схватила
подушку и запустила герцогу вслед. Ничего, он еще об этом
пожалеет, когда обнаружит дверь спальни так же плотно за-
крытой, как и ее женский форт – защищенным от новых по-
сягательств.

После бурного веселья утро началось для Эдвина с голов-
ной боли и тошноты, не иначе от выпитого вчера или от сна-
добья Жослины. Он лениво потянулся, выбрался из теплой
постели, и жмурясь от света, накинул халат. Становилось
прохладно – за окнами падал снег и приближалась зима с
ее праздниками и бесконечными балами. Отец скорей все-
го потребует решить вопрос с помолвкой еще до наступле-
ния Рождества, чтобы баронесса вернулась домой и провела

время в кругу семьи. Это был тот самый прессинг, который сваливается рано или поздно на голову любого мужчины – жениться, чтобы обзавестись наследниками и укрепить свое положение. Думать об этом сейчас совсем не хотелось, как и являться к столу...

Герцог с кислым видом спустился к завтраку и за все утро не проронил почти ни слова, ответив на приветствие Катрины молчаливым кивком головы. Он с нетерпением ждал, пока можно будет, не нарушая приличий подняться из-за стола, и при первой же возможности оставил семейство. Обычно после трапезы приближенные собирались в салоне – там было куда веселее и намного больше вина. Сегодняшний день не был исключением, единственное, что его удивило – отсутствие Жослины. Ее роль состояла в том, чтобы флиртовать, болтать милые глупости и всем поднимать настроение, поэтому Эдвин без обиняков спросил Ельфригу, куда подевалась ее фрейлина. Ответ был краткий и ничего не объясняющий: «Ей нездоровится!»

Эдвин при этих словах испытал угрызения совести. Вчера он напился и некрасиво обошелся с ней, стоило провести малышку и загладить свою вину. Герцог опрокинул бокал холодного вина, прихватил коробку лучшего шоколада и направился в гости с миротворческой миссией, но стоило ему подняться на второй этаж, как дорогу преградила слу-

жанка, бегущая с охапкой свежего белья. Следом появилась еще одна – с кувшином горячей воды, накрытым полотенцем. Все они метались туда-сюда у спальни Жослины и это не на шутку его встревожило. Он перехватил за рукав одну из горничных:

– Скажи мне, что такое? Госпожа заболела? Что с ней?

– Я не знаю, ваша светлость, меня позвали просто принести белье... – она так густо покраснела, что навела его на самые худшие сомнения.

– А ну говори! – принц схватил девушку за руку, но его остановил голос Эльфриги, которая уверенной походкой направлялась в покои фрейлины.

– Оставь ее в покое! – она подошла ближе и нетерпеливо отодвинула его в сторону. – Тебе здесь нечего делать, братец, ступай лучше на свежий воздух и проветришь, ты неважно выглядишь!

– Как это нечего? Что с Жослиной, это опасно?

Как раз в этот момент дверь распахнулась, он услышал голоса и шум, а мимо проскользнула служанка, в руках которой было что-то подозрительно красного цвета. Эдвин побледнел как мел и широко распахнутыми глазами взглянул на сестру:

– Она что, умирает?! – в его голосе был затаенный ужас.

– Какой же вы слабонервный, Эдвин! Вам надо научиться держать себя в руках. Нет, ваша драгоценная Жослина не при смерти, но раз уж вы так хотите знать правду – у нее выкидыш.

– У нее что?!

– Господи, вы сами как младенец! Ваша сегодняшняя фаворитка потеряла ребенка, сейчас к ней приедет доктор и надеюсь поможет быстро поправиться.

– Она была беременна? От кого? – последние слова герцогини Эдвин словно не слышал.

– Вот этого я вам не скажу, – усмехнулась герцогиня. – Боюсь бедняжка и сама не знает, но вам, я думаю, расстраиваться не из-за чего, судя по сроку, вы тогда еще не были знакомы.

Эдвин выронил конфеты, и ничего не замечая вокруг пошел обратно. Он не мог сказать, что его поразило больше – само происшествие или обыденный тон Эльфриги. Судя по всему, такое случалось и раньше... «Сколько у нее было мужчин? Может это ребенок Дерика?» – мысли немедленно вернули его к Шарлотте и душу сковал ужасный страх за нее и своего первенца. Такого он не испытывал с детства – с того часа, как мать заболела и врачи пророчили ей близкую смерть. Ждать дальше невозможно, он влетел в свою комнату, схватил перо и нацарапал Блору записку, приказав немедленно отвезти ее по назначению. Виконт явился только че-

рез два часа.

– Где тебя носит! – Эдвин набросился на него с порога.

– У меня были дела, как только я вернулся домой, сразу прыгнул в седло. Что произошло?

– Ничего, но может произойти! Когда ты отправишь этого святошу к Шарлотте?!

– Слава Богу. Я думал стряслось что-то серьезное или вы получили плохие новости, о которых я не слышал, – Блор шумно выдохнул и от сердца у него отлегло, чего не скажешь про герцога. – Плохие новости?! – вскричал Эдвин. – Да, я видел сегодня такое, что мне лучше бы никогда не видеть! Я хочу вернуть свою женщину и своего ребенка, чтобы они были в безопасности!

– Говорите тише, вас могут услышать...

– И пускай, мне плевать!

– Я делаю, что могу, Флеалайн сейчас в отъезде по делам ордена и вернется только через три дня. Для поездки нужны будут средства...

– Сколько? Назови сумму и ради бога сделай уже что-нибудь! Или мне придется бросить вызов Дерикку, убить его и забрать Шарлотту силой!

Он еще полчаса с проклятьями метался по своим покоям, выслушивая аргументы Блора и только когда получил заверение в исполнении своих планов, отпустил виконта и

воспользовался советом сестры – отправился в парк, чтобы остудить пылающую голову. На обратном пути Эдвин пронесся мимо Катрины как ураган, но пройдя пару шагов вернулся, как будто хотел сказать что-то важное:

– Что это у вас в руках, баронесса? Неужели Святое писание?

Она подтвердила, что была на утренней службе в домашней церкви и с удивлением наблюдала, как губы герцога складываются в насмешливую улыбку.

– Если вы хотите произвести этим впечатление на меня, то впустую тратите время. Мой совет – развлекайтесь, как делают все женщины в этом месте! Так вы быстрее найдете подруг.

– Я надеялась в свой приезд лучше узнать вас, Эдвин.

– Это ни к чему! Если вы станете моей женой, то будете ею только номинально. Это ведь сделка, не так ли? Или я вам действительно интересен?

– Скорее я хотела бы стать интересной для вас.

– А разве вам не сказали, – он склонился к самому ее уху, – что после свадьбы нас ждет постельная церемония? Я должен буду «нарисовать на простыне красную розу», – он сделал движение в воздухе, создавая воображаемый цветок, – так что поберегите себя до этого часа, если не хотите, что-

бы наш брак аннулировали!

Катрина жарко покраснела и быстрым шагом ушла, не ответив на это «прелестное» замечание. Герцог злился, но на кого? Он и сам не мог ответить. История с Жослиной, навязанная ему невеста, Шарлотта, которая оставалась недоступной – на сегодня Эдвин устал от женщин. В такие дни он жалел, что не родился каменщиком или кузнецом с их прекрасным аппетитом, крепким сном и возможностью жить по своему усмотрению.

Глава 9. Тайное послание

Несмотря на то, что они предусмотрели почти все детали, сборы Флеалайна заняли намного больше, чем предполагалось вначале. Его задержали для решения других вопросов и только потом дали добро на отъезд. О настоящей цели путешествия не знал никто, кроме него самого, Блора и герцога. Пришлось также найти нескольких людей, верных виконту, чтобы вовремя сообщить о всех новостях и успокоить принца, чье терпение было на исходе.

В середине декабря карета со священником подъехала к владениям Роса Джонса, и сидящий в ней мужчина попросил доложить о себе его милости. Дерик, который в одиночестве был в гостиной, развлекался тем, что метал ножи в установленную по его приказу мишень. Слуги предпочитали в такое время не тревожить его – ради собственной безопасности – поэтому камердинеру пришлось какое-то время топтаться в дверях.

– В чем дело, Филипс, у тебя отнялся язык? – не поворачивая головы, спросил Дерик.

– Ваша милость, я не хотел вас прерывать, но приехал гость и просит аудиенции.

– Гость? И кого же это принесло? Кто-то из арендаторов?

– Нет. Это его преподобие отец Флеалайн.

– Что за чертовщина? – граф вскочил, накидывая камзол. – Святоша в моем доме? Что ему здесь надо, он как-то объяснился?

– Да, ваша милость, он сказал, что приехал к госпоже.

– К Шарлотте?! – Дерик застыл с рукой, нырнувшей в один рукав. – Ты ничего не путаешь? Это уже становится интересным, пусть его преподобие подождет, я хочу сам кое-что прояснить!

Как всегда стремительный в своих поступках, Дерик тут же поднялся наверх и толкнул двери, ведущие в комнату жены. Она сидела возле туалетного столика, а Марта расчесывала ее длинные волосы, чтобы сделать прическу.

– Выйди, – приказал он горничной, та послушно положила гребень и ни слова не говоря покинула комнату, оставив супругов наедине.

– Не ожидала увидеть вас сегодня, – глядя в отражение сказала Шарлотта. – Судя по лицу, вы хотите мне что-то сказать.

– Очень хочу. Точнее хотел узнать, вы собрались позаботиться о своей душе и уйти в монастырь, дорогая?

Как и следовало ожидать, это вопрос заставил графиню

сбросить маску напущенного равнодушия. Она повернулась на стуле и воззрилась на мужа:

– Вы сегодня выпили лишнего, граф? Или это еще один способ меня помучить?

– Очень интересно, до сих пор я думал, что забочусь о вас, моя дорогая. Вы получили по заслугам, разве нет? Но признаться, я удивлен, не иначе вам показалось мало домашнего ареста, и вы решили постричься в монашки.

– Может быть у вас жар?

– Может! – он схватил стул и сел рядом с женой, впервые со времени ее возвращения. – Кто такой отец Флеалайн? Вам известно это имя?

Шарлотта покачала головой, совершенно сбитая с толку:

– Никогда о нем не слышала!

– Я так и думал, и вот вопрос, что ему здесь нужно? Как вы понимаете, по мою погибшую душу святые отцы не приезжают. Раз так, я решил, что вы тайно отправили письмо с просьбой избавить вас от семейных уз, чтобы посвятить себя Богу. Но я, наверное, идиот, что такое предположил, уж слишком вы хороши, сударыня! Нет, в монастырь вас не возьмут! Разве можно допустить постриг для такой как вы – он взял в руки прядку ее волос и поднес к лицу, прикрыв глаза.

Запах был знакомый, будоражащий, но измена – не то, что можно забыть, даже если чувствуешь влечение к женщине. Первые дни после того, как выплыла правда, он боролся с желанием убить Шарлотту, но понял, что рука на нее не поднимется. Очень долго видеть и слышать графиню было выше его сил, но постепенно злость уходила и на ее место пришла разъедающая душу ревность и досада. То, что молодому герцогу удалось так быстро соблазнить его жену, било по мужскому самолюбию и временами ему хотелось «вернуть свои владения».

– Вы высказались? – на щеках Шарлотты выступил румянец – Может теперь позовете его и избавитесь от ваших сомнений?

– Хорошая мысль. Приведите себя пока в порядок, вдруг это все-таки ваш гость! Или хотите, я помогу? – он поднялся, взял со столика гребень и провел им по волосам жены. Шелковистые локоны струились между пальцами и Шарлотта, затаив дыхание, следила за супругом через отражение в зеркале. У него пугающе быстро менялось настроение, ноздри нервно подрагивали и вдруг он одним движением намотал волосы на руку и потянул, заставив жену запрокинуть голову. Теперь его лицо было очень близко – возбужденное и злое, с черными глазами, в которых горел адский огонек.

– Не знаю, чего я хочу больше, Летти, убить тебя или тобой завладеть. Скажи, в твоём роду не было ведьм? – он приблизил к ней губы, но так же резко отстранился и зашагал к двери. – Надо спросить совета у отца Флеалайна, пойду поговорю с ним!

Это было сложно назвать беседой. Сидя у камина в гостиной его святейшество скорее вел неспешный монолог. Слушая его, Дерик испытывал нечто среднее между сильным раздражением и желанием рассмеяться. Начал священник с того, что он, хоть и не является близким другом семьи графа и лично не знаком с Шарлоттой, приходится духовником ее дяде. В последнее время барон чувствует себя неважно, годы берут свое и он все чаще задумывается о том, что пора позаботиться о душе.

Дерику очень хотелось вставить пару слов. Лучше бы вместо чтения молитв опекун объяснил своей племяннице, что от нее потребуется, когда она выйдет замуж! Он потер переносицу и промолчал, поглядывая на гостя исподлобья, но тут святой отец коснулся темы, которая была ему более интересна.

– Вы, конечно, в курсе, что у барона нет детей. Наследство будет скорей всего распределено между ближайшими родственниками, включая вашу супругу, но не это главное!

Мой покровитель привязан к племяннице, а она всегда относилась к нему, как к отцу – с почтением и любовью.

– Да уж, почтение – ее главная добродетель, – пробормотал Дерик, теряя остатки терпения. – Ваше преподобие, дайте ближе делу. Зачем вы приехали? Не для того, же, чтоб мне это сообщить?

– Нет. Я хочу поговорить с вашей супругой, подготовить ее к тому, что, вероятно, произойдет уже скоро. Ей будет тяжело перенести утрату!

– Так барон при смерти?! Теперь понятно, почему он шлет вести через свою родню. – Дерик встал. – Если вы подождете, я позову жену. Думаю, она не откажется с вами побеседовать.

Не прошло и пяти минут, как взволнованная Шарлотта тихо переступила порог комнаты.

– Ваше преподобие! Простите, что не спустилась к вам сразу, мне только сейчас сообщили. Мой дядя совсем плох?

– Не совсем, но его здоровье внушает большие опасения. Может статься, что вы останетесь сиротой, но надеюсь, это не случится в ближайшее время!

Надо отдать должное, служитель церкви не сильно погрешил перед истиной. Барон Эдвин Меррит Бродерик Барлоу действительно знал Флеалайна и делал пожертвования его

церкви. То, что дядя Шарлотты давно болел тоже не являлось большой тайной. Единственное, что гость преувеличил – волнение и заботу о судьбе племянницы. Его карие глаза внимательно смотрели на графиню, которая была бледна, но в целом выглядела здоровой и благополучной. Святой отец не заметил никаких следов грубого обращения или насилия, и мог отправить об этом весточку, чтобы Блор успокоил принца и унял его желание выйти на тропу войны.

Флеалайн какое-то время тихо разговаривал с Шарлоттой, не касаясь предмета, ради которого он приехал, но потом достал из складок сутаны маленькую Библию в красивом переплете.

– Если вам будет тяжело, почитайте Псалом 84, он утешит вас и подаст надежду. Там есть строки, предназначенные для вас!

Шарлотта взяла томик в руки и открыла наугад там, где была шелковая закладка. Между страницами лежал листок, с несколькими строчками, написанными знакомым почерком:

Положи меня, как печать, на сердце твое.

Как перстень, на руку твою, ибо крепка, как смерть любовь.

И зла, как преисподняя, а ревность – огненные стрелы ее!

Большие воды не могут потушить любви
И реки не зальют ее.

Если бы кто давал мне все богатство мира за любовь.
То и он был бы отвергнут с презрением

Она подняла на гостя изумленные, широко распахнутые глаза, но он еле заметным движением головы подал ей знак молчать. Эта записка была сладким ядом, полным нежных чувств, но увы, ничем не обнадеживала. Когда Эдвин писал ее под диктовку Блора, то все время порывался отправить эту ерунду в камин.

– Переписывать псалмы? Ты не сошел с ума? – его рука зависла над текстом.

– Она все поймет, – виконту приходилось непросто, но он держал оборону, – а Флеалайн не нарушит свои обеты, не забывают, он все-таки священник! Ну а главное, надеюсь, удастся передать на словах!

Графиня закрыла библию, зажала ее в тонкой руке и с извинениями поднялась, чтобы покинуть гостя. Ей нужно было срочно побыть одной, чтобы успокоиться. Дерик, который явился немного погодя, застал священника в одиночестве и приличия ради предложил ему остаться на обед. Погода портилась, повалил снег и стоило проявить хоть толику госте-

приимства.

Когда Шарлотта присоединилась к обеду, у нее были красные глаза. Она поддерживала беседу однозначными фразами с такой тоской смотрела в окно, что это привлекло внимание святого отца.

– Графине нездоровится, – Дерик предъявил объяснение раньше, чем его жена. – Думаю все эти разговоры про болезни и смерть не подняли ей настроение.

– Тогда может быть стоит что-то предпринять? Унылый дух указывает прямую дорогу к гибели.

– Даже не знаю, чем тут помочь, – граф сложил руки на груди и откинулся на спинку стула, пристально глядя на жену, – чего бы вы хотели, моя дорогая? Может вам скучно, хочется, например на бал или поразвлечься в обществе? Но сейчас зима, а с охотой и пикниками придется подождать до тепла. Все заняты приготовлениями к Рождеству, а его, как мне известно проводят с семьей. Или я неправ?

Его рука легла, накрыв вздрогнувшую руку Шарлотты, сжала ее и показалась графине горячей, как огонь. Взгляд Дерика тоже был способен расплавить, но в глазах кроме злости появилось что-то новое, похожее на брошенный вызов. Если бы Шарлотта сейчас вскочила и послала к черту мужа со всем его высшим обществом, включая герцога, сте-

на отчуждения дала бы трещину. Все ее страдания и слезы пробуждали в нем глухую ярость, которую бессильны были потушить даже годовые запасы вина. Пока Дерик ждал ответа, на помощь пришел Флеалайн, который рассуждал не только как священник, но и как близкий опекуна Шарлотты.

– Через два дня в церкви св. Троицы состоится праздничная служба. Дорога туда занимает не больше двух часов, среди прихожан – самые уважаемые люди. Я могу сопровождать ее милость на службу. Подумайте, граф, это хороший способ сменить домашнюю обстановку, не прибегая к светским развлечениям.

Дерик с удивлением взглянул на своего гостя. К счастью, ему достопочтенный отец Флеалайн свою компанию не предложил, зато Шарлотта внезапно ожила и на ее лице даже появилась краска.

– Вы согласны поехать? – удивление его росло с каждой минутой. – В такой холод вам хочется два часа трястись в карете?

– Это лучше, чем один и тот же вид из окна!

– Никогда не пойму женщин! Будь по вашему. Но если вы не привезете назад рюмянец и снова станете стеной плача, я решу, что общества Марты вам вполне достаточно.

Такое быстрое согласие очень удивило Шарлотту, она никак не ожидала, что Дерик сменит гнев на милость. Более того, он как добрый хозяин позаботился о посетителе. Чтобы не терпеть неудобств в постоянных дворах, отец Флеалайн остался в гостях до предполагаемой поездки, а граф внезапно забросил привычные занятия и засел за письмо с тем, чтобы отправить депешу рано утром, пока все спали.

Во этом внезапном визите было что-то странное и граф не выпускал его преподобие из виду ни на минуту. Священник приобрел привычку подолгу разговаривать с Шарлоттой, и она охотно участвовала в этих беседах, но в них никогда не было ничего такого, что могло вызвать подозрения. На самом деле графиня в тайне ожидала, что получит разъяснение к записке. Это томило ее и лишало сна. Как Флеалайн связан с Эдвином, что он собирается делать дальше? Говорить об этом открыто было опасно, но на второй день им повезло – к графу приехал с отчетом казначей и они надолго уединились в комнате Дерика.

– Ваше преподобие... – Шарлотта взглянула на двери, чтобы начать разговор, но Флеалайн перебил ее на полуслове.

– Молчите! Мне досталась непростая миссия, – сказал он, не отрывая взгляд от лица Шарлотты, на котором читалось беспокойство и нетерпение. – Как не претит мне это,

но я счел, что поступаю правильно. Я знаю или догадываюсь о том, что с вами произошло и обещал помочь, чтобы избежать кровопролития. Моя цель – сохранить жизнь его светлости и вам. Остановите его, убедите пока ничего не предпринимать! У вас будет пять минут для разговора перед службой, большего я обещать не могу.

– Хорошо, – произнесла Шарлотта и про себя добавила: «Неужели я его увижу?»

О том, насколько тщательно ведется подготовка к этой встрече, могло судить только двое: Эдвин и Блор, поневоле взваливший на себя обязанность посредника. Первое время виконт надеялся, что его легкомысленный друг переключит внимание на Катрину или в крайнем случае на других женщин. Но нет. Тот изводил его записками, торопил, злился и временами был абсолютно невыносим. Причин для этого хватало: униженное самолюбие, вожделение и будущее отцовство составляли взрывной коктейль, опасный в первую очередь для самого принца.

Было решено, что в церковь св. Троицы Эдвин приедет тайно, под чужим именем. Флеалайн организует для них место и укажет час для короткой (увы, даже слишком короткой!) встречи. Все было продумано, но чем меньше времени оставалось до свиданья, тем больше дурных предчувствий мучило виконта. Он предвидел, что обязательно возникнут

проблемы. Еще на войне у него открылся особый дар – шестое чувство всегда подсказывало приближение опасности. Это несколько раз спасало жизнь ему и другим офицерам, а в случае с принцем все было еще сложнее. Пришлось в одиночку продумать план «Б» на самый крайний случай, а также молчать об этом, не позволяя делиться идеями с его высочеством.

Складывалась картина, когда все, кроме графа с нетерпением считали часы до поездки. Морозным утром из резиденции короля выкатила наглухо закрытая карета, а в доме Дерика закончились последние приготовления. Шарлотта вышла попрощаться с мужем в самом скромном одеянии и он, взглянув на нее, поморщил нос – уж очень она напоминала монашку. Волосы убраны в узел на затылке, закрытое платье из темно-коричневой шерсти, скромный воротничок.

– До свиданья, граф – она не удосужилась даже взглянуть в его сторону, попрощавшись у дверей его любимого, жарко натопленного кабинета.

– Езжайте и смотрите, чтобы ось кареты у вас снова не слетела. Впрочем, я все проверил, так что волноваться не о чем!

Ее шаги еще не стихли на лестнице, как в комнату вошел лакей с конвертом в руках. Это был ответ, которого граф

ждал с таким нетерпением. Он схватил листок, на ходу срывая печать, и быстро пробежал глазами записку.

– Даже так... – его зубы скрипнули, – Ну что ж, видит Бог, я пытался быть милосердным. Филипс! Задержи карету, я еду с графиней!

Глава 10. Птичка упорхнула

Когда Дерик размашистым шагом вышел из дома, его плащ трепал холодный ветер, а на черные волосы падали густые хлопья снега. Он был похож на диковинную, очень опасную птицу, неожиданно впорхнувшую в карету. Пораженная этой внезапной выходкой, Шарлотта отпрянула и с ужасом взглянула на Флеалайна, но тот в свойственной ему манере подал еле заметный знак молчать, сам сохраняя полное спокойствие.

– Что заставило вас передумать? – просил он Дерика, после того как тот дважды стукнул в стенку, чтобы кучер трогался с места.

– Вы не поверите, ваше преподобие, но у меня было видение. Так же случается даже с неверующими людьми? – по тону трудно было понять, издевается он или просто говорит первое, что пришло на ум.

– Конечно. И что же это было за видение? – священник перебирал четки, весь превратившись во внимание.

– Ужасное. Прямо во время службы с купола спустился Демон и похитил мою жену. Я, конечно, не уверен, что могу успешно сражаться с силами тьмы, но попробовать стоит, вы так не считаете? – Флеалайн не ответил и Дерик продолжил

рассуждать. – По-вашему, молитва – лучшее оружие против разной нечисти, правда? Но моя жена не так набожна, вдруг она не знает нужных слов из Святого Писания? Присутствие мужчины, способного ее защитить, придаст больше уверенности. Не так ли дорогая, со мной вы ничего не боитесь?

– Это правда, с вами не боюсь, – она смотрела ему прямо в глаза, – я боюсь вас самого!

– И правильно делаете! «Да убоится жена мужа своего...» или там написано «Бога?», я всегда путаю, – на губах графа появилась кривая усмешка и он откинулся на спинку, устраиваясь поудобнее. – Помолитесь, пока еще не поздно, Шарлотта, и может вас минует эта чаша. Например, Демон сломает крылья или расшибет голову ... как в прошлый раз, – последние слова граф пробормотал себе под нос и за шумом колес невозможно было угадать, услышали их или нет.

После этого длинного монолога компания какое-то время ехала молча. Флеалайн раскрыл свою дорожную Библию, Шарлотта прятала лицо под плащом, а Дерик, кажется, занялся тем, что изучал свою супругу. На ее месте другая уже упала бы в обморок или придумала любой способ вернуться назад, но Шарлотта – нет! Она готова была рискнуть или правда ни о чем не догадывалась, и сама попала в ловушку? Граф скрестил руки на груди и вытянул вперед длинные ноги в дорожных сапогах, нарочно потеснив супругу. Она вынырнула из задумчивости и встретила его изучающий взгляд.

– Я вам мешаю? Мне, знаете ли, неудобно, как вы только получаете удовольствие от этих поездок! – Дерик снова пошевелился и Шарлотте пришлось подвинуться в самый уголок, к двери, откуда заметно сквозило. Это была игра, направленная на то, чтобы всячески помешать ей думать о предмете своей любви. Кончиком сапога он дотронулся до ее башмака, отмечая, как нервно дрогнули ее губы, а потом, поддавшись внезапному порыву, наклонился и поставил ее ножки поверх своих, накрыв длинными полами плаща. – Вот, думаю так будет лучше всего.

– Не стану возражать, – проговорила Шарлотта, бросив короткий взгляд на священника. Затеять ссору в его присутствии было непростительно, особенно учитывая то, кем он являлся на самом деле.

– Вот это да! Впервые моя супруга не стала со мной спорить, воистину чудо! Мы еще не добрались до церкви, а вы уже преобразились до неузнаваемости, Летти.

– А вы нет! – прошипела она и отвернулась.

Графа обмануло ее кажущееся спокойствие. Чем ближе они подъезжали, тем больше Шарлотта испытывала страх. Дерик каким-то образом узнал правду или догадается о ней, значит свиданье не состоится, но лучше пусть будет так, лучше погибнуть самой, чем увидеть Эдвина с кинжалом в груди. По пути они остановились только раз – по прось-

бе Флеалайна. Он заглянул на постоянный двор, перекинулся несколькими словами с одним из людей и вернулся обратно. На вопросительный взгляд Дерика он ответил без малейшего смущения:

– Мне нужно было узнать об одной из моих прихожанок. Она заболела в пути, и вынуждена была здесь остановиться.

– О, в таком случае Ей и в самом деле лучше оставаться на месте, погода не располагает к поездкам, а в тесноте церкви мало ли что может случиться.

Шарлота прекрасно понимала, на что, а вернее на кого он намекает, и была уверена, что Эдвин вовремя получит предупреждение, но действовать было уже поздно. В это время герцог двигался ей навстречу, совершенно ни о чем догадываясь. Ему удалось ускользнуть под придуманным предлогом, и быстро добраться верхом до домика лесника, где уже был Брол и еще один из верных людей. Стукнув в двери условных три раза, Эдвин оглянулся и быстро скрылся внутри. В доме оказалось темно – полоски света пробивались только через щели между досками, которыми были заколочены окна.

– Меня задержали, – сообщил герцог с порога. Из рта у него шел пар, дом промерз насквозь, но топить не стали, чтобы не привлекать внимания. Когда глаза немного привыкли,

он разглядел лежащий на грубо сколоченной скамье сверток и вопросительно посмотрел на Блора.

– Вам придется сменить одежду, как мы и договаривались. Постарайтесь стать незаметным и слиться с прихожанами. И прошу вас, – виконт положил руку на плечо Эдвина, – что бы там не происходило, не выдавайте себя, пока вам не подадут знак!

– Я ощущаю себя младенцем, который решил поиграть в прятки. Почему я вообще должен скрываться?

– Потому что вы дали слово, разве нет? Потому что иначе вы поставите под угрозу графиню и главное – себя! Пообещайте мне, что все будет по плану!

– Хорошо. Ладно! – Эдвин, слегка дрожа от холода, сбросил одежду и натянул вещи, которые были для него приготовлены, а сверху – серый потертый плащ. – Флеалайн точно сделал все как надо?

– Посыльный приехал утром. Они будут на месте к обедне.

Это были самые длинные полтора часа в жизни принца. Сначала дорога на почтовых под видом паломника, потом пешком, чтобы не привлекать к себе внимания. Когда, наконец, они прибыли на место, герцог сразу узнал карету Дерика. Она была пуста, значит Шарлотта уже внутри, всего в нескольких шагах от него! Они не виделись чуть меньше двух месяцев, а кажется – почти вечность! Принц ускорил шаг, держась рядом с Блором, чтобы вместе с другими при-

хожанами войти под ярко освещенный высокий свод церкви.

После уличного холода и сырости здесь было очень тепло и необычнолюдно. Виконт поманил принца, указывая на столик, за которым продавали свечи, ладанки, освященное масло и воду. Эдвин незаметно оглядывался по сторонам, но сколько не пытался разглядеть в толпе знакомый силуэт – Шарлотты нигде не было видно. Запел хорал, началась служба и теперь уже виконт сосредоточенно следил за прихожанами. Время шло, а Флеалайн все не появлялся, не было и никого другого, чтобы передать сообщение для принца. Когда прошло еще мучительных полчаса, стало ясно – что-то случилось! Именно тогда Блор увидел Дерика.

Граф стоял в одиночестве, жены рядом с ним не было, но оказаться здесь случайно он не мог. Виконт поглубже натянул капюшон и тронул герцога за руку, глазами указывая на высокую фигуру в черном.

– Уходим, – прошептал он, ступая в тень, но Эдвин и не подумал никого слушать. Его глаза сверлили графа из-под капюшона, а рука непроизвольно потянулась к поясу, где был спрятан стилет. Блору пришлось загородить принца своей полной фигурой и оттеснить в сторону, не слушая возражений. Они оказались позади Дерика – кажется незамеченными, и как раз вовремя. Из своего укрытия Эдвин заметил

знакомый силуэт – Шарлотту он узнал бы где угодно, и она была здесь, рядом с почтенной матроной и еще несколькими женами вельмож. Служба подошла к концу, и паломники создали в церкви настоящую суету, меняясь местами и выстраиваясь в очередь для причастия.

Пока простые смертные подходили к священнику и получали отпущение грехов, знатных прихожан ждали в исповедальне. Дверь в нее оставалась открытой и была так близко, в каких-то десяти шагах... Как и в других церквях она представляла собой небольшую комнату с двумя кабинками, разделенными перегородкой. В одной половине ждал святой отец, другую занимал посетитель. Они могли говорить, не видя друг друга – только внизу находилось крошечное окошко, через которое можно подать руку. Когда подошла очередь Шарлотты, она ступила в исповедальню с уверенностью, что утешение необходимо, как никогда в жизни!

– Отче, я хочу исповедовать грех! – она заговорила тихо, делая паузы между словами. – Это прелюбодеяние... И тщеславие, и еще гордыня. Я замужем, но люблю другого мужчину.

Тень за решетчатым окном покачнулась. Оставалось надеяться, что в этих стенах звучали и куда более серьезные признания.

– Что мне делать, Святой отец? – ее рука, лежащая на краю окошка, дрожала и справиться с этим никак не удавалось, пока другая – тонкая и теплая ладонь не накрыла ее. Сердце Шарлотты чуть не выпрыгнуло из груди. Она вскочила, хотела закричать, но от неожиданности потеряла дар речи. Рука, державшая ее, тут же отпрянула, дверь кабинки с шумом распахнулась и внутрь ступил Эдвин в одеянии паломника.

Мгновенно утонув в его объятиях, она пыталась заговорить, но не могла – мешали жадные, настойчивые губы. Задыхаясь от испуганных поцелуев, она прервала недосказанную фразу, а накотивший страх сменила внезапная радость, почти упоение! Эдвин прижал Шарлотту к себе, с блаженством вдыхая запах ее волос. Они обменивались бессвязными фразами и каждый говорил о своем:

– Как я скучал! Боже, это было невыносимо, почему ты меня бросила?

– Я этого не хотела, но что мне было делать? – она обвиняла шею возлюбленного, лаская его растрепавшиеся светлые волосы – И что нам делать теперь?!

– Какая разница, главное ты теперь со мной. ВЫ со мной! Скажи, он растет? – Эдвин немного отстранился и посмотрел вниз, на ее живот.

– Да!

– Мой сын?!

– Да!

– Моя маленькая шкатулка с секретом! Как я тебя люблю!

Ноги не держали Шарлотту, все происходящее было чистым безумием и в подтверждение этому в исповедальню буквально ворвался Блор.

– Быстро уходите! Немедленно! – он подтолкнул Эдвина к выходу. Прямо за кабинкой, которая закрывала большую часть комнаты, была незаметная для случайного человека дверь и исчезнуть в ней нужно было сию минуту.

– Эдвин, нет! – Шарлотта отобрала руку – Нет, я никуда не пойду!

– А я и спрашивать не буду! – он чуть ли не силой потащил графиню за собой.

Позади хлопнула тяжелая дверь, было слышно только дыхание Блора, прикрывавшего им спину, и быстрые шаги всех троих. Вскоре коридор стал светлее и вывел в заднюю часть строения. Церковный служка и несколько певчих разом оглянулись при появлении нежданных гостей, но беглецы скрылись так же быстро, как вынырнули из ниоткуда. Только несколько минут спустя, после того как взбешенный Дерик вбежал в исповедальню и обнаружил ее пустой,

послышались новые шаги и в помещение шагнул мужчина, в руках которого поблескивало лезвие испанского кинжала. Служители бросились прочь, опасаясь за свою жизнь, Дерик в руки попался только самый молодой и щуплый из них.

– Женщина, – граф так сжал его шею, что у бедняги выступили слезы на глазах, – куда она пошла?

Вместо ответа служка указал на выход и тут же отлетел в сторону. Дерик выбежал на улицу и быстро окинул взглядом двор. Как раз вовремя, чтобы заметить почтовых и кучера, хлещущего лошадей. Изрыгая проклятья, достойные последнего преступника, просидевшего всю жизнь за решеткой, граф метнулся к своей карете. Его лошади были лучше, дорога вела в одном направлении и скрыться беглецам он не позволит. Спихнув кучера, граф запрыгнул на козлы и хлестнул вожжами. Кони, подчиняясь хозяину, тронулись с места, вывезли карету на тракт и припустились рысью, отбрасывая из-под копыт снежные комья.

В этой гонке мог быть только один победитель, и kloкoтaвшaя в душе злость придавала Дерикy сил. Из утpенней записки он узнал, с кем особенно близок преподобный Флe-aлaйн. Сложить два плюс два не составило труда – если друг и товарищ Эдвина присылает к Шарлотте своего человека, значит, принц, несмотря на данное слово, решил продолжить

игру, только через подставных лиц. Ни один дворянин, да и просто уважающий себя мужчина не поступил бы так! Это был удел труса, а еще негодяя, которого граф упустил из вида во второй раз! Славно же принц исповедовал его жену! Дерик так сжал кулаки, что побелели костяшки пальцев и карие глаза стали черными, как угли, делая его похожим на демона.

Ехавшая впереди почтовая карета пока еще держалась на расстоянии. Буквально пролетев небольшой лесок, беглецы добрались до речушки, которую пересекал шаткий, сложенный из бревен мост. Несмотря на морозы речка еще не была полностью скована льдом – то тут, то там виднелись промоины и широкие проруби, а под ними чернела ледяная вода. Блор ударил в стенку кареты, приказывая остановиться и тяжело вздохнув, обратился к Эдвину:

– Вы мне доверяете?

– Дурацкий вопрос, иначе был бы я здесь!

– Тогда просто делайте, что скажу и немедленно! Выходите! Графиня, вас я тоже попрошу... снимите свой плащ и возьмите мой!

Все трое оказались на заснеженном мосту. Эдвин, помогая Шарлотте закутаться в теплую одежду, то и дело оглядывался, ожидая появления погони. Тем временем Блор подо-

звал кучера, и тот, получив указания, бросился распрягать лошадей.

– Что ты делаешь?! – принц в недоумении наблюдал за этой картиной – Мы теряем время!

– Сбежать все равно не удастся, а если и получится, граф быстро вычислит, где мы остановились. Придется рискнуть!

– Рискнуть?! Ты из ума выжил?

Герцог с безумно сверкающими глазами схватился своего друга за ворот одежды. Блеснуло лезвие, но Блор с приставленным к горлу кинжалом и не подумал отвечать, только слегка приподнял руки.

– Эдвин, прошу вас! Бегите сами, оставьте меня, только не надо крови! – мольба Шарлотты тоже осталась без внимания.

Молчаливый диалог между мужчинами длился, казалось, целую вечность, но на самом деле занял меньше минуты. Позади лошади вспарывали снег копытами – после быстрого бега их нелегко было успокоить, и кучеру было непросто выполнять свою задачу. Наконец Блор нарушил молчание:

– В лесу ждет человек. Он отвезет вас к указанному месту, возьмите в моей кармане записку и деньги.

Эдвин выжидал. Его свободная рука нырнула в карман ви-конта, откуда появился сложенный листок и довольно уве-систый кошелек. Принц тяжело дышал, пробегая глазами по строчкам письма и только потом опустил оружие.

– Если я узнаю, что это обман – тебе конец! – Эдвин вер-нулся к дрожащей Шарлотте и схватил ее за руку – Ты мо-жешь идти?

– Да могу, но куда?!

– За мной...

Они спустились с моста и почти побежали через длинный луг по мерзлой земле, из которой торчали ветки прошлогод-ние кустарника. В боку у Шарлотты колело, лицо резал ле-дяной ветер, но рука герцога держала ее мертвой хваткой и тащила следом за собой, пока наконец они не достигли ука-занного места. Бежать через заросли земляники, хватавшей за полы одежды, было уже невозможно, и пришлось остано-виться, чтобы перевести дух. Герцог оглянулся через плечо – на мосту уже не было ни кареты, ни Блора! Они как сквозь землю провалились, и влюбленные в изумлении посмотрели друг на друга.

– Пошли! Осталось немного! – Эдвин пару раз глубоко вдохнул. – Это должно быть где-то рядом!

Пришлось пересечь неглубокий овраг, на дне которого бежал чудом не замерший ручеек, и цепляясь за ветки выбраться на противоположную сторону. Человек с двумя лошадьми действительно ждал их в низких зарослях. Когда за деревьями мелькнули тени и послышались шаги, он взялся за оружие – на случай, если придется защищаться. К счастью, это не понадобилось – первым перед ним вырос паломник и за ним женщина, едва переводившая дух.

Эдвин вытащил из перчатки записку и протянул ее проводнику, который читал, то и дело поднимая на них глаза. Наконец мужчина кивнул и подвел к ним одну из лошадей, знаками указывая, что сам поедет на второй.

– Даже так, прекрасно! – вздохнул Эдвин и первой подсадил Шарлотту, после чего запрыгнул в седло сам.

Беглянка чувствовала на затылке его дыхание, а еще – бешеные удары сердца, готового выпрыгнуть из груди. Они тронулись и шагом двинулись в сторону от главной дороги, постепенно теряя ее из виду. Ехали недолго, следуя за молчаливым проводником, и Эдвин начал подозревать, что мужчина не просто молчит – он либо нем, либо ему отрезали язык. Если это так, то Блору надо отдать должное – вытащить что-то из такого посредника будет невозможно даже на допросе. Тем временем они выбрались на лесную дорожку и

вскоре оказались у домика, почти выросшего в землю.

Проводник первым спешился, подошел к двери и несколько раз постучал. На условный знак ответили не сразу, но наконец послышался звук отпираемого замка и из домика выглянула молоденькая девушка в чепчике и длинном сером фартуке. Мужчина что-то на пальцах ей показал, и она кивнула, шире открывая двери. Теперь и Эдвин спешился, подхватив Шарлоту и увлекая ее за собой.

Пришлось наклониться, чтобы пройти в низкий проем, сделать несколько шагов через грязные темные сени и только потом беглецы ступили в просторную комнату. Здесь в отличие от прихожей было чисто и хорошо натоплено, низкое окошко закрывали опущенные ставни, а свет давало несколько горящих на грубо сколоченном столе свечей.

– Как тебя зовут? – Эдвин сбросил капюшон и обратился к робеющей девушке.

– Мишель, сударь!

– Этот человек, что немой? – он указал на стоящего в стороне провожатого.

– Да, ваша милость, это мой отец! Он не разговаривает, но я его понимаю, можете все спросить у меня.

– Что ж... тогда спроси, что ему приказали делать дальше. – Эдвин не отрываясь смотрел в лицо немого, все время

оставаясь начеку.

Малышка указала на гостей и сделала несколько знаков, а мужчина ответил ей, объясняясь на пальцах.

– Ему приказали ждать. За вами, сударь, придет человек, и мой отец вас выведет безопасным путем.

– Ладно, ничего другого нам не остается. – Эдвин подошел к провожатому и протянул ему кошелек, но тот отчаянно затряс головой – Что такое? Возьми, это деньги, тебе они пригодятся!

Мужчина сделал знак дочери и хмуро потупился, отступая к двери. Всем своим видом он демонстрировал недружелюбие и даже обиду.

– Простите моего отца, сударь, но он не может взять деньги, это была просьба господина Блора.

– А он служит Блору бесплатно?!

– Его милость вытащил моего старика из тюрьмы, а вернее с виселицы, а меня, стало быть, избавил от монастыря.

– Тогда возьмите, – Шарлотта вмешалась в разговор, снимая цепочку с серебряным крестиком – Это немного, но прошу, не отказывайте мне! Вы тоже спасаете меня от монастыря!

Мишель колебалась какое-то время, но потом протянула руку и поблагодарила за подарок. Немой кивнул и вышел за двери, чтобы устроиться в сених в ожидании Блора, а девушка проводила гостей в соседнюю комнатку. Здесь стояла узкая деревянная кровать и грубо сколоченный стул. На подоконнике был приготовлен кувшин с водой и миска, чтобы умыться, а на спинке кровати висело свежее полотенце. Небогатые хоромы.

– Позвольте, – она помогла графине снять плащ и приняла паломнический наряд у гостя, после чего неслышно удалилась и закрыла за собой двери.

Эдвин молча пододвинул стул ближе к печи, от которой шел жар, устало опустился на него и посадил Шарлотту на колени. Наконец-то можно было выдохнуть с облегчением, хотя адреналин еще гулял по крови – бесконечно долгое ожидание, бешеная гонка и близкая опасность слишком накалила нервы.

– Тебе больше нечего бояться, – напряжение отступало и сменилось усталостью. – Теперь ты под моей защитой. Это временное пристанище, хотя знаешь, я согласился бы и здесь остаться. Помнишь тот вечер с фейерверком, что я тебе тогда сказал?

– Уединенный дом, вдали от всех ... да, я помню, – она

обняла голову, которую Эдвин склонил к ней на грудь, и провела пальцами по волосам.

– Давай так и сделаем! Я буду охотиться или ловить рыбу, да черт с ним, нам хватит и печеных яблок! Или ты не так себе все представляла?

– Не так. Я давно с вами попрощалась.

– Плохо же ты меня знаешь, горошинка! – он по очереди поцеловал каждый пальчик и прижал ее ладонь к своей холодной щеке.

– Совсем не знаю! Мы провели вместе всего один день.

– Но хоть ты вспоминала меня? – он взял Шарлотту за подбородок и посмотрел ей в глаза. – Я ужасно ревновал. Это мерзавец, твой муж...

– Прошу, не надо о нем говорить! Только не сейчас! – ее пальчики накрыли губы Эдвина, но он перехватил руку, поцеловал ладонь, запястье, а потом ямочку на шее, потом маленькую мочку уха...

Герцог чувствовал, что каждый нерв напряжен до предела, жаждал многое сказать, но еще больше – убедиться, что эта женщина принадлежит теперь только ему одному.

– Я хотел убить его, – признался он, – за то, что он встал между нами... и сейчас все еще хочу! Если бы не вмешался Блор... но он слишком благородный человек!

– Он ваш друг, а теперь и мой!

– Еще слово, и я начну ревновать к нему тоже! Ты все время ускользаешь от меня, больше я тебя не отпущу, никакой Блор, Дерик, да хоть сам Дьявол мне не помешает! – он положил руку на ее живот – Он еще не начал толкаться?

– Эдвин, – на лице Шарлотты впервые с момента их встречи появилась улыбка, – нет, еще рано!

– Но это не помешает мне с ним поговорить!

Поддавшись внезапному порыву, он подхватил Шарлотту на руки и перенес на кровать, уложив на гору подушек. Борьба со шнурками и застежками на платье заняла у него какое-то время, пока, наконец, пальцы коснулись женского тела, прикрытого одной только тонкой тканью батистовой сорочки. Они покружили вокруг ямки на животе, в ответ он подрагивал, а дыхание Шарлотты становилось все чаще от волнения и нахлынувших незнакомых чувств.

– Ваше высочество, призываю вас вести себя прилично! Не безобразничайте, чтобы я не слышал жалоб от вашей матери!

– Что он ответил?

– Что любит тебя! – Эдвин приподнялся и лег рядом, обнимая ее привлекая е себе – И я тоже!

Сначала легкий и невесомый, его поцелуй становился все более властным, пока кончик языка не раздвинул пылаю-

щие губы Шарлоты. Она обвила шею Эдвина и закрыла глаза, проваливаясь в блаженную темноту, где были только его блуждающие по телу руки и нетерпеливые губы. Теперь онпил влагу с ее языка, обхватив затылок и не давал ни малейшего шанса на спасение, больше не сопротивляясь растущему с каждой секундой желанию.

– Мы ему не навредим? – горячее дыхание коснулось ее уха, пока он стаскивал рубашку и избавлялся от брюк, – Я хочу тебя!

– Все в порядке, – по напряженному от ожидания тела пробежала нервная дрожь, когда Эдвин накрыл ее своим телом.

Скрипнула кровать, руки Шарлотты скользнули вдоль его обнаженной спины, а ноги сильнее стиснули его бедра. Эдвин взял ее бережно, стараясь не давить своим весом, но сдерживаться было чертовски трудно. Ему хотелось распластать свою женщину на простынях, свести с ума, слушать стоны и безумствовать, не заботясь ни о чем другом. Он ловил ее губы, прикусывал их, ласкал языком, ощущая как ток пробегает по коже, обостряет чувства до предела. Шарлотта прижалась к нему всем телом. Ей не хватало дыхания, казалось, каждая клеточка тела вибрирует, пока жар не стал невыносимым и не обрушился на нее, пульсируя где-то внизу живота, чтобы наполнить сладкой истомой.

Звуки и ощущения вернулись к ней не сразу и первым был поцелуй Эдвина.

– Я слышал, если зачать ребенка в страсти, он вырастет красивым. Наш будет именно таким. Ты счастлива?

– Да. Я люблю тебя...

– Слава Богу! Я думал никогда не дождусь этих слов. И знаешь что... вот, – он снял с мизинца кольцо и надел его Шарлотте на палец, – носи его, как будто ты моя! И я хочу вернуть твой подарок, мне пришлось расстаться с ним не по своей воле.

Когда кольцо с черным камнем оказалось на руке Эдвина, он поцеловал ее, признавая, что это самое странное бракосочетание, какое только можно придумать. О том, что совсем скоро ему придется обменяться обручальными кольцами с другой женщиной, герцог старался не думать. Пусть пока это остается тайной, а лучше всего не случится никогда, чтобы не пришлось покидать темную комнатку лесного дома и эту тесную, но горячую от желания кровать.

Глава 11. Пути пересекаются

Как только Эдвин с Шарлоттой спустились с моста, чтобы добраться до укрытия, Блор перекинулся несколькими словами с кучером, решая, что делать дальше. Замести следы можно было только одним способом. Вдвоем они подтолкнули карету к самому краю моста, раскачивая ее до тех пор, пока она с громким плеском не упала в воду. Тонкий лед треснул, тяжелый груз стал медленно опускаться, сверху какое-то время виднелись только обода колес. Следом полетел и плащ графини, он печально покачивался на воде, зацепившись краем за камыши. Теперь можно было самим уносить ноги.

Когда разъяренный преследователь появился из-за деревьев, беглецов уже не было рядом. Он застал только истоптанный лошадьми снег и следы от колес, ведущие к краю моста. Вода унесла с собой все свидетельства происшествия, рядом не было ни души. Дикий возглас, полный отчаянья и ярости, огласил тишину и разнесся эхом по округе. Дерик, с трудом переводя дыхание, упал на колени и поднял лицо к небу, с которого сыпались снежинки. Это было настоящее проклятье, не имеющее ничего общего с любовью, но оно жгло ему грудь и заставляло чувствовать свое бессилие

перед провидением, отобравшим Шарлотту, а заодно и возможность отомстить ее любовнику...

Неизвестно сколько он провел бы времени на мосту, если бы на дороге не показалась телега с паломниками. Заметив неладное, мужчина, правивший лошадьми, дернул поводья, спрыгнул на мерзлую землю и подбежал узнать, не нужна ли помощь.

– Ваша милость, вам худо? – он наклонился к Дерикю. – Вы ранены, кто ж у нас тут разбойничает!

– Нет, я не ранен, все в порядке, – граф взял себя в руки, не сводя глаз с реки.

Мужичок, стоявший рядом, перехватил его взгляд и опрометью бросился к воде. Вскоре он уже махал рукой, подзывая своих товарищей, и те кто помоложе и похрабрее быстро спустились по льду ближе в глубокой промоине, куда кувыркнулась карета. Весть о происшествии быстро разнеслась по округе. Собрались люди – некоторые шестами исследовали дно, другие спустились ниже по течению, где река делала поворот, но тела графини так никто и не нашел. Не было и других утопленников – только бесхозные лошади, которых поймали в соседнем селе. С кем ехала Шарлотта, Дерик сказать не мог, не исключено что ее любовник отправился другой дорогой, оставив с ней только слугу. В любом случае

этот высокородный подонок был причастен к побегу и граф не намерен был это просто так прощать.

Местные крестьяне во главе с деревенским старостой то и дело поглядывали в его сторону, но подходить близко никто не решался:

– Странный он, гляди, не иначе умом от горя тронулся! – заявил один из местных, указывая глазами на неподвижную фигуру в плаще. – Графинька то говорят была молоденькая, красивая. Сбежала от него то есть!

– Так уж и сбежала? – рядом оказался толстяк в расстегнутом тулупе с розовым от ветра, круглым лицом.

– А вот представь себе! Я своими глазами видел, как к немому Клибу приходил кто-то из благородных. Думаешь за-чем? Искал девку, чтоб прислуживала графиньке, дочку его то есть!

– Так он тебе все и выложил, ври больше!

– У кого есть уши, тот слышит! Кстати и Клиба сегодня не видел, и дочку его, Мишель то есть! Как пить дать, потонули они разом с этой непутевой!

Собеседники, смакуя новость, помолчали, пока толстяк не цокнул языком, разглядывая издали Дерика.

– Потонули или нет, а ты вот что, помалкивай! Он того

гляди за такую новость тебе не спасибо скажет, а воткнет заточку в бок!

– Может и правда, но если он спрашивать станет... – пронырливый крестьянин сомневался, прикидывая, сколько запросить за новость, но заработать ему не удалось ни копейки.

За все время этого разговора и еще долго после него Дерик не произнес ни одного слова, стоял, глядя на черную воду и сам был похож на грозовую тучу. Ждал. Когда через пару часов выяснилось, что дальше продолжать поиски бесполезно, молча вытащил кошелек, рассчитался с людьми и приказал ехать обратно в монастырь, но совсем не для того, чтобы заказать заупокойную службу.

В смерть жены граф готов был поверить только увидев ее холодное тело. Пока же он чувствовал только странную пустоту. Ни прежней злости, ни боли. Они пришли потом – казалось, что каменная глыба давит грудь, еще немного – и его расплющит этот непосильный груз.

Были минуты, когда Дерик жалел о том, что он сам не убил Шарлотту, но их сменяло острое желание найти, вернуть и проучить беглянку – этого маленького дьявола, женщину, которую в одинаковой степени любил и ненавидел. Что касается остальных участников истории, никто из них не должен был уйти безнаказанным!

Первым делом по возвращении граф попытался найти отца Флеалайна, но, как и следовало ожидать, его преподобие уже покинул эти места, в церкви его не было, и он ничего не сказал о том, куда направлялся. Поразмыслив, Дерик пришел к выводу, что Шарлотта могла решиться на поездку к своему опекуну, чтобы остаться там под предлогом ухода за стариком, значит, «дядюшке Эдвину» стоило нанести визит... Если же графиня там не появлялась, оставалось только прижать к стенке виконта. Про Блора он знал мало, был только наслышан о его фанатичной преданности герцогу и отчаянной храбрости. Это могло бы вызвать уважение, но не в таком деле... Если Шарлотта на самом деле утонула, а виконт был к этому причастен, от своей ответственности он отвертеться не сможет!

Все обдумав, наполненный мрачными предчувствиями, Дерик принял решение вернуться домой. Нужно было остыть, чтобы отведать месть как положено – в холодном виде, а для этого требовалось еще многое сделать. Священник, слуга, принц... для каждого свой черед. Именно этот отъезд был воспринят, как смирение с обстоятельствами. Графиню объявили пропавшей без вести, но почти без шанса найти живой и Блор сразу отправил Эдвину записку с новостью, не зная, что его уже опередили...

Утро застало герцога страдающим от ужасного похмелья. После визита к Шарлотте, которую он оставил, обещая вернуться к вечеру, прошло уже два дня. Все это время он выполнял тягостные обязанности сына, брата и жениха, мысленно пребывая в сладких объятиях своей фаворитки, и не имея возможности отправить даже записку из двух строк. Светиться был нельзя – дом в лесу оставался надежным укрытием, пока к нему приближалось как можно меньше людей. Отправлять туда посыльного – даже своего человека было слишком рискованно! Ожидание вымотало Эдвина, под конец вчерашнего вечера он напился как никогда в жизни и его почти бесчувственного отнесли в свою комнату. О том, что было вчера вечером, он вспоминал лишь эпизодами: карты, где он проиграл и обвинил своего противника в шулерстве, непристойные танцы с фрейлинами и очень много вина.

Не успел еще герцог одеться и проглотить кофе, как дверь распахнулась и на пороге появился Ричард.

– Отлично выглядишь! – он прошел через всю комнату и плюхнулся в кресло, закинув ногу на ногу.

– Ради бога, не кричи, – Эдвин потер виски, щурясь от света. – Что тебе понадобилось в такую рань?

– Я веду себя, как твой добрый старший брат и покровитель, и пришел тебя предупредить. Кое-что случилось, не так ли? По твоему лицу вижу, что я угадал... Ходят слухи, что

ты соблазнил жену одного подданного и все бы ничего, но она сбежала из дома, а по дороге свалилась в реку и утонула. Это правда?

– Не понимаю, о чем ты, – щеки Эдвина предательски покраснели, выдавая его смущение.

– Я о нашем споре и о твоей интрижке. Предполагалось, что мы от души повеселимся, но ты решил поиграть в любовь! Эти разговоры не пойдут на пользу твоей репутации, – Ричард начинал терять терпение, вскочил и подошел к герцогу, схватив его за плечи. – Ты выбрал неподходящий момент для таких забав, здесь баронесса Оссэрвам, помнишь, зачем она приехала? Сначала женись, а потом можешь хоть каждый день ходить налево! А ты вместо того, чтобы налаживать с ней отношения, вчера в салоне хватал за задницу фрейлин и обливался вином! Она решит, что герцог озабоченный недоумок и уедет!

– Она беременна... – для длинный объяснений у Эдвина не было сил, слишком болела голова.

Ричард так и застыл с открытым ртом, готовясь произнести следующую фразу. Понадобился приличный кусок времени, чтобы он смог вернуть себе дар речи.

– Катрина?! – наконец выговорил принц

– Нет, Шарлотта. У нее будет ребенок от меня.

– Минуточку, ты хочешь сказать, что она не только жива,

но ты заделал ребенка жене Дерика?! Поэтому она бежала? А ты не думаешь...

– Не думаю, это мой сын, – он отхлебнул из кубка, чувствуя желание выкинуть брата за двери.

– В таком случае, ты в большой... не буду говорить чем! Если Дерик узнает, что его жена с тобой, в суд обращаться не станет и просить развод в церкви не будет! Он заколет тебя и глазом не успеешь моргнуть! Отвези свою Шарлотту к знахарке, в монастырь, верни мужу, ты должен от нее избавиться!

– Так она ведь утонула, разве нет? Это уже всем известно!

Медлительный и флегматичный Ричард не сразу уловил ход мыслей младшего брата. Теперь он удивлялся еще больше – как Эдвину удалось все это повернуть? Если все будут считать, что графиня преставилась, у Дерика не появится повода предъявлять претензии. Он может думать, что ему угодно, но доказать причастность герцога к этому делу невозможно. Но ребенок...

Сам Ричард давно начал опасаться, что ему не по силам произвести на свет наследника. Старший из братьев имел множество связей, но ни фаворитки, ни законная жена так и не объявили ему долгожданную весть. Бастард Эдвина мог со временем сильно помешать его будущему правлению. Но пока не стоило об этом чересчур беспокоиться, мало ли какие

бывают случайности, может любовница брата и не доносит его ребенка. Вслух он этого, конечно, не сказал, он вообще больше не находил слов для внушения, а вместо этого решил посоветоваться с тем, кто заслуживает большего доверия.

Не успел Эдвин выпроводить брата, как его пожелал увидеть сам король. Он был слаб и давно делегировал старшему сыну решение важных вопросов, но сегодня требовалось личное участие в семейном деле, не терпящем отлагательств.

– Мне доложили, что баронесса просит разрешения на отъезд, – сообщил его величество глухим голосом, в котором таилась скрытая угроза. Эдвин стоял у постели отца и молча смотрел ему в глаза, ожидая продолжения. – Такого допустить нельзя, нам нужен этот союз и ее земли. Сегодня же вы обручитесь и как только будут подписаны все бумаги, вступите в брак. Я все сказал, можешь идти, или у тебя есть возражения?

– Условия, – сердце Эдвина ускорило бег, но вопрос был слишком важным, чтобы сейчас отступать.

– Даже так? Мой двадцатилетний сын диктует условия королю?!

– Речь идет о моей жизни, отец! Поскольку вы определённо считаете, что этого брака не избежать, мне не остается ничего другого, как согласиться. Ни Катрина, так другая, не

вижу разницы, если дело в политике.

– Судя по твоему лицу, разница есть, так в чем?

– Я хочу видеть здесь одну женщину, хочу, чтобы ее приняли при дворе.

– Всего лишь?! А почему одну женщину, а не целый гарем? Или тебе мало фрейлин Эльфриги?

– Если ее здесь не будет, свою подпись под брачным договором я не поставлю!

– Любопытно, а Катрина согласится, чтоб ты делил с другой постель с другой?

– Мне все равно, вы подпишете разрешение?

Ответа не последовало. Вернее сказать, он был таким, что пришлось благоразумно удалиться. На что был способен король, когда ему перечили, Эдвин знал не понаслышке. Попавшая в опалу королева уже пятнадцать лет жила в изгнании и даже это было весьма милосердно со стороны его величества. С сыном он так церемонится не стал бы – тюрьма или зачисление в солдаты... Через два часа бледный, злой Эдвин в раздражении отозвался на стук в двери. Он никого не хотел видеть, а сестру особенно. Просто так она никогда не приходила и сейчас выглядела особенно недовольной.

– Я была у его величества, – Эльфрига села на предложенный ей стул, – и знаю, что тебе сегодня досталось. Он зол, это плохо, ты не должен был идти ему наперекор!

– Ты пришла меня воспитывать?! Если да, то дверь открыта, мне не нужны твои советы!

– Ну как хочешь, – ее губы некрасиво изогнулись в подобии усмешки, – а я думала ты заинтересован в том, чтобы привести к себе под крылышко одну особу.

Эдвин резко повернулся к Эльфриге лицом:

– Смакуешь сплетни, дорогая сестра?! Что тебе до этого?

– На самом деле я единственная, кто может тебе помочь, но я должна знать все! Раз сам ты молчишь, я буду строить догадки, а ты подтверди, правда это или нет. Речь о жене Дерика? И то, что она сбежала от мужа – тоже правда?

– Не сбежала. Я ее увез! – он налил себе кубок вина и выпил его залпом.

– Как романтично! – Эльфрига с полным равнодушием переждала эту вспышку гнева. – Если верить сплетням, о которых ты сейчас говорил, то бедняжка утонула... или ты устроил представление на «бис?»

Эдвин продолжал держать язык за зубами, язвительный тон герцогини ранил и злил его еще больше, объясняться не было ни малейшего желания.

– О, понятно! – она выждала минуту и продолжила свой монолог. – Так где она сейчас, если не дне реки?

– Я оставил ее одну, а это меня не устраивает! Хочу поддержать на руках своего сына!

– Ребенок?! – Эльфрига вскочила – Твой?

Было видно, что ее мысли усиленно работают, так изменилась каждая черточка лица. На щеках выступили пятна, а в глазах появился нездоровый блеск. Наконец, овладев собой, герцогиня взяла за руку брата и усадила напротив. Кажется, разговор давался ей с трудом и каждое слово тщательно взвешивалось.

– То, что я тебе скажу, должно остаться между нами. Ты заметил, что отец становится все слабее? Долго он не протянет, значит его место займет Ричард. Бездетный король! Как ты думаешь, какая участь его ждет? Вечный страх! И единокровный брат, у которого уже есть наследник. Я знаю Ричарда, он захочет избавиться от твоего отпрыска. А еще Катрина, не жди, что она примет бастарда, когда у вас появятся свои дети!

– И это – твоя помощь?! – герцог не вскочил и опрокинул стул.

– Я не закончила... Для тебя пришло время выбирать, на чьей ты стороне. Примешь мою – я тебе помогу. Твою фаворитку представят при дворе, я возьму ее в свои фрейлины... под другим именем конечно. Я помогу тебе спрятать ребенка, но ты... в нужный момент поможешь мне занять трон.

– Ты предлагаешь мне участвовать в заговоре?!

– Нет, – она распрямила спину. – Спасти твою любовницу, сделать ее недосыгаемой. Ричарда все равно сбросят, а тебя... прости брат, но отцовство короля в твоём случае вызывает слишком много сомнений. Так что ты скажешь?

Эдвин молчал. Впервые в жизни его приперли к стене, и разругнуть проблему без посторонней помощи было невозможно. Он посмотрел в лицо герцогини – Эльфрига уже почувствовала вкус власти, как зверь вкус крови.

– Хорошо... надеюсь подписывать документ о заговоре не надо?

– Нет. Если ты нарушишь слово, я сообщу Деррику и королю. Она окажется в монастыре, а твой ребенок... если выживет – в сиротском доме. Я верю твоему слову и без подписи, а ты можешь верить моему. Завтра твоя любительница роз будет здесь!

Глава 12. Две Шарлотты

Катрина заканчивала вышивку золотой нитью. Сложная работа, которая должна продемонстрировать мастерство и усидчивость! Пока ее пальчики с иглой мелькали над полотном, голова была занята совсем другими мыслями: «Интересно, кто придумал, что рукоделие – одно из главных женских занятий?» Вспоминая многочисленных любовниц отца, баронесса не замечала в них тяги вышивке или музыке. Может быть поэтому мать была так несчастлива в браке? Меньше всего Катрине хотелось повторить ее судьбу, а судя по поведению Эдвина для опасений было очень много причин.

Он по-прежнему держался на расстоянии и все попытки как-то сблизиться оказались провальными. Не далее, как вчера днем королевская гостья «случайно» проходила мимо его комнаты и набравшись смелости, постучала в двери.

– Катрина? – разговор велся через щель, в которую выглянуло удивленное лицо герцога. – Что-то случилось?

– Нет, я просто хотела с вами поговорить. Нам не обязательно изображать любовь, но попробовать сделать шаг навстречу все-таки стоит.

– Возможно, но сейчас не лучший момент...

Катрина догадалась, что ее жених не один, и хочет вернуться в постель. Об этом говорил не только его тон, но и внешний вид – редко какой мужчина так мало стеснялся открывать двери голым. Хорошо хоть она не созерцала его во всей красе...

Это здорово испортило настроение, что не ускользнуло от внимания дам в гостиной. Эльфрига, которая одной из первых ратовала за этот брак, предложила Катрине развлечься и сыграть в карты. Во время маленькой партии она сказала ей примерно то же, что не так давно озвучит Ричард.

– Не принимайте похождения Эдвина всерьез, если не хотите разбить себе сердце. Мой брат, как бы это выразиться, темпераментный мужчина с хорошим аппетитом.

– Другими словами, у него в постели всегда какая-то женщина? Он ведь даже не пытается это скрывать.

– Я не слежу за этим и вам не советую. Скажу больше – если однажды утром вы увидите хмурое лицо и услышите в свой адрес грубости, так и знайте, эта самая постель пустует довольно давно. Он таков, но может быть после брака все изменится. Вы в любом случае приобретаете больше, чем теряете. Положение, королевский статус, дети, которые могут наследовать трон... – перечисляя, она открыла карты с выигрышной комбинацией. – Это компенсирует наличие фаво-

риток. Или вы хотели бы поменяться с ними местами?

Эльфрига была права, но на чувства гостьи это повлияло мало. Она была в обиде и начала опасаться, что официальной помолвки так и не случится, до сегодняшнего утра не ожидая внезапного поворота событий. От размышлений ее отвлек настойчивый стук в дверь и вошедшая следом герцогиня.

– Ваша светлость, – гостья отложила работу и поднялась. На ее реверанс Эльфрига ответила, слегка кивнув головой, выглядела она озабоченной и еще более серьезной, чем обычно.

– Доброе утро, Картина. Я надеюсь, что не помешала вам, потому что у меня важная миссия.

Следом за герцогиней в комнату вошел мужчина и пара слуг, в руках у которых была складная ширма. Гость поставил свой сундучок и закатив рукава, направился к столику, где служанка полила ему на руки и подала полотенце. Катрина молча взирала на все эти приготовления в ожидании разъяснений, которые пришлось взять на себя Эльфриге.

– Вас должны осмотреть, – сказала она, приподнимая одну бровь.

– Осмотреть? В каком смысле, для чего?!

– Я думала это очевидно, чтобы убедиться в вашей невин-

ности.

К этому моменту слуги уже развернули ширму и установили возле кровати, после чего спешно удалились, прикрыв двери. В комнате осталась только герцогиня, будущая невеста, горничная и доктор.

– Меня будет осматривать мужчина? – Катрина была вне себя от удивления.

– Не мужчина – доктор. И чтобы вас успокоить сообщу, что он принимал роды у королевы, когда появился на свет Эдвин. Идите же, вам помогут раздеться!

– Мне обязательно подвергаться унижительным процедурам? Неужели вы все еще соблюдаете эти варварские традиции? – Катрина заняла оборону, но по лицу принцессы поняла, что праведный гнев никого не трогает.

– Эти вопросы вам нужно задавать не мне! – Эльфрига указала на документ, лежащий на столе, – Невеста принца должна быть девственницей или может отправляться домой.

– В таком случае, я поеду домой!

Это была последняя капля. Дверь за спиной баронессы хлопнула, она пронеслась по коридору, ни на кого не обращая внимания и даже не задумываясь, куда направляется, пока чуть не сбила с ног блондинку в голубом платье. Она сразу вспомнила эту даму, которую даже слишком хорошо

рассмотрела на балу. Жослина выронила вышитый кошелек и ей пришлось наклониться, чтобы его поднять, прежде чем поприветствовать свою соперницу.

– Простите, – бросила баронесса, – я вас не заметила!

– Ничего страшного, вы такая изящная, что не нанесли мне ни малейшего вреда! И потом, я не ожидала вас здесь встретить, может вам составить компанию, куда вы направляетесь?

– Хочу увидеть его светлость. Мне надо обсудить с ним кое-что важное!

– Ну конечно, – в словах скользило сочувствие, – понимаю. К несчастью, вам придется подождать, я видела... случайно, как он уехал вместе со своим другом, как же его зовут? Ах да, Блор!

– Уехал? В такое время?

– А что вас удивляет? Мужчина может пользоваться своей свободой, а принц тем более.

– Но мне сказали сегодня... – она осеклась. Не хватало еще делиться своими переживаниями и страхами с распутной фрейлиной.

– Я слышала, по секрету конечно! Вас уже можно поздравить с помолвкой, бумаги подписали? – Жослина подмигнула. – В общем-то это формальность, но все-таки так романтично! Я была бы на восьмом небе от счастья!

Баронесса не знала, что и подумать! Нравы при дворе впечатляли все больше: ее личная жизнь и даже девственность обсуждались на каждом углу, жених уехал в день помолвки в неизвестном направлении, а наглая фаворитка Эдвига метит на ее место. Не такой Катрина представляла себе встречу с будущим мужем! Единственным утешением было осознание того, что после свадьбы они смогут уехать. Свои земли, свой дом, свои правила – это было такой прекрасной мечтой! Ради ее исполнения можно было проглотить одну горькую пилюлю, даже если это будет осмотр королевским врачом! Расправив плечи, Катрина глубоко вздохнула:

– Я кое-что забыла своей комнате, мне нужно вернуться! – улыбка вышла фальшивой, но отлично скрыла настоящие чувства.

«Притворяться и лгать» – вот два золотых правила, которыми всегда можно воспользоваться женщине! Или почти всегда... К счастью, ей не пришлось выкручиваться во время этой ужасной проверки. Катрина лежала, прикрытая простыней, пока доктор проводил свои манипуляции, кусала губы и думала только об одном. Теперь, когда помолвка будет официально объявлена, весь двор станет смотреть на нее по-другому! Баронесса из крошечной провинции преодолела дистанцию, отделяющую ее от любой фаворитки, вот только разделить свой триумф было не с кем. Вместо того, чтобы

радоваться событиям и торопить свадьбу, Эдвин находился уже далеко, и испытывал нетерпение совсем другого рода.

Подъехав к дому Блора, герцог осадил коня и соскочил на землю, не замечая абсолютно ничего вокруг. Он получил записку утром. Как оказалось, Эльфрига умела держать слово, но принять новую фрейлину при дворе могла только после того, как ту официально представят. Сделать это было проще всего с помощью жены виконта. Лаура не только приходилась троюродной сестрой Шарлотты, она и могла обратиться к одной из хорошо знакомых придворных дам. Для влюбленного герцога это означало осуществление заветных желаний, а для его фаворитки – возможность покинуть заброшенный домик в лесу.

Он сбросил плащ на руки слуги при входе и взбежал по лестнице, не дожидаясь приглашения. Блор только что вернулся и его полное лицо краснело от мороза, зато глаза впервые за много дней выдавали радость.

– Где она? – без предисловий начал герцог, едва переступив порог.

– С ней Лаура, в таком положении, я уверен, поддержка не помешает, а они все-таки родственницы.

– То есть я могу подождать? Ладно, поговорим пока о политике, выпьем вина, что там еще ты предложишь? Черт

возьми, Блор, отведи меня к Шарлотте!

Виконт спрятал улыбку в пышных усах, он еще не забыл, с каким нетерпением сам ожидал каждой встречи с будущей женой, и как непросто было преодолеть сопротивление ее родни. Они покинули теплую комнату с уютным, накрытым мехом креслом и направились к гостевой спальне, куда вел небольшой коридор. Блор тихонько постучал и получив ответ, открыл двери.

Дамы сидели рядышком, и Лаура держала руки кузины в своих, когда за ее спиной выросла фигура Эдвина:

– Ваша светлость... – только и успела сказать хозяйка дома, поднимаясь ему навстречу.

Ответить ей на приветствие Эдвин не мог, его губы уже слились с губами Шарлотты, заключенной в тесные объятия.

Блор подал жене знак, чтобы увести ее с собой и оставить принца наедине с возлюбленной. Тишина в спальне зависла надолго – пока обоим хватало дыхания, чтобы не разрывать поцелуя.

– Я приехал, как только узнал, не хочу больше такой пытки! Лаура тебе все рассказала? Осталось потерпеть еще немного, и ты будешь со мной.

– Этого я и боюсь! Двор, фрейлины... что, если меня кто-то узнает! Или догадается о нас?

– Перестань придумывать для себя страхи, я обо всем позабочусь. Просто. Мне. Доверяй.

Эдвин подхватил Шарлотту и посадил на маленький столик, с которого посыпались на пол какие-то безделушки. Чтобы не упасть, ей пришлось обвить его шею руками, она никак не могла привыкнуть к этим играм и невольно закрыла глаза, вдохнув знакомый, такой будоражащий запах. Пока его рука скользила по спине, чтобы поддержать Шарлотту, из-под длинного подола на мгновение показалась соблазнительная ножка. Слишком соблазнительная...

– Может обсудим все потом? – бессовестные пальцы отправились в путешествие, поднимаясь вверх по шелковому чулку, пока не добрались до полоски обнаженной кожи.

Эдвин не отводил от нее взгляда блестящих глаз, и телу Шарлотты пробежал трепет. Она хотела, но не могла отстраниться от этих дразнящих, неторопливых рук. Щелкнула застежка подвязки, чулок медленно пополз вниз, а кончики пальцев Эдвина – вверх, к заветному треугольнику. Шарлотта судорожно вздохнула и крепче обняла его плечи, закинув назад голову и прикрыв глаза. Их губы то и дело сближались: он то дразнил их кончиком языка, то отстранялся, чтобы за-

владеть снова, как будто пытался утолить жажду. Нежная рука провела по его затылку, шее и нырнула под одежду – тело было горячим и по коже побежали мурашки. Избавиться от куртки так быстро как хотелось бы не получалось, наконец Эдвин справился с застежками, стащил рубашку через голову и закинул одежду в ближайшее кресло.

– Иди ко мне! – Эдвин рывком придвинул Шарлотту ближе, давая обхватить свои бедра ногами.

Она вздохнула, сдаваясь под натиском, позволила овладеть собой сначала нежно и сдержанно, потом с нарастающим желанием, и наконец, отвечая жарким стонами. Казалось, тело вот-вот расплавится. Жгучее, острое наслаждение захлестнуло Шарлотту с головой, пронеслось по позвоночнику и пульсирующими волнами хлынуло вниз живота. Она притянула голову Эдвина к себе, чтобы накрыть его рот иступленным поцелуем и потеряться в сладком мареве. Звук, цвета – все исчезло и вернулось только когда она обессиленно откинулась назад, наполненная любовным нектаром.

Потом она парила по воздуху на руках, чтобы приземлиться на кровати, насладиться тишиной и состоянием нирваны. Они молчали, изредка обмениваясь поцелуями и ничего значащими словами. Рука графини расслаблено ласкала волосы Эдвина, а он рисовал кончиком пальца замысловатые фигу-

ры на ее плече, размышляя вслух о том, что постоянно занимало мысли:

– Я увез бы тебя прямо сейчас, но нужно дождаться официального представления. Черт, как это все надоело! – он приподнялся и поцеловал ямочку на шее Шарлотты. – Почему-то все считают, что при дворе сказочная жизнь. Каждый хочет пристроить свою дочку или найти пост для себя самого, кажется, ты первая, кто не видит в этом никакой радости... ты ведь не рада, я вижу.

– Я все время думаю, что, если меня кто-то узнает?

– Кто именно? – его голубые глаза стали серьезными.

– Одну фрейлину я назову точно. Это Жослина...

Шарлотте было неприятно вспоминать ее, малышка не однажды скрашивала досуг Дерика и была с ней груба, но эффект, который это имя произвело на Эдвина был еще хуже. Между бровями у герцога залегла складка. Он сам провел с Жослиной несколько ночей – она была неутомимой, жадной до любви, совершенно лишенной комплексов и каких-либо принципов. Эта прелестная фрейлина любила мужчин. Всех, включая самого Эдвина, и он сомневался, что ее язык будет на замке.

– Я знаю, что делать, – он вскочил и начал одеваться.

Уже натянув штаны и рубашку, с одной рукой в рукаве Эдвин перехватив взгляд Шарлотты. Она лежала неподвижно и молча смотрела на его сборы глазами, полными слез. Обычная участь фаворитки – встреча в постели и ожидание нового знака внимания, именно то, чего она избегала и боялась больше всего.

– Знаю, что ты думаешь, но я приезжал не для этого! Я скучал по тебе, очень, а сейчас должен сделать все, чтобы нам не мешали.

После нескольких поцелуев, которые чуть не заставили его передумать, Эдвин вышел из спальни и спустился к Блору, занятому письмами. Виконт как раз просматривал корреспонденцию и разбавлял это занятие бокалом вина.

– Тетка Лауры ответила на нашу просьбу. Она представит Шарлотту, но это может быть не раньше Рождества. – герцог молчал и Блор решил коснуться других важных вопросов – И есть еще кое-что... Речь о Дерике, он объявился у старого барона. Все думают, это связано с ее имуществом и будущим наследством, но причины могут быть и другие...

Поговорить об этом было необходимо. Ближе познакомившись с графиней, Блор проникся к ней симпатией и даже жалостью. Пока она оставалась в фаворе и герцог окружал ее

вниманием, можно было не беспокоиться о деньгах, но если ситуация изменится, если объявится Дерик, опасаться стоит уже за самого Эдвина...

– Что ты предлагаешь? Нанять людей, чтобы прикончили его по дороге? – его глаза блеснули и в них появился нехороший огонек

– Пока что нет, и я надеюсь этого не придется делать и в будущем. Я поговорил с Лаурой, она всегда была умной женщиной и у нее нашлось решение. Что, если пустить новый слух, который подтвердится?

– Слух о чем?

– Например, о том, что Шарлотта скрывается в монастыре, вернее кто-то другой под ее именем. Это будет не так легко проверить, и мы сможем выиграть время.

– И где мы возьмем женщину, которая согласится играть эту роль? Не думаю, что знаю хоть одну даму, готовую принести себя в жертву даже за деньги.

Блор поднялся и подошел к окну, подбирая слова, чтобы его идея не показалась герцогу безумной.

– Сегодня я сопровождал заключенного, и мне пришла в голову мысль. Мы можем вызволить одну из тех, кто совершил не слишком тяжелый проступок взамен на услугу принцу крови.

– Келья вместо камеры?! Не вижу большой разницы и вообще, Блор, как ты до такого додумался?

– Во-первых, мнимая Шарлотта не обязана стричься в монашки. Во-вторых, она будет в куда лучших условиях, по сравнению с тюрьмой, если вы хотя бы раз там были! Я возьмусь за это дело сегодня же, только дайте ваше согласие.

– Что ты собираешься делать?

– Пока поговорить с нужными людьми.

– Ладно, – Эдвин встал. Он был раздосадован ожиданием, события разворачивались совсем не так, как ему хотелось, – держи меня в курсе!

Когда шаги герцога затихли, Блор устало опустился в кресло. С некоторых пор он вращался в среде, которая была наполнена интригами, и постоянно ходил по краю. Только чувство долга и привязанность к Эдвину, сохранившаяся с юности, заставляла продолжать дело, которое было совсем ему не по вкусу и не терпело отлагательств. Как только герцог уехал, он с тяжелым вздохом поднялся и предупредил слугу о срочном отъезде. Впереди был визит в Соломф – одно из самых самое неприглядных мест, где содержали преступниц и тех, кто не мог выплатить долги.

Час спустя двери тюремной камеры скрипнули и в нос Блору ударил неприятный запах. Он уже переговорил с начальником и добился возможности встретиться с одной из

заключенных. Собственно, в этом не было ничего сложного, достаточно предложить взятку и любые двери откроются. Куда важнее было проверить дело, которое она задумал, и сохранить его в тайне.

С койки, представлявшей собой деревянную лавку с соломенным матрасом, поднялась молодая женщина. Ей было лет двадцать пять. Темноволосая, с тонкими чертами лица и изящной фигурой, она даже здесь сохранила следы красоты. Заключение поправила подобие косынки, прикрывающей грудь, и устремила на гостя выжидательный взгляд.

– Зачем вы пришли? – посетитель, если это не палач и не священник, вызывал у нее любопытство, но страха в глазах Блор не заметил., в них было отчаянье человека, готового принять любую участь.

– Пришел приказ тебя перевести.

– В Оборн? Я слышала это дыра для тех, за кого некому заплатить залог.

– Он уже заплачен..

– Кем? – теперь женщина встрепенулась и ее темные глаза заблестели даже в полумраке камеры.

– Мной, но в ответ я попрошу об одной услуге. Предупреждаю, предложение может тебе не понравится.

– Вы случайно не были в числе тех вельмож, которые обвинили меня в воровстве? Они, как я помню, намекали на

компенсацию, но я не работаю шлюхой и вам отвечу тоже самое, идите вы...

Женщина села на прежнее место и демонстративно от-вернулась к крошечному окошку. Это нисколько не удивило Блора, который со свойственным ему терпением продолжил разговор.

– А что ты скажешь, если твое имя вычеркнут из тюрем-ной книги, как если бы ты умерла? Никакого долга, полу-чишь свободу.

– В обмен на что?

– На новое имя и новую жизнь. Я все расскажу, но ты должна дать согласие. Поможешь не только себе, но и еще одной женщине, может на небесах это зачтут в счет уплаты за твои грехи?

Заклученная несколько долгих мгновений смотрела на Блора, а потом рассмеялась. Нашелся кто-то, заботящийся о ее погибшей душе, да еще и предлагающий свободу! Она внимательно посмотрела в лицо гостя и сложила руки на гру-ди:

– Что ж, я слушаю. Очень давно мне не рассказывали сказ-ки, но может ваша хотя бы позабавит! И прошу не обижаться на меня, я давно отвыкла от приличного общества и, навер-

ное, растеряла манеры...

Час спустя неизвестная, закутанная в плащ с глубоко на-
двинутом капюшоном, вышла через заднюю дверь тюремно-
го здания, чтобы прыгнуть в закрытую повозку. Кучер тро-
нул поводья и быстро повез ее прочь от места заключения,
где женщина провела полтора года. Шарлотта Миллер, вдова
лавочника, обвинявшаяся в краже серебра, в этот день умер-
ла от чахотки. Пройдет пара дней и покосившийся крест с
ее именем поставят над пустой могилой, а сбежавшая от му-
жа-тирана Шарлотта Рос Джонс окажется за неприступными
стенами монастыря. Не лучший обмен, который могла под-
кинуть судьба, но единственный, дающий луч надежды. Она
приподняла уголок шторы и глубоко вдохнула свежий, хо-
лодный воздух, ощущая себя птицей, вырвавшейся из клет-
ки.

Те, кто должен был встретить беглянку в монастыре, ни-
когда ее не видели раньше. Молодая, темноволосая, с груст-
ным, красивым лицом и тонкой кистью рук, по описанию она
была копией настоящей графини. Никто не заподозрил бы
подмены, узнать ее мог только Дерик, но даже он не смел
проникнуть в Приорат Святой Фридесвиды без специально-
го разрешения. Возлюбленная герцога стала на шаг ближе к
Эдвину, вокруг которого все больше сгущались тени.

Глава 13. Змея в постели

– Ты должна ее отослать! – Эдвин нервно ходил по комнате сестры, испытывая сильное желание что-нибудь разбить.

– И как это сделать? Ты забываешь, что такие вопросы решаю не я одна! – Эльфрига развела руками.

– Она слишком много знает, а теперь я и тоже знаю кое-что, так что постарайся!

– Ты меня шантажируешь?! Или мой брат оказался слишком щепетильным, чтобы перенести историю с выкидышем своей фаворитки? Тебе неприятно было узнать, что она носит чужого ребенка? Весьма странно, разве раньше ты не видел Жослину, выходящей из чужой спальни? Даже Ричард был не против с ней встретиться и, кстати, в отличие от тебя не слишком заботился о случайном потомстве.

Это был перебор. Эльфрига, не привыкшая выбирать выражений, не ожидала от брата такой реакции. Секунда – и ее шею сжали сильные руки, приперев герцогиню к стене. Лицо Эдвина перекосило от бешенства.

– Случайном потомстве? Скажи это еще раз, дорогая сестра и я тебе подробно объясню, как я к этому отношусь! Делай, что хочешь, но Жослины тут быть не должно!

Он отпрянул так же внезапно, как набросился на Эльфригу и хлопнув дверью, выскочил из комнаты. Она потеряла шею, все еще ощущая кровь, пульсирующую в висках. Герцогиня не сомневалась, такие перемены в характере Эдвина можно объяснить только одним – это последствия пожара, после которого он провалялся в беспамятстве почти две недели. Неуправляемый младший брат, бездетный развратник старший... это облегчало ей путь к трону, а им сулило скорое падение. Нужно было лишь немного подтолкнуть того и другого, иначе ей, женщине королевской крови, обеспечена лишь вторая роль в этой жизни.

Как ни странно, возникший конфликт помог найти решение. Эльфрига привела себя в порядок, позвонила и приказала позвать доктора, а затем уверенным и абсолютно спокойным видом отправилась в салон. Как и ожидалось, Жослина была здесь и кокетничала с одним из придворных – любителем непристойных анекдотов.

Простите, граф, но мне придется отнять у вас собеседницу, – Эльфрига остановилась рядом с ними. – Моя дорогая фрейлина сегодня нездорова, и ей придется нас ненадолго покинуть.

Улыбка сошла с лица блондинки:

– Нездорова? Здесь какая-то ошибка, – она запнулась, но встретив ледяной взгляд серых глаз, сделала реверанс графу и молча направилась следом за Эльфригой, кивком указавшей ей дорогу.

По пути Жослина перебирала в уме все возможные причины немилости и не могла найти ни одной. Не может быть, чтобы принцесса положила глаз на одного из ее любовников. Все они были недостаточно знатными, ленивыми и весьма посредственными в постели, значит, дело в чем-то другом. Найти решение она не успела, в спальне уже ждал доктор.

– Я вас оставлю и надеюсь, вы сможете во всем разобраться, – принцесса обращалась к доктору, сделав ударение на последних словах, после чего повернулась спиной к Жослине и ушла, оставив ее в полной растерянности.

– Вы можете что-нибудь мне объяснить? Если меня подозревают в заразной болезни, то, уверяю вас, это неправда! Это клевета...

– Моя обязанность – все проверить.

– Я вам заплачу, назовите сумму! – теперь Жослина почувствовала настоящий страх.

– Моя дорогая, я вас неоднократно предупреждал раньше, – доктор говорил тихо, но внушительно, – в зависимом положении нужно быть сдержаннее. Я вынужден сказать

правду... ваше присутствие здесь стало нежелательным. При дворе молодая невеста принца, а попытка избавиться от ребенка стала известна людям, которым знать об этом было не нужно.

– И что, теперь меня отправят в исправительный дом? – взвилась фрейлина.

– Это не мне решать. Но здесь вы остаться не сможете, я не пойду против воли герцогини!

Жослина расплакалась и это были не напускные, а настоящие слезы. Ей понадобилось два долгих года, чтобы занять свое место при дворе! Пришлось угождать принцессе, это старой деве, прыгать в постель к ничтожным мужчинам ради подарка или нового платья. И вот все усилия пошли прахом из-за невесты Эдвина, как будто Катрине было хоть какое-то дело до внебрачных детей фрейлины. Нет, тут было замешано что-то другое, она нутром это чувствовала! Если уж ей укажут на двери, она ни за что этого не простит, всегда есть шанс вернуть долг сполна. Всем, кто замешан в этой истории...

После «осмотра», который на самом деле никто не проводил, Жослину попросили оставаться в своей комнате, и она какое-то время ходила из угла в угол, а потом решила предпринять отчаянную попытку и незаметно выскользнула из дверей. Коридор оказался пуст и в два счета малышка

достигла спальни Эдвина, постучав, как делала это раньше, условным знаком. Шаги за дверью принесли несказанное облегчение – значит герцог здесь, а не с Ричардом или этим виконтом, который превратился в тень своего покровителя.

– Жослина? – Эдвин стоял на пороге, с удивлением глядя на фрейлину. – Ты не можешь просто так приходить, когда тебе захочется!

– Умоляю вас, позвольте сказать вам два слова!

– Говори, – его рука все еще преграждала вход.

– Не здесь, я не хочу, чтобы нас слышали...

Эдвин бросил быстрый взгляд, и нерешительно отступил, пропуская фрейлину в комнату. В уютной спальне ничего не изменилось с момента их последней встречи – тот же запах, те же милые глазу предметы.

– Ну?! – Эдвин ждал, сложив руки на груди.

– Я только что узнала, мне придется покинуть двор. Я уезжаю и даже не знаю куда, получив обвинение в том, чего не совершала!

– И чем я могу тебе помочь? Я не давал такого распоряжения.

Жослина упала на колени и обхватила его ноги, обливаясь слезами. Ошарашенный, Эдвин пытался, но не мог оттолк-

нуть фрейлину, цепко державшей его за одежду.

– Умоляю вас, заступитесь за меня, вы же знаете, что я люблю вас. Мне невыносимо думать, что мы больше не увидимся!

– Любишь? Кого ты любишь, Жослина? – ему, наконец, удалось стряхнуть ее руки. – Предполагаю твоя любовь распространяется на каждого, кто позовет в постель. Даже хуже, ты заберешься в нее как змея, чтобы соблазнить и отравить своим ядом!

– О Боже! – она отняла руки от красивого заплаканного лица, на котором проступили красные пятна. – Кто, когда сказал вам такое?

– А мне ничего не надо говорить, я все видел сам... – его передернуло при воспоминании о ворохе красных тряпок в руках служанки. – Кто был отец твоего ребенка: мой брат, Дерик, кто-то из гостей? Ты даже не знаешь!

– Ну конечно, я должна была догадаться, в чем дело, – с горечью проговорила Жослина, – но я бы не стала так строго судить, ваша светлость. Вам известно, что мой отец проиграл в карты последний грош? Да, мне пришлось торговать собой, чтобы выжить, чтобы попасть в число избранных. Но вас, Эдвин, вас я люблю по-настоящему!

– Тогда тем более уезжай! – у герцога никогда раньше не было такого безразличного и холодного лица.

– И куда мне ехать? В монастырь?! – в отчаянье воскликнула она и снова разрыдалась.

Вид фрейлины, стоящей на коленях посреди спальни и поливающей ковер слезами, в конце концов тронул герцога, и он подошел, чтобы поднять ее и посадить на стул.

– Я ничем не могу помочь. Если хочешь – вот, – на ее колени упал кошелек, – на первое время, потом я пришлю еще. Найди мужчину, готового взять тебя замуж, если не хочешь закончить дни монашкой!

Он не успел отнять руку, Жослина прижала ее к губам и долго не отпускала. Ее плечи еще вздрагивали, когда Эдвин высвободился из этих нежных тисков и отвернулся к окну, дожидаясь, когда закроется дверь. После ухода фрейлины он испытал облегчение, это было неприятно, как и все, что приходилось делать ради достижения своей цели. Герцог прижал ладони к лицу. Женщины... почему они так все усложняют?

И почему именно ему довелось оказаться меж двух огней? Шарлотта с одной стороны и Катрина с другой. В отличие от фрейлины он не мог порвать связь ни с одной из них, и пока будущая мать его первенца пряталась в доме друга, невеста ждала на обед, где им предстояло сидеть рука об руку.

Герцог занял место за столом, но кусок не лез в горло, и

он щедро подливал себе только вино.

– У вас не аппетита? – Катрина попыталась проявить заботу.

– Спасибо, я не голоден, – он не удостоил ее даже взглядом.

– Значит, вам не приходилось потихоньку таскать из кухни еду.

– А вам приходилось?!

– И неоднократно, – Катрина улыбнулась. – Видите ли, меня весьма строго воспитывали. Считается, что девушка должна быть выносливой и очень мало есть. Кусок хлеба с ячменным отваром на завтрак, овощи на обед, ужин, как бы это сказать – почти бесплотный! Воровать еду мне было стыдно, но я подкупила повариху. Милая Эдда, она всегда мне оставляла кусочек пирога или чего-то вкусного!

Эдвин рассмеялся. Катрина могла быть забавной, когда хотела, и он склонился ближе, чтобы послушать подробности этой истории.

– Надеюсь, страшную тайну никто не разгадал? Во всяком случае здесь вам не нужно ограничивать свой аппетит. Вы пробовали лобстера?

– Нет, я не умею их есть...

– Нет ничего проще! – он схватил одного из них за клеш-

ню и плюхнул на тарелку. – Сначала отрываем клешни, только осторожно, они острые. Теперь хвост, и не смотрите с таким ужасом, он вас уже не укусит.

Хрясь! Кусочки панциря остались на тарелке, из гигантской клешни Эдвин извлек аппетитный розоватый кусочек и протянул Картине. Она покачала головой.

– Откройте рот, обещаю, это будет вкусно!

Катрина бросила взгляд по сторонам. На них были устремлены многие глаза, но пришлось подчиниться и поймать лакомый кусочек губами. Эдвина это явно развлекало и доставляло удовольствие. Следующий ломтик он прожевал сам и вопросительно взглянул на невесту.

– Мне понравилось! Спасибо за урок.

– Всегда пожалуйста. Вина?

Разговор стал более оживленным и в конце ужина настроение у обоих заметно улучшилось. Герцог вынужден был признать, что Катрина умеет быть интересной и отдавал должное ее привлекательной внешности. В конце концов ему повезло хотя бы с этим, ведь могло быть иначе – как с Ричардом, женатым на безликой, болезненной женщине.

Вскоре все поднялись из-за стола, чтобы пройти в общую гостиную. Предполагалась, что девушки будут развлекать мужчин музыкой, желающие – играть в карты, а почтенные дамы – обсуждать важные семейные вопросы. Когда пришла очередь Катрины сесть за инструмент, она не выглядела смущенной или неуверенной. Голос у девицы оказался прекрасным и сильным, но ему не хватало чувственности, а мелодичные напевы напомнили Эдвину вечер перед охотой. Его снова охватила тоска, ждать до Рождества оставалось около двух недель – бесконечный срок для того, кто мечтает видеть рядом свою фаворитку.

– Немного не тот репертуар? – слова Эльфриги вернул Эдвина к реальности. – Согласна, графиня пела лучше. Кстати, братец, ты должен оценить мои старания, я сдержала слово уже дважды! Как видишь, Жослины здесь нет.

– Она ко мне приходила, – не поворачивая головы сообщил Эдвин.

– И ты не проявил жалость? Запомни этот день, иногда приходится чем-то приходится жертвовать, а зачастую и кем-то!

В этом состояла большая доля правды, хотя со стороны Эдвина расставание с Жослиной не выглядело такой уж и жертвой, а кое-кого откровенно порадовало. Катрина была счастлива, что устранила соперницу, но не учла одной важ-

ной мелочи – место фаворитки никогда не бывает пустым. Она убедилась в этом тем же вечером, притом самым неожиданным образом. Некоторые из гостей, а в их числе и Эдвин, рано разошлись по приватным pokojам. Когда Катрина тоже собиралась идти спать, ее посетила безумная мысль – заглянуть к жениху и пожелать ему спокойной ночи. Она немного нервничала и не успела еще дотронуться до двери, как она услышала очень характерные звуки. Ритмичные женские стоны то растворялись в тишине, то снова ее нарушали. Движимая непреодолимым любопытством, Катрина подошла ближе к приотворенным створкам, и застыла на месте.

Подсвечник стоял на полу в центре комнаты и освещал ее мягким, теплым светом. Испытывая стыд, возмущение и непонятное волнение, Катрина увидела две обнаженных фигуры. Девушка лежала поперек кровати, а позади был Эдвин, чьи руки покоились на ее аппетитных округлостях. Фрейлина выгибала спину и стонала, стягивая руками простыни, и от этой сцены Катрину бросило в жар. Пересилив себя, она отвела глаза и как можно тише прикрыла двери. По телу баронессы пробежала дрожь – не надо было приходить, а уж тем более подглядывать! Она постаралась поскорее скрыться, и как раз вовремя. За спиной послышался голос Эдвина, возглас, а затем странный шум, как будто что-то упало на пол. Катрина быстро оглянулась по сторонам. К счастью,

рядом никого не было и она почти бегом бросилась в свою комнату.

Оказавшись в спальне, баронесса сразу позвонила горничной и не переставая прислушиваться, быстро переоделась. Не успела она еще накинуть халат и расчесать волосы, как вечернюю тишину нарушили шаги и голоса нескольких человек. Поднялась суета, непривычная для такого позднего времени и служанка, не имея собственных версий, предложила пойти и сейчас же узнать, в чем дело. Вернулась она не скоро и выглядела очень испуганной.

– Простите меня, ваша милость, мне приказали молчать об этом, но я вижу, что вы тревожитесь...

– Так говори, раз начала! Я обещаю, что никак тебя не выдам!

– Герцог, то есть ваш жених, ему стало нехорошо. Кажется, потерял сознание.

– А девушка? Не смотри на меня так, я знаю, что он был не один! – Катрина схватила горничную, за руку.

– Насколько я знаю, с ней все в порядке! Сначала все думали – это вернулась его болезнь, но потом пришел доктор... нет, я не могу, нельзя ничего говорить!

– Ты скажешь и прямо сейчас, или больше не будешь у меня служить! – сердце Катрины стучало как сумасшедшее. – Ну?

– Доктор сказал, это похоже на яд. У герцога появились признаки, которые не так легко сразу распознать. Хорошо еще, что вовремя нашлось противоядие!

– Эдвина пытались отравить?! Но кому это может быть нужно? – Катрина не знала, что и думать, и стояла, пораженная новостью, когда в ее комнату постучали.

Все выглядело, как в дурном сне: вошли трое людей, что-то говорили о безопасности, быстро проверили и унесли графин с водой, зачем-то заглянув под матрас и в выдвижные ящики, где хранилась косметика.

– Прошу вас до утра не покидать комнату – попросил вельможа и с жестким черными волосами и такими же стальными глазами. – Если почувствуете недомогание, даже малейшее – немедленно зовите слуг.

С этими ободряющими словами ужасный субъект покинул комнату, и Катрина перевела взгляд на бледную служанку.

– Лучше нам никогда его не видеть, это самый страшный человек при дворе, господин Шанталь! – и не дожидаясь следующего вопроса, горничная перекрестилась. – Он королевский пилер и уж если кто попадет к нему на допрос...

Горничная махнула рукой, давая понять всю безнадежность общения с тайной полицией, и мысленно пообещала себе провести остаток вечера в молитве.

Глава 14. Приоткрытая тайна

Никогда еще за последние десять лет при дворе не учили таких обысков и допросов. Доктор с абсолютной уверенностью сообщил, что яд попал к Эдвину с пищей, и скорей всего во время ужина. Если бы вместо забав с фрейлиной он лег спать, с большой долей вероятности никогда бы не проснулся!

– Я уже видел такое, – осматривая бесчувственного принца заявил доктор – хрипы, расширенные зрачки, частый пульс... если я не ошибаюсь, это беладонна. Ему необходимо рвотное, грелки и заварите немедленно кофе!

После всех принятых мер Эдвин пришел в себя, но провел ночь в лихорадке, и только к утру с трудом смог уснуть. Яд постепенно покидал тело, но о нем еще напоминали сильно покрасневшие, воспаленные глаза. Чтобы избежать боли, доктор приказал ставить на веки примочки и завесить окна от яркого света, а для ускорения выздоровления больше пить.

Что касается поиска виноватых, Шанталь довольно быстро выяснил одну вещь – после ужина Эдвин пил вино, а его

гостья – только воду. Это навело на догадку, которая была самой правдоподобной – яд подсыпали в стакан принца и первой подозреваемой стала его молоденькая любовница. В тот же вечер она оказалась в тюрьме, но во время допроса пилер внезапно припомнил еще одну важную деталь. Когда король впервые заболел, с ним случился точно такой же приступ, а, значит, в стенах прятался кто-то, пытавшийся устранить членов королевской династии.

В итоге на допрос попали все, включая придворных. Проверяя список, он обнаружил отсутствие только одного человека – Анны Жослины Флаудок.

– Где эта девица? – он ткнул пальце в бумаги.

Стоявший рядом секретарь перевел взгляд на список:

– Насколько мне известно, получила отказ от двора из-за распутного поведения.

– Как давно она уехала? – брови Шанталя сошлись на переносице.

– Сегодня после обеда, по приказу ее высочества.

– Говоришь, распутница и только? Не думаю, что тут все так просто, это не может быть совпадением. Сдается мне фрейлина стала кому-то мешать или слишком много знает, в любом случае разыщите и приведите ко мне.

О своих открытии пилер никому не сообщил, но установил слежку и потребовал обязательной дегустации пищи для короля, его детей и будущей невестки. Перед тем, как попасть на стол, еда оказывалась в тарелке двоих слуг, чтобы исключить любую возможность подсыпать яд снова.

Катрина долго не могла прийти в себя, ее мучила одна мысль – если бы в тот вечер Эдвин открыл ей дверь, они пили бы вино вместе, и вместе умерли. Не так просто было выбросить это из головы! Ей все больше казалось, что за роскошью и приветливыми улыбками везде скрывается подвох и опасность, возникло даже желание немедленно сбежать и вернуться домой!

Все случившееся нагоняло на нее тоску и страх, а новости об Эдвине нисколько не радовали. Сиделкой баронесса всегда была плохой, не любила и боялась больных, и потому долго не могла заставить себя проведать жениха. Тем не менее, ей пришлось преодолеть неприязнь и зайти к Эдвину на одну минутку. Болящий выглядел именно так, как она представляла и даже еще хуже: белое как полотно лицо усыпано бусинами холодного пота, под глазами залегли черные тени, а губы приобрели тот ужасный оттенок, от которого мороз идет по коже.

Присев на стул возле кровати, баронесса через силу прикоснулась к холодной руке, и Эдвин приподнял повязку, закрывавшую глаза.

– Зачем вы пришли? Я слава богу не при смерти.

– С вами случилась беда, разве я не должна быть рядом?

– Интересно зачем? Полюбоваться мной или развлечь беседой? Меня отравили, и я все еще не знаю кто это был! Вам не страшно, Катрина? Все еще хотите разделить со мной свое будущее?

– Не ждите, что я обижусь! – помолчав ответила она. – Вам плохо, что ж ладно, я приду в другой раз, поправляйтесь!

Она уже отодвинула стул, намереваясь уйти, как вдруг заметила на столике нераспечатанный конверт. Почерк был женским, в этом не было никаких сомнений – красивые, ровные строчки. Судя по тому, что письмо лежало у кровати, его принесли утром вместе с чаем, но прочесть послание герцог не смог из-за болезни глаз. Катрина колебалась всего минуту, потом протянула руку, проворно схватила свернутый лист и спрятала под корсет. Она успокоила себя тем, что имела на это право. Как будущая жена, как принцесса, как та, кто может и обязана знать все о личной жизни супруга. Этот злосчастный листок жег ей кожу, пока не выдалась минута, чтобы остаться одной. Спрятавшись за тяжелой што-

рой в своей спальне, Катрина дрожащими пальцами распечатала конверт.

Это не было любовным посланием, все оказалось гораздо хуже!

«Ваша светлость! По просьбе виконта, который остается вашим другом и верным слугой, сообщаю – вопрос, касающийся представления Шарлотты, будет разрешен в ближайшие пять дней. Вам шлют привет два самых любящих сердца в надежде на скорую встречу! Л. Б»

Катрина выронила письмо. У ее венценосного жениха был роман на стороне и вовсе не с какой-то фрейлиной! Она припомнила стихи, найденные в кровати влюбленного герцога – они были адресованы все той же Шарлотте! «Наш брак будет номинальным» – слова жениха снова прозвучали в ушах баронессы, и она сцепила зубы. Похоже, бороться за сердце Эдвина было бессмысленно, а вот вставить палки в колеса его любовнице – вполне реально. Пять дней – не такой уж большой срок, чтобы узнать подробности, дожидаться «решения вопроса» и может быть своими глазами увидеть соперницу, которую нужно уничтожить!

Тайна Шарлотты, которую до сих пор так тщательно и с такими предостережениями охраняли, заботила и еще одно-

го человека. В списке заинтересованных лиц он стоял на первом месте и действовал с холодным расчетом. Никому не доверяя, граф лично посетил опекуна своей жены и даже пробыл в его доме пару дней, чтобы убедиться воочию – Шарлотта не прячется в его стенах. Она вообще здесь не появлялась и давно не писала, так что «милый дядюшка Эдвин» ничем не мог помочь зятю. Зато Деррику побольше узнать о другом важном человеке, а именно – о священнике, оказавшем ему «услугу». По словам барона его духовник всегда проводил Рождество дома и вряд ли стал нарушать традицию в этом году.

Все это было очень близко к истине, Флеалайн действительно возвращался домой, рассчитывая пробыть оставшиеся до праздника дни в своем приходе. Большой и прочный, дом священника был надежным укрытием, но зимой в нем становилось слишком холодно, и хозяин предпочитал не так часто сюда наведываться, благо у него было достаточно богатых покровителей. День близился к закату. В декабре всегда темнеет рано, а сегодня погода испортилась, опустился туман и пошел мелкий снег с дождем. Флеалайн промерз и уже начал опасаться, что сляжет на Рождество с простудой, поэтому огонек фонаря на крыльце как ничто другое порадовал его душу. Слуга, засыпанный снегом, уже ждал хозяйина и поспешил проводить его в дом, где со всей возможной прыткостью помог раздеться.

– Я разжег камин в вашей спальне, так-то будет лучше! И ужин принесу сейчас же, может нагреть вина, холод-то какой, а? – тарактел Бин, всегда с трудом державший язык за зубами.

– Было бы неплохо, попроси добавить в вино побольше корицы.

– Да, ваше преподобие, Синдия все сделает, как вы любите! Я бегом... одна нога тут другая там! Ты только взгляни, какая метель!

Флеалайн вздохнул. Почему-то в Библии ни слова не сказано о таком грехе как пустословие и болтовня! Он переступил порог комнаты, держа в руках свечу, ее огонек заколебался от сквозняка и почти тут же из неосвещенного угла послышался низкий мужской голос:

– Добрый вечер, ваше преподобие! Прошу прощения, что явился без предупреждения, но меня терзали сомнения, вдруг вы снова скроетесь. – Дерик пошевелился, но не сделал навстречу ни шага. Он знал, что в доме нет никого, кроме хозяина, старого слуги и девушки-кухарки, а значит, звать на помощь будет некого.

– Здесь нет ничего ценного! При мне немного денег, если вы так нуждаетесь, можете их забрать, – ответил священник, разговаривая с невидимым гостем.

– Вы проявляете истинно христианское милосердие, но я хотел бы забрать кое-что другое, – теперь Дерик вышел на свет и его глаза сверкнули, – мою жену! Отвечайте, где Шарлотта и так быть, я сохраню вам жизнь!

Флеалайн вздрогнул, но быстро собой овладел и даже не отвел глаз:

– В этом доме ее нет, – спокойно ответил он и поставил свечу на маленький столик.

– Это мне известно. Я обшарил ваш дом сверху донизу и не говорите, что это ляжет смертным грехом на мою бедную душу. Вы, я уверен, отпускаете любой грех, например, прелюбодеяние, которое ваше преподобие охотно оправдывает! Итак, вернемся к нашим баранам, где Шарлотта?

– Я ничего об этом не знаю. Моя помощь графине не должна была привести к таким ужасающим последствиям, и я сожалею...

– Сожалеешь?! – Дерик сгреб его в охапку и держал за ворот одежды, который почти перекрыл дыхание. – Ты помог сбежать ей к своему любовнику, и я знаю при чем участии! Спрашиваю последний раз: где моя жена? Если хочешь жить, придется сказать правду!

Флеалайн что-то показывал знаками, говорить он не мог и лицо покраснело от прилившей к нему крови. Дерик разжал

хватку и навис над священником.

– Я непричастен к побегу...

– А если так? – теперь шею бедняги холодило лезвие кинжала. – Правду, святоша, иначе мигом окажешься на том свете!

– Я оказал услугу ради спасения, – прохрипел, откашлявшись, Флеалайн.

– Своего или этого ничтожества принца?!

– Невинного младенца!

Тело священника рухнуло, слишком неожиданно руки Дерика разжались, выпустив свою добычу. Тяжело дыша, он молча смотрел на преподобного отца, ощущение было таким, словно кто-то ударил под дых железным кулаком.

– Повтори, что ты сказал! – стало ясно, что жизнь священника повисла на волоске.

– Она обещала покаяться, но хотела уговорить ... хотела избежать крови. Я не знал, что они попытаются сбежать, графиня искала временный приют, чтобы потом... рождения ребенка...

– Ребенок от принца, теперь все понятно, – граф словно не слышал всех этих жалобных причитаний. – Я мог бы заметить. Раз уж ты сказал основное, нет смысла скрывать оставшуюся правду. Куда она поехала?

– Приорат Святой Фридесвиды, – выдохнул священник. – Этот орден отшельниц, при нем есть приют для сирот...

Флеалайн знал, каким грехом ляжет на него эта ложь и произносил ее отнюдь не ради своего спасения. Предупредить убийство и даже не одно – вот была его цель, как бы дорого это не стоило. Дерик тем временем погрузился в тяжелые мысли, решая, как поступить дальше, и взглянул на своего пленника только когда тот с трудом поднялся.

– Я не буду вас убивать, – проговорил граф сквозь зубы. – Совесть сожрет вас раньше и с куда большими муками. Желаю вам жить долго и страдать как раз настолько, чтобы эта жизнь показалась бесконечной!

Дерик стремительно вышел из комнаты и почти сбил с ног старого Бина, в руках которого был поднос. Горячее вино расплескалось. Слуга ахнул и кинулся в комнату, где, сложив голову на руки плакал его хозяин. А неизвестный, проникший в дом тайком, уже покинул его и потерялся в снежной завесе. Дерика переполняли чувства, от которых впору свихнуться. Он пинал ногами замерзшие комки земли и чертыхался на всех известных ему языках, не обращая внимания на холод и режущий кожу ветер. Преодолев редкие заросли леса, он вышел к селению, расположенному неподалеку и продолжал шагать, ничего не замечая вокруг.

Ярость лишил графа бдительности и скрыла от глаз людей, притаившихся между поваленными недавней бурей деревьями. Первый выскочил из засады и схватил Дерика за шею. Как правило, одинокий путник – легкая добыча, но в этом случае нападавший получил достойный отпор. Возгласы, ругательства, крики боли заполнили темноту. Их было пятеро против одного! Трех Дерик уложил на месте, один из них увернулся и всадил графу нож слева под ребрами. Удары посыпались как град, сбивая с ног. Перед глазами графа мелькали вспышки, а потом шум в ушах и боль стали стихать, и он провалился в непроглядную темноту.

– Бери одежду, плащ пригодится, гляди-ка, меховой! – шмыгая разбитым носом проговорил один из нападавших – Тут есть чем поживиться. Проверь карманы и побрякушки не забудь, давай делать ноги, кто-то идет с фонарем!

Бросив раненого и убитых, они поспешили скрыться в снежном тумане. Когда вооруженный староста подбежал к месту драки, то нашел двоих мертвецов, одного разбойника с дырой в животе и бесчувственного мужчину явно благородного происхождения. Снег валил все сильнее и нужно было что-то делать, пока бедняга не околел. Не дожидаясь подмоги, староста взвалил Дерика на плечо и тяжело зашагал к дому, пока не скрылся из виду в мелькнувшей полоске света.

Глава 15. Картинка складывается

Выздоровление Эдвина затянулось на несколько дней. Все это время он оставался в своих покоях в одиночестве и по большей части спал. Адская боль в глазах и мышцах понемногу ушла, доктор дал добро приоткрыть занавески, но все еще настаивал на постельном режиме. В конце концов герцогу надоела вся эта история. Он выставил лекаря за двери, приказал принести свежую одежду и сразу после обеда появился в гостиной.

Ноги держали еще не слишком хорошо, от света приходилось жмуриться, но движение и воздух вдохнули в болящего немного жизни. Он обвел взглядом комнату и с удивлением обнаружил салон почти пустым. После покушения многие из придворных оставались под домашним арестом по приказу Шанталя, судьба некоторых и вовсе повисла на волосинке.

– Приятно видеть вас снова на ногах! – Эдвина поприветствовал один из вельмож, большой любитель выпивки и карт. – Не хотите партию?

– Почему бы и нет, – герцог помедлил, но не встретив больше приятных для себя лиц, сел за один из карточных столиков и вполуха стал слушать последние сплетни.

Как оказалось, у кого-то из придворных во время обыска нашли опий, у одной из дам – «любовный эликсир» с неизвестным составом, а у нескольких человек изъяли подозрительные письма. При упоминании про письмо в голове Эдвина словно что-то щелкнуло. Когда он лежал в горячке, в спальню принесли личную корреспонденцию, но потом конверт исчез в неизвестном направлении. Ни единого слова об этом герцог не слышал и от прислуги, а это могло означать только одно – нашелся некто, желающий побольше узнать о его переписке. Подозрение упало всего на одного человека, а вернее на одну даму, и откладывать разговор с ней герцог не собирался. Ничего не объясняя, он тут же бросил карты на стол и пулей выскочил из гостиной.

Спустя несколько минут Эдвин был у спальни своей невесты, и распахнул двери, пренебрегая всеми правилами вежливости. Когда его шаги послышались за спиной, Катрина уронила книгу и поднялась навстречу, ожидая очередных ужасных новостей.

– Вон! – Эдвин кивнул служанке, и та мигом удалилась, оставив их наедине.

– Вы меня напугали! Что-то еще случилось? Все живы? – Картина засыпала нежданного гостя вопросами.

– Не знаю порадует ли вас это, но пока что все. Как види-

те, я уже на ногах, и даже могу прочесть название вашей книги, – герцог поднял маленьких томик и протянул его невесте, – отсюда следует, что свои письма я тоже могу прочитать. Лично. Без вашей помощи.

– Я вас не понимаю! – сердце Катрины сделало кульбит, и сохранить удивление на лице оказалось не так просто.

– Что ж, раз так я объясню. В моей спальне лежало письмо, которое бесследно пропало. Взять его могло всего несколько человек, но я почти уверен, что это ваших рук дело. Будет лучше, если вы мне его отдадите.

– Вы нездоровы, Эдвин...

– Позвать Шанталя? Его люди перевернут комнату и конечно найдут то, что мне нужно, но тогда встанет вопрос, можете ли вы войти в королевскую семью, ведь моя невеста – шпион и воровка!

Катрина смертельно побледнела. Ей уже приходилось слышать про пилера и его методы, а также видеть его воочию, и встреча с этим человеком ужасала до глубины души.

– Вы не сделаете этого, у вас нет никаких доказательств, чтобы оскорблять и унижать меня! – ее темные, как сливы глаза еще больше потемнели от гнева.

– Можете не сомневаться – сделаю! И доказывать мне ничего не надо, в спальню заходили только вы, слуги и доктор.

Письмо, сударыня! – Эдвин протянул руку и поманил пальцами, всем видом демонстрируя нетерпение.

Катрина выждала еще минуту, потом пересекла комнату, открыла ящик секретера и извлекла аккуратно сложенный листок. Ах как она проклинала себя за то, что не сожгла его сразу после того, как потихоньку стащила! Мучимая ревностью баронесса рассчитывала использовать послания для шантажа, но вышло наоборот – она попала в собственный капкан.

Эдвин схватил письмо и быстро открыл, пробегая глазами. Оно, как и ожидалось, было от Шарлотты и то, что его держали в неведении, привело герцога в ярость.

– Больше никогда на рассчитывайте на мое доверие, – прошипел он, склонившись к лицу невесты, – и уже тем более не заикайтесь о любви!

– А вам, Эдвин, вам самому нечего сказать?! Вы крутите роман с другой женщиной, еще не обвенчавшись со мной, я должна сносить это молча?!

– А чего вы ожидали? – герцог взялся за ручку двери – Не я вас выбирал, это политический союз не так ли? Вот и ограничьтесь своими правами, пока они у вас есть!

– Эдвин! – прерывать разговор на полуслове Катрина не собиралась, но он выскочил в коридор, не оглядываясь, и не

обращая внимания на окрики.

Ему нужно было немедленно переговорить с Эльфригой и отправить сообщение Блору, чтобы узнать последние новости. Пять дней, Шарлотта уже могла быть в пути, а он все это время провалялся в кровати! Охваченный смутными предчувствиями, Эдвин сбегал вниз по каменным ступеням и почти сразу заметил сестру в сопровождении двух дам. Они только что вошли после прогулки и отряхивали с одежды густой снег. Хватило секунды, чтобы узнать в одной из спутниц Эльфриги Шарлотту, и у герцога сердце чуть не выпрыгнуло из груди. Он постарался придать себе беззаботный вид и вернулся назад, точно зная, где можно «невзначай» перехватить принцессу.

Через несколько минут дамы, направлявшиеся в маленькую гостиную, столкнулись с герцогом и вынуждены были остановиться.

– Не ожидала вас увидеть, – удивилась Эльфрига, – это не слишком рискованно? Мне кажется, дорогой брат, вам стоит побыть еще в постели.

– Вы сама заботливость, но мне надоело лежать в одиночестве, – странно было видеть, как Эдвин разговаривает с сестрой, не отрывая глаз от ее новой фрейлины.

– Это, конечно, неприятно, почти так же, как стоять на

сквозняке, – раздраженно заметила герцогиня, плотнее закутываясь в меховую накидку – Вы позволите?

Эдвин вынужден был отступить в сторону, пропуская дам. Теперь он мог со спины наблюдать за своей возлюбленной, чувствуя себя одновременно виноватым и до крайности счастливым. «Шарлотта здесь! Каким чудом ей удалось уговорить старуху баронессу приехать на десять дней раньше?! И почему, черт возьми, от Блора нет известий?» – череда мыслей пронеслась в голове Эдвина, но получить ответы он смог только вечером, когда все собрались в салоне и Эльфрига со своей небольшой свитой явилась посплетничать и сыграть в карты.

Улучив момент, Эдвин вышел из-за карточного стола и присоединился к женскому обществу. Фрейлины, как обычно, защебетали, раздавая авансы, но герцог не слышал ни единого слова.

– Вам не кажется, дорогая сестрица, что некоторые пострадали от покушения меньше других? Я лишился половины общества, а вы, как я вижу, приобрели новое.

– Вы в своем репертуаре, Эдвин, говорите загадками.

– Ничего подобного, когда это я отличался скрытностью? – он остановился за спиной сестры и положил руку на спинку ее стула, глядя сверху вниз на сидящую напротив

Шарлотту.

– Тогда я предполагаю, что вы хотите отвлечь меня, чтоб я сделал неверный ход и проиграла, а у вас появилась возможность предложить партию моей фрейлине.

– Сначала вам придется ее представить. Вдруг я уже слышал о ней и побоюсь вступать в игру с таким сильным противником.

– Шарлотта, теперь вы видите? Мужчины узнают о нас из собственных источников, даже если мы ни разу их раньше не встречали. Остерегайте, неизвестно, что у них на уме!

Шарлотта слабо улыбнулась в ответ, о чем думал Эдвин, догадаться не составляло труда, это было написано на его лице:

– Значит, я могу обращаться к вашей фрейлине по имени, как мило!

– Ну вот, что я говорила, когда стоят над душой, недолго и проиграть. Займете мое место, брат? И, кстати, соблюдайте приличия, перед вами никто иной, как родственница леди Сеймур, а ее принимал при дворе еще наш дед.

Эдвин не мог дождаться, когда все положенные слова будут сказаны, ему позволят сесть напротив Шарлотты и взять в руки карты, чтобы сыграть в «Переполох».

– Клянусь, я ничего не знал о твоём приезде! – он склонился как можно ближе к своей собеседнице. – Быстро проигрывай и под каким-то предлогом выйди в маленькую гостиную. Знаешь, где это?

– Беру карту! – рука Шарлотты немного дрожала.

– Ты вправе меня казнить, я знаю, – громкий шепот не давал ей подумать над следующим ходом. – Но дай мне шанс оправдаться, я все объясню!

Нога Эдвина медленно поползла вперед и коснулась башмачка фрейлины под столом. К счастью, день был пасмурный, в салон еще не принести новые свечи и этот фокус никто не заметил.

– Ваш ход! – она отодвинула ножку, стараясь выглядеть спокойной в то время, как сердце выплясывало в груди, на щеках играл яркий румянец. Изображать увлеченность картами становилось все труднее! Ни герцог, ни его партнерша не смотрели на колоду по-настоящему, и спустя двадцать бесконечных минут он вынужден был признать, что проигрался в пух и прах.

– Я говорила вам, братец, нужно еще полежать в постели и прийти в себя. Ни к чему спешка, светские развлечения никуда не денутся! – Эльфрига вернулась к столику, наблюдая за показным отчаяньем проигравшего.

– Очень может быть, – он откинулся на спинку стула, – не хотите составить мне пару? Хотя, боюсь, я уже растерял свою репутацию.

– Увольте! – Эльфрига усмехнулась и многозначительно на него посмотрела, указывая глазами на двери.

В салон явилась Катрина и присоединилась к кружку молоденьких дам, наперебой обсуждавших последние модные фасоны. Видеть ее сейчас Эдвину было невозможно, и он демонстративно отвернулся.

– О, кажется мне повезло! Явился господин Сурс, а я не так давно заключал с ним пари! – герцог с наигранным поклоном освободил место за карточным столиком, и направился к одному из вновь прибывших гостей.

Пока Эльфрига провожала его глазами, Катрина успела подойти к дамскому кружку и поздоровалась с фрейлинами настолько приветливо, насколько позволяла клокотавшая в душе ревность и обида. Ей пришлось долго с собой бороться прежде, чем прийти в гостиную. Не хотелось уступать Эдвину и изображать раскаянье, но и пускать дело на самотек было очень глупым. В конце концов она решила вести себя так, словно ничего не случилось.

– Мы только что обсуждали, какие на этой неделе будут в

моды манжеты, – беззаботно заговорила она. – К сожалению, я давно никуда не выбиралась, вот если бы нам поговорить с кем-то из столицы.

– Нет ничего проще, – одна из фрейлин указала на Шарлотту, – мадам Сеймур только сегодня приехала! Дорогая графиня, нам никак не обойтись без вашей помощи!

– Вы преувеличиваете мои познания в моде, я большую часть года прожила в уединении.

– Какой ужас, тогда нам придется вас спасать! Милая Шарлотта, я просто обязана вас познакомить с лучшим обществом!

Девушка схватила графиню под руку и повела за собой к кружку кавалеров, занятых обсуждением таких же важных тем – лошадей и последних охотничьих трофеев. Пазл сложился. Катрина изменилась в лице, переводя взгляд с новой фаворитки на Эдвина. Ее жених стоял, не слушая, что говорит ему собеседник и наблюдал за Шарлоттой. Никогда раньше баронесса не замечала у Эдвина такого лица, на нем была написана глупейшая влюбленность, которую он даже не пытался скрыть. Теперь, когда ручку фрейлины целовали новые знакомые, он выглядел так, словно его стукнули по макушке. Картина усмехнулась. Похоже «милая Шарлотта» неплохо использовала свой шанс, чтобы удачно пристроиться, но даже если нет, Эдвин получил по заслугам! Пусть помучается, может быть, хоть это откроет ему глаза!

Шарлотта тем временем получила свою долю комплиментов и отделалась от новой компании под первым попавшимся предложением. Ей удалось исчезнуть так тихо, что соперница заметила ее отсутствие уже задним числом., чего не скажешь про герцога. С явно испорченным настроением, он тоже задержался ненадолго и подошел буквально на два слова.

– Катрина, Эльфрига... прошу прощения, если вас оставлю. Наверное, с меня на сегодня хватит, я хочу лечь в постель! – он потер для наглядности виски, попрощался с фрейлинами и ушел, оставив дам сплетничать и обсуждать его сколько душе угодно.

Маленькая гостиная, о которой он думал всю дорогу, располагалась в другом крыле. Ею пользовались в основном днем, а также в плохую погоду, когда невозможно было выйти на свежий воздух. Сейчас тут было совершенно темно и приходилось двигаться на ощупь, чтобы не расшибить себе голову. Отправляясь на свиданье, Эдвин подумывал над тем, чтобы взять с собой свечу, но быстро отменил эту мысль – вдруг на огонек кто-нибудь явится?

– Шарлотта? – в пустом помещении шепот казался неимоверно громким.

– Я здесь, – голос доносился из глубины комнаты.

Эдвин с трудом разглядел темный силуэт напротив еле светящегося окна, и шагнул навстречу, чтобы пленить свою фаворитку в долгожданных объятиях:

– Наконец-то! Молчи, ничего не говори! Дай мне убедиться, что я не сплю.

Эдвин обнял ее лицо и засыпал поцелуями – при всем желании Шарлотта не могла вставить ни слова. Вкус его губ показался ей сладким и хмельным, почти как в самый первый раз. Даже недолгой разлуки хватило, чтобы понять – она соскучилась по запаху волос, голосу, по жадным прикосновениям ничуть не меньше своего любовника, а может быть и больше.

Это свиданье в крошечной темноте обострило все чувства. Страх, волнение, возбуждение разгорячили кровь обоих, Эдвин никак не мог отпустить возлюбленную, обнимая ее одной рукой за талию, а другой лаская волосы.

– Нас не будут искать? – прошептала Шарлотта, прислушиваясь к каждому звуку.

– В гостиной? Разве что какой-то олух-слуга зайдет проверить, не оставил ли кто-нибудь зажженную свечу. Дай мне руку!

– Куда ты меня ведешь?

– Кажется, это здесь! – он со смехом нащупал диван у противоположной стены, именно тот, на котором любил по-валяться в дождливый день, изображая чтение. Теперь они устроились на нем вместе, чтобы сплестись в тесных объятиях. – Завтра прикажу поселить тебя в спальне рядом с моей и нам не придется прятаться! Будем каждое утро просыпаться вместе и пить кофе.

– И Эльфрига это допустит?

Эдвин ответил не сразу, он вдруг подумал, что Шарлотта ничего не знает о его помолвке, иначе ее больше волновала бы Катрина. На секунду он даже решил посвятить ее во все сам, чтобы это не сделали другие, но тут же отогнал эту мысль. У нее слишком сладкий рот и эта соблазнительная ямка на шее... они поговорят в другой раз! И вообще, какое это имеет значение!

Эдвин все еще думал о них, когда за полночь вошел в свою спальню с единственной полуоплавленной свечой. Ее огонек трепетал, бросая неверные тени и он принял бы силуэт в глубине комнаты за одну из таких странных ночных теней, если бы не женский голос.

– Я думала вы приведете ее сюда. – Катрина сидела на кровати, подобрав под себя ноги. При появлении жениха она

опустила их на пол и подплыла к герцогу, который на минуту лишился дара речи. На ней был бархатный халат и из глубокого выреза выглядывали нежные округлости груди. Оказавшись рядом, Катрина развязала пояс, одежда упала на пол, и она осталась абсолютно обнаженной. Ее тело с изящными изгибами было словно сделано из алебаstra и его белизну оттеняли длинные черные волосы, струившиеся вдоль спины. Мало какой мужчина мог устоять перед такой нетронутой красотой, но на Эдвина это произвело недолгое впечатление.

– Кто позволил вам сюда зайти? – он поднял халат и накинул Катрине на плечи.

– Никто. Мне пришло в голову, что вы после сегодняшнего вечера пожелаете разделить постель с женщиной, так почему бы мне не занять это место? А если вас волнует брачная ночь... я даже готова порезать палец. – Она положила руки Эдвину на грудь и скользнула вниз, но рассерженный жених и не подумал отвечать на эту ласку.

– Одевайтесь и отправляйтесь к себе, пока вас кто-то не увидел! В моей постели вы окажетесь не раньше, чем нас объявят супругами, что, к несчастью, когда-то случиться. – Он довольно грубо запахнул на ней одежду.

– Так значит, вы и правда влюблены, дорогой принц? В свою фаворитку? – с насмешкой произнесла Катрина.

– А вот это вас не касается! – она вытолкнул Катрину за

двери и закрыл их на задвижку. Завтра надо будет принять меры, чтобы в его комнату больше никого не пускали!

Разъяренная, с глазами, полными слез, баронесса бросилась прочь. Прождать четыре часа, чтобы услышать такое в ответ, это уже переходит все границы! Коридор был пустым и темным, только из неприкрытых дверей салона пробивался слабый свет. И надо же было такому случиться, чтобы именно в это момент навстречу ей вышел Ричард, хотя слово «шел» трудно было применить к абсолютно пьяному принцу. Они столкнулись почти лоб в лоб, и Катрина еле удержалась на ногах.

– О, простите, мадам! – Ричард схватил будущую невестку за плечо и халат сполз, открыв полоску белой кожи. – Матерь Божья, что это я вижу? Вы вышли поискать приключений?

– Нет, я здесь... просто случайно! – баронесса не знала, что сказать и что делать с захмелевшим наследником.

– Ну в таком случае, помогите мне дойти до комнаты. Меня здесь бросили совершенно одного!

– Ваше высочество, может быть лучше позвать кого-то из слуг? – Катрина покраснела, не зная, куда деваться. Она дрожала – от страха и от холода, стоять в коридоре в халате на голое тело было очень неприятно.

– Кажется понимаю! – пошатнулся Ричард и громко икнул. – Вы перепутали спальни, хотели попасть к младшему

брата, а попали к старшему, ха-ха, как забавно! И знаете что, если вам не спится в одиночестве, присоединяйтесь лучше ко мне, потому что Эдвину по вкусу другая. О, я говорю ужасные вещи, да? Но лучше всегда знать правду! Хотите расскажу? Мы поспорили, сможет ли он ее соблазнить, свою малышку Шарлотту. И представляете, ему удалось! Он увел ее из-под самого носа у мужа, нашего пресловутого Дерика. Да еще и сделал ей... Но это уже страшная тайна!

Катрина слушала, затаив дыхание. Значит графиня Сеймур, только что представленная при дворе, замужем? Или в разводе, если учесть рассказ Ричарда. Но в таком случае он никак не мог сделать ей предложение! Тогда о чем говорил принц? Баронесса готова была ради разгадки простоять хоть всю ночь на сквозняках и холоде, но ей не повезло. Силы оставили Ричарда, он потерял равновесие, упал на мягкий ковер и уснул, оставив Катрину в глубоком разочаровании.

Глава 16. Слова- не дела

Блор приехал неожиданно и застал Эдвина в частных покоях. Принц был в особенно благодушном состоянии – последние несколько ночей он провел с Шарлоттой, и в комнате еще витал запах ее духов.

– Присоединишься ко мне? – герцог указал на стул, предлагая разделить трапезу.

– Спасибо, но нет. Я бы не стал приезжать без предупреждения, но доверять это бумаге не стоило.

– Есть какие-то новости? Что-то важное?! – аппетит сразу испарился, и Эдвин отодвинул тарелку.

– Да, кое-что случилось. Дерик побывал у опекуна Шарлотты, и у Флеалайна тоже.

– Что?! – в животе у герцога похолодело – Когда это было?

– Неделю назад или около того. Наш друг не пострадал, хотя, честно говоря, я удивлен, этому безумцу ничего не стоило свернуть Флеалайну шею.

– Значит, наживку он не клюнул, черт! Что твой священник, проболтался конечно?

– Я предвидел, что это может случиться, – констатировал виконт. – Флеалайну пришлось солгать во второй раз, так что Дерик собирался искать Шарлотту в монастыре.

– Только собирался или уже ищет?!

Вместо ответа Блор что-то извлек из внутреннего кармана. На столе оказался серебряный перстень с большим опалом. Эдвин взял его в руки и покрутил, разглядывая с разных сторон. Где-то он уже видел его раньше.

– Тут какая-то надпись...

– Это латынь: «Acto – no verba» – «Дела – не слова», – пояснил виконт, – я хочу показать его графине.

– А при чем здесь Шарлотта?

– При том, что это девиз Рос Джонсов, он записан у них на гербе. Информация абсолютно точная, это фамильное кольцо...

– Ты хочешь сказать, что оно принадлежало Дерику? И что, он таким способом расплатился с Флеалайном за услуги? Сильно в этом сомневаюсь!

– Нет, это одна из конфискованных вещей. Есть некто, утверждающий, что купил его у местных головорезов. Правда он ничего не мог сказать о том, кого именно они ограбили, кроме того, что «этот дьявол» уложил двоих поделльников из местной банды.

– Так ты думаешь...

– Будучи живым, граф не отдал бы им перстень. А признаваться в убийстве никто добровольно не станет, одно дело

сидеть за грабеж, другое – болтаться на виселице. Я думаю, они просто избавились от тела, а кольцо продали, если этот тип не врет... Но чтобы удостоверится, нам надо показать его жене графа.

– Забудь про Дерика! Она моя жена, Блор и я не хочу, чтобы на нее смотрели по-другому!

– А как же баронесса Оссэрвам? Я думал это право остается за ней.

– Исключительно на бумаге и, к счастью, свадьба состоится только весной! – Эдвин не находил себе места и стал по излюбленной привычке мерить шагами комнату – Все, чего я хочу – чтобы нас оставили в покое, но нет, обязательно что-то должно произойти! Что ты бы делал на моем месте, Блор? Подсунул Шарлотте кольцо? А вдруг ее начнут мучать угрызения совести? Нет уж, живой Дерик или мертвый, а я надеюсь он уже в аду, между нами он стоять не будет!

Виконт пожал плечами. Настаивать на своем означало вывести герцога из терпения, а он и так вспыхивал от любой искры. Блору оставалось только спрятать перстень и дожидаться более благоприятного момента или надежных подтверждений своих догадок. В этом деле они имели слишком серьезного противника, а ответить на многие вопросы мог только сам Дерик.

В тот роковой вечер, когда на него напали, граф был на во-

лосинку от смерти. Оказавшись в доме старосты, он все еще оставался бесчувственным и очнулся лишь к концу следующего дня. К этому времени ему успели зашить рану – грубо, обычной дратвой, но все-таки спасли жизнь. Каждый вдох давался Дерикку с трудом, комната казалась круглой, лица – странно искаженными и вытянутыми. Он заметил рядом с собой женщину с полным, добрым лицом и еще одного человека в сутане. Приняв его за Флеалайна, Дерик побледнел, хотя казалось дальше уже некуда. Он что-то пытался сказать, но незнакомец настойчиво уложил его обратно на подушки.

Теперь граф различил сквозь пелену, что перед ним другой священник – этот был молодым, со светлыми соломенными волосами. Отец Ниш срочно принял приход, и ему пришлось сразу взвалить на себя многочисленные обязанности. Отъезд Флеалайна был внезапным и окончательным. Сменив имя, он удалился подальше от соблазнов этого света в один из самых уединенных монастырей. Теперь его преемник читал положенные молитвы и причащал Дерика, а хозяйка тихо переговаривались между собой. Никому не хотелось попасть в опалу из-за смерти благородного господина в их доме, что как за ним явятся потом и станут расспрашивать? Священника похоже волновал тот же вопрос:

– Вы знаете этого человека? Кто он, откуда здесь? Надо бы сообщить властям...

– Нет, ваше преподобие, он всякое говорил в бреду, то грозился кому-то, то звал Шарлотту... как его Берта не спрашивала, ничего из его слов не могла разобрать, может он вам что скажет?

– Говорить с ним сейчас бесполезно, хорошо хоть он смог принять святые дары. Если душа не отлетит сегодня ночью, это будет чудо. Я приду утром ...

Добропорядочные хозяева хотели узнать правду и опасались ее. В деревне говорили всякое, даже то, что Дерик сам возглавлял бандитов и они не поделили добычу. Приютить в своем доме такого преступника было делом подсудным, и староста был рад радешенек, когда раненый очнулся.

– Что такое, меня уже похоронили? – рот Дерики скривило подобие горькой усмешки.

– Нет, ваша милость... мы беспокоились, вам ведь совсем худо было, и вы бреду все кого-то звали. Вот мы и подумали, может надо ей сообщить?

– Звал? – он со стоном приподнялся и схватил старосту за одежду. – И кого же я, черт забери, мог звать?! Неужели Шарлотту?

Короткими вспышками пришли воспоминания, (или это были просто болезненные видения) – черная вода, руки, которые тянутся к нему, но не могут поймать, и широко распах-

нутые, полные ужаса глаза. Каждую ночь граф видел один и тот же сон, но в бреду он превратился в настоящий кошмар, где Дерик пытается вытащить жену из воды и не успевает... Берта кивнула, подтверждая его догадки, и оглянулась на мужа, который тут же оживился:

– Так к кому нам послать человека, ваша милость?

– Ни к кому. А если станут спрашивать, можете сказать, что она на дне реки!

Пусть до поры до времени все так и думают! Что касается самого Дерика, он уже знал всю правду. Бастард Эдвина, последствия ее легкомыслия или глупости! Ни в какую любовь принца он не верил, слишком хорошо зная эту породу людей, и потому мучился вдвойне от вынужденного бездействия. Ждал. Набирался сил. Там, где другого уложил бы такой удар ножа, графа спасала воля к жизни, в вернее – желание отомстить. Спустя две недели Дерик победил горячку и слабость, а через три – прыгнул в седло, полный решимости добраться в монастырь и своими глазами увидеть Шарлотту.

Он подозревал, что задача может усложниться и монашки без особой радости пожелают уступить его просьбе, но никак не думал, что ему вовсе не отпрут двери.

– Наш орден не допускает общения с мужчинами, – насто-

ательница была непреклонна. – Я не могу вам помочь.

– Это нужно расценивать как то, что Шарлотта Рос Джонс живет у вас?

– Даже если так, это ничего не меняет. Наши послушницы не выходят из этих стен, а многие дали обет молчания.

– Сколько вы хотите за помощь? – словно не слушая ее слов, спросил граф. – Вам наверняка нужны средства, например, чтобы отремонтировать вон ту кровлю, которая не сегодня завтра обрушится. Назовите сумму.

В глазах настоятельницы проснулся интерес. Она внимательно посмотрела на гостя, но довольно долго хранила молчание. Дерик не мешал борьбе святости и алчности, пока последняя не взяла верх.

– Почему вы так настаиваете? – она сложила руки, в которых были четки. Дорогие, сделанные вовсе не из дерева.

– Я хочу кое-что сказать своей жене. Может быть даже попросить у нее прощения.

– Благородный мотив, но вы меня не обманете! – она склонилась через грубый столик, за которым сидела, и заглянула в глаза посетителю. – Скажите правду и может быть, я вам помогу. Вы любите ее, желаете, хотите убить?

– Вы на редкость проникательны, – он криво улыбнулся и в глазах загорелся демонический огонек, – Только расставьте эти желания в обратном порядке.

– В таком случае мне вас жаль. Такая встреча только усугубит боль и вашу, и графини. Она приехала сюда, потому что раскаивается и ищет успокоения.

– А я думал, чтобы скрыть плод своего греха.

Настоятельница одарила его недоверчивым взглядом, не может быть, чтобы ее ТАК обманули! Женщина в ожидании среди непорочных монахинь? Если это правда, то графине придется немедленно покинуть эти стены и искать приют в другом месте, но вот как быть со щедрым пожертвованием, свалившимся не иначе как по воле Божьей?

– Я все еще жду. – Дерик сверлил ее глазами – Прикажите принести бумагу и впишите нужную сумму. Я поставлю подпись, не глядя!

– Что ж, предполагаю с отказом вы не уйдете?

– Правильно предполагаете.

– Агнесса! – настоятельница позвонила в маленький изящный колокольчик. – Вели подать перо и бумагу. Господин граф хочет сделать пожертвование...

Деньги! Они открывают дорогу везде! Спустя какой-то час граф шел по темным, холодным коридорам, где на него навалилась ужасная тоска. Только от безысходности женщина могла выбрать подобный приют! С каждым шагом он все меньше верил в то, что Шарлотта добровольно приняла бы

такое решение, разве только принц от нее отказался или ее принудили к этому шантажом. Он уже начал думать о том, что каменный лабиринт никогда не закончится, но проводница вдруг остановилась и подала ему знак молчать.

После короткого стука она вошла внутрь и только потом открыла двери для Дерика. Помещение было почти такое же темное как коридор – с маленьким окошком, единственной кроватью и распятием на стене.

– У вас десять минут, – предупредила монашка и прошелеств длинным черным подолом бесшумно скрылась.

В комнате остались двое – Дерик и стоявшая к нему спиной женщина, одетая, как и все в этом месте в длинную бесформенную рясу.

– Так значит, судьба вас пощадила, – граф не сразу нарушил тишину. Сердце билось глухими, тяжелыми ударами, даже воздух сгустился и говорить было трудно, особенно, не видя ее лица. – Хорошо же вы спрятались, дорогая графиня, или вас теперь называть «Ваше высочество?»

Женщина вздрогнула и повела плечами, было слышно, как она прерывисто вздохнула, прежде чем повернуться к своему гостю. Теперь, когда их глаза встретились, Дерику по-

казалось, что земля ускользает из-под ног. Перед ним была незнакомка, ничем не напоминающая Шарлотту – вчерашняя заключенная, скрывающаяся здесь от несправедливой расплаты. Он подошел ближе и схватил ее за плечи:

– Черт побери, кто вы такая? Советую говорить правду и не тянуть время, иначе я за себя не ручаюсь!

– Начинать с самого начала или достаточно сказать, что я не та, за кого себя выдаю? – заговорила она холодным тоном. – Впрочем, вы это и сами видите!

– Ваша история меня не интересует. Я хочу знать одно – где моя жена и кто устроил для нее такую отличную подмену? Говорите, пока я вас не прикончил!

– Сделайте одолжение, – она распахнула ворот и подставила шею. – Мне грозятся расправой уже не первый год, закончите это! Вы ведь один из них, не правда ли? Такой же, как все эти богатые господа... Ваши интриги, ваши постельные забавы, за которые приходится платить таким, как я – все это мне надоело! Хотите знать, кто меня вытащил и привез сюда? Ищите среди своих! Этот человек служит при дворе, больше я вам ничего не скажу!

Дерик выругался. От такого набора слов покраснели бы стены в монастыре, не то что сами его обительницы! Во всем этом чувствовалась рука одного человека, а значит, их встреча теперь будет неминуемой и очень скорой! Вот толь-

ко появиться при дворе ему помешали неожиданные обстоятельства...

Здоровье короля ухудшалось день ото дня. Физически он был в более-менее сносном состоянии, но разум отказывался подчиняться. То впадая в детство, то в ярость, его величество больше не мог управлять своими подданными. Совет, занявший несколько часов, пришел к неутешительному выводу – необходимо было назначить регента. Уже к обеду двор был всполошен – место, как и предполагалось, занял Ричард, а, значит, следовало ждать больших перемен.

Принц никогда не был склонен к сдержанности, и теперь для него распахнулась дверь к королевской казне. К своему неприятному удивлению, он обнаружил, что запасы не так уж и велики, и мало соответствуют его непомерным желаниям. Принимать новые законы и устанавливать дополнительные налоги означало продуманную политику и взвешенное решение, а средства Ричард хотел получить немедленно. Решение пришло само собой, когда он обратил внимание на роскошный вид ближайших подданных.

– Вы слышали? – в малой гостиной с утра было не протолкнуться, никто не остался в личных покоях, все хотели быть в курсе новостей – Его высочество требует от каждого документ, подтверждающий знатность.

– И зачем ему это понадобилось? – громкий шепот дам пробивался через разговоры остальных придворных.

– Те, кто не может подтвердить происхождение, покинут дворец и вернутся к себе! Самое ужасное, они все должны будут выплатить налог.

– И о какой сумме речь? – фрейлина побледнела и бросила быстрый взгляд по сторонам. Подруга склонилась к ее уху и что-то прошептала, что вызвало еще больший шок.

– А если таких средств не найдется? Это же баснословная сумма!

– Долговая тюрьма!

Слова юной дамы была близки к истине. Ричард спешил наполнить свои карманы на случай, если отец выздоровеет, хотя почти наверняка такого не могло случиться. Было у него и еще кое-что в планах, и этот вопрос касался младшего брата. Установить родственные связи с Оссэрвами означало получить новые земли, а с ними и запас урожая. Куда проще, чем подавлять вспыхнувшие голодные бунты! Надо было поторопиться, и принц вызвал Эдвина для личной беседы.

– О какой свадьбе ты ведешь речь? Мы не сегодня, так завтра объявим траур!

– Тем более надо поспешить! – Ричард не намерен был никого уговаривать. – Никаких пышных церемоний, мы отправим ее родным письмо с объяснениями. Думаю, они мо-

гут явиться с визитом позже.

– Ты хочешь подставить мою голову под плаху? – у герцога опустились руки.

– Нет, дорогой брат, я забочусь о всеобщем благе. Баронесса принесет нам деньги, а тебе – наследника. Наследника, Эдвин, а не бастарда! Я и так слишком добр, что позволяю нашей дорогой Шарлотте оставаться здесь. Если она будет вести себя в рамках, то сможет и дальше забавлять тебя в роли фаворитки, но я не потерплю – ты слышишь – чтобы сбежавшая жена придворного встала на пути у Катрины! Вы должны заключить брак и чем скорее, тем лучше!

– Священник уже ждет? Мне пойти сменить рубашку? – Эдвин зло уставился на брата и не получив ответа, выскочил вон.

Он стремительно промчался по коридору, на мгновение заглянул в общую гостиную и не найдя там Катрину, с ругательствами выбежал обратно. В последнее время баронесса проявляла непонятную страсть к уединению, и Эдвин подозревал – она жалуется родным и пишет, чтобы получить полезный совет. Теперь прибегать к ухищрениям больше не было необходимости, планам Катрины суждено было воплотиться в действительность в ближайшее время. После короткого стука герцог вошел в ее комнату и застал ее именно там, где ожидал – с пером в руках и за письменным столом.

– Какая неожиданность, – баронесса быстро перевернула листок, сложила его и спрятала в лежащей рядом книге, – вы пришли извиниться?

– Мне необходимо с вами поговорить, – Эдвин пропустил колкость мимо ушей, – как вы знаете, произошли некоторые изменения и его высочество пожелал ускорить наш союз.

– Почему бы вам не сказать об этом нормальным языком? – съязвила Катрина. – Разве не вы говорили мне, что ненавидите условности? Так я могу начинать готовиться к свадьбе?

– Да, можете. Шикарных церемоний не будет. – Он взялся за ручку двери.

– А брачная церемония? – прозвучал за спиной вкрадчивый голос. – Или такое счастье мне тоже не перепадет? Герцогиня кое-что объяснила, будьте добры сказать, насколько это правда. Я буду делить с вами постель до тех пор, пока не забеременею, это так? В таком случае, нам стоит перестать ссориться, иначе процесс может затянуться, а это вас сильно огорчит.

Катрина одарила жениха улыбкой. Она поняла, что выиграла этот раунд и возблагодарила небеса, решив сегодня же сходить в церковь и заказать благодарственную службу!

Глава 17. Дурное предсказание

За день до свадьбы Катрина сидела в салоне и болтала с фрейлинами, излучая такую безоблачную радость, как будто она шла под венец с самым любящим женихом на свете.

– Так вы уверены, что ей можно доверять? – с заговорщицким видом баронесса склонилась к сидящей рядом темноволосой девице.

– Абсолютно! Я сама к ней обращалась и все предсказания сбылись... ну просто, как по волшебству! Она гадает на песке, по руке и на картах, правда надо уговорить ее приехать, а это не так просто.

– И как мы это сделаем? – Катрина почувствовала укол разочарования. Она была уверена, что речь идет о гадалке из числа придворных, но, судя по всему, такая побоялась бы оставаться в этих стенах и не напрасно. Предсказания ведь бывают разными...

– О, я знаю один способ...

Фрейлина подмигнула баронессе и как бы невзначай прогулялась в сторону нескольких молодых людей. Ей удалось быстро оторвать довольно скучного с виду аристократа от общей компании, что-то прошептать ему на ухо и даже поз-

волить ущипнуть себя за самое аппетитное место. Пришлось кое-что пообещать посреднику, хотя такая услуга и самой фрейлине была по вкусу. Этот молодой вельможа давно уже сыскал роль близкого друга для новых фрейлин. Каждую, или почти каждую он проводил к гадалке – какая девушка не хочет узнать свое будущее? Самым странным был визит Эльфриги. После приватного разговора в темной комнатке герцогиня преобразилась. Она никому и никогда не говорила о том, что узнала, но стала отказываться от внимания мужчин и упорно шла к ей одной известной цели.

Сегодня гадалку хотела проведать будущая принцесса. Хороший источник дохода! Сначала она захочет узнать свое будущее, потом пол ребенка, потом имя фаворитки мужа, а может и способ, как от нее избавиться. На все вопросы старуха могла дать ответ, а если слов оказывалось мало – то в ее распоряжении имеется зелье для быстрого зачатия, а в случае необходимости даже яд.

В указанный час Катрина пришла на встречу с проводником, и зашагала с ним через сад к домику садовника. Внутри пряталось всего две комнатки: одна с большим столом и лавкой, вторая – темная, с закрытым ставнями окошком. Еще не переступив порог коморки, Катрина вдруг почувствовала – с ней творится что-то неладное. Ладони вспотели, сердце колотилось, как у зайца, даже дышать стало трудно. Накатили

воспоминания, которые она загнала так глубоко, как только можно, а с ними и страх.

– Я вижу тебя, заходи – голос вещуньи был обычным, а не скрипящим и загробным, и этом немного успокаивало.

– Я могу присесть? – ноги не держали Катрину, и она схватилась за спинку стула.

Гадалка кивнула, дожидаясь, пока посетительница устроиться напротив. Женщина была очень худая, богато одетая, и совсем не походила на цыганку. Лампу установили так, чтобы скрыть лицо, Катрина заметила только абсолютно седые, уложенные по последней моде волосы и покачивающиеся в ушах серьги с опалами. Не вызывало сомнений, что перед ней была знатная дама, может даже приближенная короля, пожелавшая оставаться неузнанной.

Пока она раскладывала карты, Катрина немного опьянела от странного запаха. Его источником были дымящиеся палочки, установленные чуть поодаль на столике. Струйки дыма принимали причудливые формы, от чего еще больше разыгрывалось воображение.

– Я знаю, зачем ты пришла, – полушепотом сказала гадалка, – в твоём сердце легко читать. Ты на пороге перемен, жаждешь их и боишься. Ты боишься той, другой, которая за-

нимает его сердце и носит его ребенка, – она ткнула в изображение королевы, державшей в руках наполненный кубок. –

Ты хочешь покинуть это место... да, я вижу дорогу, вижу венец над этой милой головкой, мужчину со светлыми волосами, а за спиной... – она вдруг прервала разговор и резко схватила Катрину за руку. Костлявый палец скользнул по линиям на ладони. – За твоей спиной СМЕРТЬ!!!

Катрина в ужасе отпрянула. У нее потемнело в глазах, ноги стали ватными и не давали сдвинуться с места, а гадалка все не унималась.

– Я вижу смерть повсюду, она везде, от нее не уйти! Не сбежать!

С огромным трудом Катрина преодолела охватившую ее панику, вскочила, и опрокинув стул, выбежала в соседнюю комнату, а оттуда – на воздух, которым никак не могла дышаться. Бедняжку трясло как в лихорадке, и провожатый никак не мог ее успокоить.

– Вы привели меня к сумасшедшей? Она явно ненормальная, ваша гадалка, выжившая из ума старуха! – Катрина выдернула ледяную влажную руку из ладони своего спутника – Оставьте меня, я дойду сама!

Спотыкаясь, как пьяная, баронесса зашагала по дорожке, а в ушах у нее все звучали слова гадалки. Провались она сквозь землю с такими предсказаниями! Уже в своей комнате Катрина взглянула в зеркало и ужаснулась во второй раз – в лице ни кровинки, губы стали почти такими же белыми, как щеки, а руки дрожали и не хотели униматься!

Она больше не думала о предстоящей свадьбе, теперь это событие казалось предзнаменованием ужасной беды и напомнило о другом, сделанном много лет назад пророчестве. Когда ей исполнилось двенадцать, мать пригласила в дом астролога, чтобы сделать важный выбор. На руку маленькой баронессы претендовали два человека: князек, объединяющий под своей властью небольшую территорию, и Эдвин, чье происхождение было под вопросом. Выбрав первого, Оссэ-рвамы расширили бы свои земли и остались независимыми, отдав предпочтение принцу – обеспечили будущее не только Катрине, но и ее детям.

Астролог провел под их кровом почти месяц, изучая знаки и занимаясь расчетами, и только после этого вызвал баронессу на приватный разговор. Катрина подслушала лишь часть, но и этого хватило, чтобы вселить в подростка леденящий страх.

– Я вижу все признаки смертельной опасности. Она долж-

на уехать, иначе до двадцатилетия вашей дочери не дожить.
Выбирайте место, расположенное выше вас по карте, это смягчит и отдалит приговор.

– Выше по карте?!

– Севернее. Княжество будет для вас лучшим выбором...

То, что рассказал астролог, должно было повлиять на решение, но судьба распорядилась иначе. Юный князь, за которого Катрина собиралась замуж, внезапно заболел и умер. Может быть, астролог ошибся, а может так и должно было случиться. Со временем все забылось, любезность королевского двора простерлась над Оссэрвамами, и их младшая дочь стала невестой Эдвина. Вот только герцог, ничего не подозревая ни о каких предсказаниях, находился сейчас совсем не с будущей женой.

Он оттягивал разговор с Шарлоттой до последнего, но дальше было уже некуда – все шептались о скором бракосочетании, и во дворце началась завуалированная, но тщательная подготовка. Примерка костюма, разговоры со священником и подписание бумаг заняли большую часть утра и только к обеду он смог уединиться со своей фавориткой, предупредив, кто заколет любого, кто переступит порог без спроса.

– Горошинка, – с тяжелым вздохом герцог оторвал ее от подушки и уложил к себе на плечо, – я же не бросаю тебя. Я

буду о вас заботится, ты никуда не уедешь. А на счет Катрины, она ничего для меня не значит.

Эдвин потянулся у к губам Шарлотты – соленым и влажным, и надолго ими завладел. Слабо упираясь, она попыталась отстраниться, но быстро сдалась, обвила его шею руками и позволила покрыть поцелуями лицо, шею, уголки губ.

– Не значит? Как ты себе это представляешь, если Катрина будет спать здесь каждую ночь? – прошептала Шарлотта и Эдвин взглянул на нее со странным выражением лица.

– Ты ведь была замужем, разве нет? Тебе доставляло удовольствие каждую ночь спать с Дериком? Или ты не допускаешь, что я тоже ревновал?

– Это другое!

– Неужели? Может надо было оставить все как есть?

Это был первый раз, когда герцог упомянул имя своего соперника и в комнате сразу стало на несколько градусов холоднее. Шарлотта отодвинулась и опустила ноги с кровати. Эдвин не стал ее задерживать, он лежал, закинув руки за голову и молча наблюдал, как она обувается и поправляет прическу.

– Ты уходишь? – голос звучал до странности спокойно, как будто не происходило ничего особенного.

– Да. Не хочу мешать, у вас еще много дел перед свадьбой, ваша светлость.

Дотронуться до дверной ручки она не успела, герцог, внутри у которого все закипало, преградил ей путь, подхватил на руки и вернул на разбросанную кровать. Завязалась короткая борьба, исход которой был заранее ясен.

– Чего ты добиваешься?! – он держал Шарлотту за обе руки – Я не могу на тебе жениться! И мы не первые, кто вынужден это принять. У тебя есть муж, у меня Катрина, которую я не люблю и никогда не полюблю! Моя жена – не больше, чем денежный мешок!

– И мать будущего законного наследника. Я боюсь, Эдвин! Что с нами будет, когда она узнает, со мной и с твоим сыном?

– Ничего! Со мной ведь не случилось! Ты слышала разговоры о моем происхождении и настоящем отце? Так вот, все это правда, я бастард, и знаю это наверняка от моей матери. Хватит, Шарлотта, я устал объясняться!

В спальне надолго повисла тишина, которое нарушало только поскрипывание кровати. Эдвин почувствовал, что позволил себе слишком много. Эта ссора не приведет ни к чему хорошему, а на душе у него и без того скребут кошки...

– Что ты делаешь?

– Изучаю самый удобный маршрут – теперь Эдвин касался дыханием ее затылка и прижимал к себе спиной, медленно пробираясь от груди до ложбинки внизу живота. – Ты не думаешь, что ему не нравятся наши перебранки? – завязки корсета поддавалась с трудом – Не хочу, чтобы после этого наш сын пинал тебя целую ночь. Я выбрасываю белый флаг... ты позволишь прислать парламентаря?

– Еще немного, и тебе не захочется присылать ко мне гонцов для заключения мира, – Шарлотта прижалась теснее к возлюбленному.

– Почему? – Эдвин приподнялся и заглянул ей в глаза.

– Я стану круглой..

– Боже, теперь тебя заботит еще и это! – он демонстративно поднял глаза к небу. – Придумай лучше что-то другое.

– Не снимай мое кольцо...

– Хорошо, – он тяжело вздохнул, понимая всю нелепость этой просьбы – Я и не собирался...

Бракосочетание прошло в семейном кругу: только Эдвин, Катрина и свидетели. Ричард настоял на своем, объясняя решение приближающейся кончиной короля. Если его величество уйдет к праотцам, придется соблюдать шестимесячный траур, а за это время много чего может случиться. Это была та самая жертва, на которую идут все монаршие особы, и для Эдвина она означала необходимость участия в традици-

ях двора.

Катрина являла собой образец целомудрия: одетая в платье с длинным шлейфом и вуалью, она терпеливо выдержала получасовую проповедь и отвечала согласием на все вопросы священника. «Да, она добровольно и осознанно вступает в брак. Да, она готова подчиняться своему мужу, ибо как Бог есть глава церкви, так и муж есть глава дома. Да, она готова быть с Эдвином с радости и в печали». Прежде, чем обменяться кольцами, жених с невестой подписали брачный договор: за Катриной оставалось часть ее приданного, но земли и недвижимость переходила во владении герцога. Только после того, как свидетели скрепили подписью документ, священник позволил им поцеловать друг друга, на что Катрина ответила с положенной скромностью – не размыкая губ.

Час спустя за столом собрался тесный кружок, но веселились и обменивались заздравными тостами только гости, которых, к счастью, было не так много. Жених с невестой к еде не прикасались – они сидели рядышком, а их руки, перевязанные шелковым платком, покоились у всех на виду. Постепенно поздравления становились все более неприличными и автором большинства из них был никто иной как Ричард:

«Выпьем за великолепные холмы и долины, которые так к себе манят и двадцать один палец, которые сегодня будут

в деле!»

Все шло к тому, что брак должен быть коснумирован. Шарлотте нужно подтвердить свою девственность, молодому мужу – способность производить детей. Ничего более дурацкого и придумать невозможно.

По окончании праздничного ужина молодоженов под шутки и пошлые выкрики собрались сопроводить в спальню – шли небольшой процессией, которую составляли Ричард и еще трое придворных. Возле дверей уже стояла охрана, а внутри суетились две горничных. Одна расстилала постель, вторая помогала невесте переодеться. Все это действовало на нервы Эдвину и вгоняло в краску Катрину, которая никак не мечтала стоять в одной сорочке перед посторонними. У нее крутилось в голове только одно: «Надеюсь, они не будут наблюдать за «процессом» и дальше, или хотя бы отвернутся?». В поисках поддержки она бросила умоляющий взгляд на мужа, но тот с полным равнодушием раздевался и вскоре указал ей глазами на постель.

Катрине хотелось спрятаться под одеялом с головой, и она натянула его до самой шеи, стараясь смотреть куда угодно, только не на гостей.

– Надеюсь ты помнишь, что делать, – Ричард даже не пы-

тался скрыть знаменитую «сластолюбивую» улыбочку. Он помедлил еще немного, поглядывая на невестку, и вышел из комнаты последним, плотно притворив двери.

Катрина заерзала, ощущая под боком какой-то предмет и вскоре вытащила из-под одеяла небольшую статуэтку.

– Это что, Дева Мария? В нашей кровати?!

– Как видишь, – Эдвин повернул к ней голову, – считается, что это способствует зачатию.

– Мне кажется, или одного этого недостаточно? – Катрина покрутила статуэтку в руках и поставила ее на столик, где горело несколько свечей.

– Так вам объяснили, что детей приносит вовсе не аист? Я рад, что мне не придется вдаваться в подробности...

Договорить он не успел, Катрина приподнялась, прислушиваясь к голосам и перевела взгляд на мужа:

– Они, что все еще ждут за дверью?! Какие дикие правила, Эдвин, я хочу от них поскорее избавиться? Просто сделайте то, что от вас требуется! – ее рука медленно скользнула под одеялом, подбираясь ближе к супругу. Он перехватил ее пальцы сразу, как они к нему прикоснулись

– Это вовсе не обязательно!

Эдвин перевернулся и накрыл собой Катрину, задирая подол длинной рубашки. Оказавшись так близко к обнаженному мужскому телу, она напряглась, закинула руки ему на плечи и жадно прильнула к губам. В этом порыве было столько нетерпеливого ожидания, что оно поневоле передалось и Эдвину. Катрина закрыла глаза. Боли не было, это скорее напоминало вспышку внизу живота, от которой на мгновение перехватило дыхание. Ничего восхитительного в потере девственности она не нашла. Хотелось ласки, внимания, горячего, шепота, а не пронзающей тело возбужденной плоти.

Все закончилось быстро даже по меркам невесты. Какое-то время они лежали в темноте, но тишина слишком тяготила Катрину:

– Представляете, – глядя в пространство перед собой сказала она, – говорят женщина получает удовольствие в момент зачатия. Так написано в каких-то трактатах о браке. Если это правда, то вам придется долго ждать наследника.

– Любопытно, и что еще пишут в вашем трактате?

– Ну, например, если у дамы кто-то был до вас, то дети будут похожи на ее любовника. Слава богу, мне это не грозит.

Катрина медленно повернула голову и посмотрела на Эдвина. Что-то в его взгляде подсказывало, что она зацепила мужа за живое. Удовольствие от язвительной реплики быст-

ро испарилось. Если гадалка говорила правду, и любовница Эдвина действительно ждет от него ребенка, то остальное тоже должно исполниться! «Все предсказания сбылись, просто, как по волшебству!» – эти слова вдруг приобрели особое значение и Катрине захотелось оглянуться, не стоит ли у нее за спиной черная тень с косой.

Глава 18. Опальный граф

Королю осталось жить считанные дни. Об этом говорили все – его величество впал в бессознательное состояние и не выходил из него больше суток. Предчувствуя скорые события, Ричард взял на себя смелость вызвать из Долиша мать и не отпускал из дворца никого из приближенных. Блору также пришлось остаться на службе, он был одним из немногих, кому мог доверять регент, и единственным, с кем Эдвин делился своими тревогами. Новый король – новые правила и законы.

Всех волновало, как Ричард обойдется со своими ближайшими родственниками и захочет ли и дальше видеть Эдвина и сестру. По кратким намекам младший из братьев понял, что его не намерены «удерживать при дворе». Это означало возвращение в свое имение в Долише, и Эдвин не представлял, как поступить с Шарлоттой. В лучшем случае он мог бы поселить ее у одного из арендаторов, да и то при благоприятных обстоятельствах. От всех этих мыслей у него раскалывалась голова, а Катрина только усугубляла ситуацию. Сразу после свадьбы она обзавелась привычкой оставаться в его спальне до обеда, и мирилась даже с откровенной грубостью, лишь бы не пускать к мужу его фаворитку. Так было

и сегодня – супруга принца все еще была в постели, погруженная в мрачные мысли.

– Как ты это выдерживаешь? Ужасный февраль, из-за погоды невозможно покинуть это унылое место! У меня на родине уже начали распускаться почки, а здесь идет бесконечный мокрый снег... – она отбросила книгу, потянулась и села. Длинные волосы волной накрыли обнаженную спину, и Катрина нарочито долго искала сорочку. Просунув руки в рукава, она поднялась, демонстрируя точеное, алебастровое тело, потом, ежась от холода подошла к мужу и обнял его сзади за плечи. Эдвин продолжал смотреть в окно, к которому прилипали комья серого снега.

– Я думаю об отце...

– А я не хочу об этом думать! – принцесса мгновенно всплыла и отпрянула от супруга. – И не напоминай мне обо всех этих ужасах, от которых спасает только вино!

– Если тебе не терпится напиться, налей себе сама! – Эдвину стало невмоготу находиться в таком обществе, и он выбежал из комнаты вон, и зашагал в неизвестном направлении.

В холодных коридорах дворца былолюдно. То тут, то там ему встречались придворные – все тихо перешептывались и отступали в сторону, когда герцог оказывался рядом. Воронье, ждущее своего часа. На фоне этих бездельников в кру-

жевных воротниках Блор выглядел настоящим аскетом и занятым человеком. Он только что вернулся и как раз поднялся по лестнице, где его остановил слуга, чтобы передать письмо.

Эдвин сбежал по ступенькам и оказался рядом, когда виконт сорвал печать с послания.

– Плохие новости? – герцог заметил пробежавшую по лицу друга тень.

– Тревожные. Простите, но мне нужно срочно написать ответ, это касается Лауры.

– Похоже что-то серьезное. Чем я могу помочь?

Блор задумался, теребя конверт в руках. Он колебался, говорить Эдвину или нет и, наконец, решил поделиться неприятной вестью:

– У меня вчера был гость. Он ничего не стал объяснять Лауре, но нацарапал вот это:

«Как дворянин, состоящий в законном браке, я считаю свои права на жену исключительными, и посему открыто называю вас, виконт, подлецом и мерзавцем, содействовавшим ее падению. Отмщением за нанесенное оскорбление может быть только встреча с оружием *** февраля в ***, которая

решит, кому из нас благоволит судьба. Дерик Рос Джонс».

– Дерик жив?! Проклятье, Блор, это очень плохо! – Эдвин почувствовал, как предательский страх подступает к горлу. – Он подобрался слишком близко!

– Граф не посмеет вам открыто угрожать, а что до меня, я не хуже него владею оружием, – с напускным спокойствием проговорил виконт.

– Ты собираешься с ним драться?! Это безумная идея, тут тебе не поединок до первой крови, Дерик убьет тебя или искалечит!

– Я офицер! – Блор поднял на принца серые, полные негодования глаза. – Как бы там ни было, я не могу оставить вызов без ответа, иначе перестану себя уважать!

– В таком случае, мне придется тебя арестовать, хотя бы на том основании, что поединки запрещены законом! – герцог понизил голос, и в нем появились властные нотки. – Все его «исключительные» права давно перешли ко мне вместе с Шарлоттой! Будем считать, что ты не получал этого письма! – Эдвин вырвал из рук листок, скомкал его и сунул в карман. – Никаких дуэлей, слышишь, если не хочешь оказаться в камере! И вот еще что, перстень Дерика, отдай его мне!

Блор неохотно выполнил просьбу, извлек из внутреннего кармана кольцо, позволив ему переключиться в руки соперника. На этом собеседники расстались, хотя Эдвин и не был

уверен в исполнении своего приказа таким щепетильным человеком, как виконт. Преисполненный дурными предчувствиями, он поспешил к Шарлотте – узнать, не получала ли и она каких-то вестей от Дерика. Женатому герцогу приходилось быть вдвойне осторожными, теперь они редко бывали наедине, но сегодня он направился прямо в спальню к своей фаворитке, не заботясь ни о какой конспирации.

– Король скончался?! – Шарлотта бросилась навстречу, она вся извелась в ожидании новостей.

– Нет, я пришел увидеть тебя! – герцог свалился в кресло и привлек к себе возлюбленную, обнимая за талию. – Как ведет себя его высочество? Ты бледная, не дает спать по ночам?! Со всеми этими событиями я не мог к тебе вырваться. Прости.

Эдвин поцеловал ее ладонь, прижался щекой к округлившемуся животу и закрыл глаза, желая продлить минуту покоя посреди бури.

– Сегодня ко мне приходила Эльфрига, – Шарлотта гладила его волосы, но смотрела куда-то в одну точку. – Ты заметил, какая она странная? Мне кажется это Ричард... он на всех наводит страх, даже на родную сестру!

– Что она от тебя хотела? – Эдвин отнял руки Шарлотты и посадил ее на колени – Ты ведь официально считаешься

фрейлиной принцессы, Ричард не имеет к тебе отношения!

– Нет, пока он не занял трон. Дальше только от короля зависит, кто останется во дворце. Ты слышал про это указ о знатности? У меня нет документов... я не могу ее подтвердить иначе, как со слов баронессы!

– Тебя не посмеют тронуть, – Эдвин прикрыл веки, он чувствовал себя усталым, как будто прожил уже сто лет, а гора забот все росла и немислимо давила на плечи, – ты мать моего ребенка, и я хочу быть первым, кто возьмет его на руки. Пусть только попробуют мне помешать!

– И как же мне быть с документами, если их станут спрашивать?

– Скажи, что отправила своего человека и их скоро доставят. Напишем подделку... – он не закончил фразу, внезапная идея пришла в виде озарения и заставила встрепенуться. – У меня есть еще одно срочное дело, я приду к тебе вечером, обещаю! Скажи, что ты меня любишь.

– Люблю...

Недосказанная фраза потерялась в поцелуях. От Шарлотты пахло яблоками и еще чем-то неуловимым, будоражающим чувства. Прикасаясь к ее губам, герцог внезапно подумал, была бы она ему так дорога, если бы занимала место Катрины? Это была безумная мысль, но, положив руку на сердце, он не мог дать определенный ответ. Да, он любил Шарлотту, но сейчас хотел удержать из честолюбия, не желая уступить Де-

рику, и ради этого готов был ступить на скользкую дорожку.

Среди придворных принца были люди, обращение к которым могло навредить репутации, а могло и спасти ее от гибели. Все зависело от того, сможешь ли ты сговориться с этими «темными» личностями. Эдвин рискнул. Для разговора пришлось спуститься в подвалы дворца – жутковатое место, где содержали и допрашивали преступников. Вероятность быть подслушанным в таком «уютном» уголке стремилась к нулю, а это было залогом половины успеха.

Когда Эдвин рассказал исполнителю «особых» поручений о своих планах, тот поднял на него глаза с тяжелыми веками и некоторое время смотрел с явным интересом.

– Дело весьма деликатное, позвольте спросить, зачем вам это понадобилось?

– Здесь замешана женщина, – изобретать ложь герцог не стал, что еще больше расположило к нему собеседника.

– Понятно. Как скоро вы ждете исполнения вашей...мм.. просьбы?

– Сегодня или как можно быстрее! До завтра вопрос должен быть обязательно решен.

– Это усложняет дело, – низкий голос придворного был неприятным, а может так действовали эти жуткие стены, – вы утверждаете, что озвученного лица не будет в доме?

– Абсолютно точно, я могу это гарантировать...

– Хорошо, но сумму назову я сам, и возьму оплату после исполнения задачи. Не смотрите на меня так, ваша светлость, и не принимайте это за чрезмерное доверие к вашей особе. Просто я привык работать со страховкой, а вы ведь не хотите потерять вашу «чашу Грааля»?

Намек был слишком понятным. В задуманном деле Шарлотта становилась невольной заложницей, но это, как надеялся Эдвин, в любом случае лучше, чем встреча с графом. В чем была суть просьбы, пока оставалось тайной, слишком многое было поставлено на карту. Эдвин не обмолвился ни словом и со своим другом – впервые с того момента, как рассказал о Шарлотте. До конца дня они с виконтом не пересекались, только к утру стало ясно – каждый строил собственные планы.

Проблема началась с того, что Блора не нашли в своей комнате, зато в руки Ричарда попало злосчастное письмо Дерика. Не стоило бросать его где попало, если это не камин...

– Где, спрашивается, твой приятель виконт, когда он мне нужен? – принц пристально посмотрел на брата, желая поймать его на лжи. Дуэли, в том числе и связанные с женщинами, были строжайше запрещены. – Ты в курсе, куда он запропастился?

– Нет, но догадываюсь... – тревога медленно заползла в душу к Эдвину. – Я пытался ему помешать, но похоже, Блор ставит свою честь выше запретов.

– Что имеешь ввиду, говори внятно! Кого волнует его отношение к чести, когда мне нужен каждый верный человек во дворце! – Ричард выхватил смятый листок и швырнул его на стол. – Как я понимаю, Рос Джонс бросил вызов придворному офицеру? На каком основании??? Только не говори мне, драгоценный брат, что виконт отдувается за твои похождения! Хотя чему я удивляюсь, ты как в расхожем анекдоте, можешь вызвать на поединок только женщину, чтобы «выстрелить» первым.

Эдвин сцепил зубы, но промолчал, и это было слишком красноречивое молчание. Ричард не оценил ни чувств единоутробного брата, ни верности подданного. Он вскочил и подошел к герцогу вплотную, едва сдерживаясь от того, чтобы схватить его за воротник и придушить.

– Если ты не можешь разобраться со своим любовницами и их мужьями, придется это сделать мне! Я уже отправил людей, и надеюсь, обнаружу там хоть одного из противников в живых! Молись, чтобы это был твой старый друг, хотя, неизвестно, что лучше: болтаться на виселице или умереть от удара кинжала!

– Ты повесишь Блора, который дерется вместо твоего бра-

та?! – Эдвин не узнавал Ричарда. Принц никогда не был склонен к жестокости, но сейчас напоминал безумца в состоянии сильного возбуждения: бледное, влажное от пота лицо, глубокие тени под глазами и бегающий, горящий взгляд.

– Для решения таких вопросов есть закон... – регент дрожащей рукой вытер лоб и свалился на стул. Он явно выпил слишком много «тонизирующих» капель.

– Если тебе надо кого-то повесить, выбери второго. Никто ничего не потеряет.

– Ты щедро раздаешь подарки, братец, – зло ухмыльнулся Ричард, – что ни говори, в тебе больше нашей крови... В одном не сомневайся, безнаказанным Дерика я не оставлю, хотя... он прекрасный собутыльник и я не хотелось бы совсем его лишаться...

К тому часу, когда состоялся этот разговор, в указанном месте на пустыре находилось три человека. Двое – Дерик со своим спутником, третий – секундانت Блора. Место для поединка выбрали удаленное, хорошо скрытое от чужих глаз. Пустырь когда-то был частью роскошного, дотла сгоревшего дома, о чем напоминали остатки стен и ограды, где прибывшие привязали коней. Преимуществом было и то, что сюда вела разбитая и изувеченная дорога, местами перекрытая рухнувшими деревьями. Безлюдное место, где встречались только бродячие собаки.

Внешне спокойный, граф неспешно прохаживался и поигрывал клинком. Он почти не сомневался – виконт явится, но все же существовала небольшая доля вероятности, что в дело вмешается сам принц. К счастью, опасения оказались напрасными. Вскоре на дорожке, ведущей к пустырю, послышались шаги, а затем появился и сам Блор. Он был сосредоточен, сдержан, хотя и немного бледен. Оба соперника обменялись поклонами, и трудно сказать, чья голова склонилась с меньшим удовольствием.

– Приятно знать, что при дворе еще остались люди, сохранившие чувство долга, – вместо приветствия пробормотал граф, сверля глазами противника. – Если вы готовы, не будем откладывать наш «приятный» разговор».

– Я готов, – Блор снял плащ и занял позицию метрах в десяти от Дерика. Из рта у него шел пар, разгоряченный быстрой ездой, виконт почувствовал неприятный озноб от порыва холодного ветра.

Секундант графа, повидавший ни один десяток поединков, остановился между противниками и обратился сначала к Блору.

– Угодно вам, сударь, принести свои извинения, чтобы исключить кровопролитие?

– Нет, не угодно! – виконт сжимал и разжимал кисть хо-

рошо натренированной руки.

– Господин граф, желаете вы сказать несколько слов оппоненту?

– То, что вы не побоялись явиться сюда, делает вам честь, – сквозь зубы процедил Дерик, – по крайней мере вы не трус. Значит, признаете свою вину?

– Только в той степени, в которой пытался спасти несколько жизней.

– Чтобы заплатить за них своей? Надеюсь, вам хватило времени написать завещание? Если нет, я дам вам еще несколько минут, потому что наша дуэль будет до результата. Я убью вас, Блор, а потом и вашего покровителя, – шпага со свистом рассекла воздух и Дерик неспеша занял позицию, ожидая сигнала.

Главный секундант отошел на несколько шагов и подал знак, взмахнув шляпой, но не успели еще противники приблизиться друг к другу, как из-за полуразрушенной стены показалась группа людей в военной форме. Первым опустил оружие Блор – его глаза были прикованы к неожиданным гостям, и граф, заметив заминку, повернул голову.

– Прошу вас остановиться, господа, и сдать оружие! – один из офицеров протянул к Блору руку в высокой кожаной перчатке. – Вам надлежит пройти с нами до окончательных разбирательств.

– По какому поводу? – Дерик крепче стиснул клинок, не сделав ни единого движения.

– Вам зачитать статью о дуэлях или вы с ней уже знакомы? «Любые вопросы частного характера должны решаться только в судебном порядке. Получить разрешение на поединок можно в исключительном случае, обратившись лично к королю». У вас есть бумага с его подписью?

– Нет.

– Вашу шпагу и кинжал! – офицер не отводил глаз от Дерика, но обращался одновременно ко всем присутствующим. – Остальных тоже попрошу составить нам компанию...

Снова судьба отвернулась от графа, вынуждая его отступить и подчиниться. Дерик, конечно, мог воспротивиться и даже уложить пару-тройку служак из патруля, но не пятерых вооруженных офицеров.

– Все должно обойтись, – вполголоса сказал секундант графа. – По закону за начавшийся поединок вас должны были повестить, но вы не нанесли ни одного удара. Вас оправдают.

– Смотря кто рассматривает такие дела, – хмыкнул Дерик, – если его высочество, то мое оправдание закончится на плахе. Учтите мои ошибки, дорогой друг и никогда не проявляйте жалости к змее. Если вы не раздавите ее сапогом, она подкрадется сзади и ужалит вас в самый неожиданный

момент.

В полутемном «каменном мешке» было сыро и холодно. Шанталь восседал на своем деревянном стуле, как король на троне, и не мигая смотрел на человека, которого допрашивал. В этот момент пилер напоминал змею, еще не совершившую бросок, но готовую показать ядовитые клыки.

– Вам знакомо содержание этого письма? – на столе оказался смятый листок с подписью Рос Джонса.

Граф, сидевший на табурете напротив пилера, медленно опустил глаза:

– Знакомо, оно написано моей рукой.

– То есть вы признаете, что сознательно нарушили закон, отправив виконту картель?

– Вам кажется, что прикончить его из-за угла было бы более правильным?

– Не советую вам ЗДЕСЬ шутить. Мне поручено лично рассмотреть это дело и вынести вердикт, поэтому отвечайте кратко и только по делу. Вам было известно, что вы преступаете границы закона?

– В моем случае закон находится на другой стороне, – язвительно заметил Дерик.

– Имеются ли у вас доказательства вины виконта Джона

Блора? Письма, свидетели? Судя по молчанию, нет. В таком случае напрашивается вопрос: почему вы выбрали его целью своей мести?

– Я дворянин и офицер, этого достаточно чтобы выяснить отношения с другим дворянином. Иных объяснений вы от меня не услышите.

Шанталь встал и потер замерзшие руки. Ему ничего не стоило развязать язык любому пленнику, но в данном случае приказ исключал такие меры воздействия.

– Значит, вы бросили вызов, как равный равному. Хорошо... Можете ли вы, граф Дерик Рос Джонс, предоставить документы, подтверждающие вашу знатность?

– Увы, я не ношу такие бумаги с собой, – просьба звучала издевательски и задела пленника за живое. Еще никто никогда не сомневался в его происхождении!

– В таком случае, я вынужден вас задержать до выяснения этого вопроса. Какие будут распоряжения относительно бумаг? – пилер хищно усмехнулся.

– Отправить человека в мое поместье. К вечеру документы будут здесь.

– Надеюсь, что это так, – Шанталь вернулся за стол и сделал несколько записей, после чего позвал охрану, – Уведите заключенного и пригласите ко мне виконта, мы еще не закончили беседу.

В последнее время пилеру приходилось выполнять слишком много работы. Сначала попытка отравления, потом поиск сбежавших придворных, которые могли быть причастны к заговору, теперь – «беседы» с теми и, кто не мог предъявить нужных документов. Дуэль между двумя придворными, не поделившими женщину, стала последней каплей. К счастью, еще утром он получил приказ отпустить виконта, назначив ему крупный штраф. Принц пополнял казну, и без всякой жалости вытряхивал денежки из своего окружения, не взирая на лица, но, видимо, заслуги придворного офицера были выше его провинности.

Подписав бумаги, Блор получил обратно оружие и, стараясь держаться прямо, поднялся по замшелой лестнице. Он провел в камере два долгих дня, чувствовал боль во всем теле и легкий жар – в холоде и сырости запросто подхватить простуду. О судьбе Дерика ему ничего не было известно. Против ожидания очная ставка не потребовалась, пилеру хватило тех доказательств, которые были на руках, а также свидетельства патрульных. Не знал он и о том, что «просьба» Эдвина была удовлетворена сполна – его друг получил свободу, а Дерик... новости о графе уже обсуждали в салоне и приватных покоях.

В тот день, когда гонец отправился с депешей в дом Рос

Джонса, он застал неожиданную картину. Получить документы о знатности не представлялось возможным, потому что их некому было предоставить. Дом сгорел. Устояли каменные стены и боковая пристройка, в которой жила прислуга, но двухэтажное строение полностью выгорело изнутри.

Среди камней копошились два человека, видимо пришедшие пожить чем-то на пепелище. Заметив неизвестного в дорогой одежде, один из них сразу скрылся из виду, а второй, оступившись о камень, свалился на спину и закрыл голову руками.

– Я ничего не взял, – затараторил он, перебирая ногами и пытаясь отползти, – тут и брать то нечего!

– А тебя никто и не обвиняет, – приезжий огляделся по сторонам, – я даже готов тебе заплатить, если объяснишь, что здесь случилось.

– Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь! – мужичок, охая, поднялся и отряхнул одежду. – Так два дня как дом сгорел, хозяин в отъезде был, граф то есть, а хозяйка, так та давно без вести пропала. Меня самого здесь не было, но хромой Улстон говорил, прибежал конюх с усадьбы, стал звать на помощь. Только уже поздно было – загорелось где-то сверху, а там огонь – пшик! – и все слопал.

– Сверху? Кто-то поджег крышу?

– Может и так, меня, говорю же, меня тут не было, но только сначала сгорела спальня графа и та комната, где книги хранят, будь она неладна. А пока слуги прибежали тушить, уже поздно было... они все вон там – в прихабелочке жили.

Дальше выяснять подробности гонцу не потребовалось, пусть этим занимается тот, кто обязан по роду службы. Он кинул бродяге монету и собрался уходить, но мужичок обнаглел и схватил его за рукав.

– Вы добрый человек, спасибо, не оставили без пропитания ближнего, не то что другие, готовы только пинать. Вам я скажу... говорят тут нашли крест, дорогой, он за черепицу зацепился, там, где слуховое окошко... Серебряный вроде, с камнями. Так что я думаю, не просто дом загорелся, а?

– Как тебя зовут? – гонец нахмурился, вся история казалась уж слишком подозрительной.

– Сэм Стоун, господин, вы ежели что, меня всегда найдете!

– Не сомневаюсь, если искать в трактире...

С этими словами посланник прыгнул в седло, тронул поводья и направил лошадь обратно, чтобы принести неутешительные для Дерика вести.

Глава 19. Безумный на троне

Это был бесконечный день: новые аресты, сгоревший дом графа, сводки о состоянии здоровья его величества... Прощаясь с приближенными в общей гостиной, Эдвин тронул за локоть супругу, чтобы отвлечь от беседы с одной из фрейлин:

– Сегодня вы будете спать одна, сударыня, прикажите разжечь камин в своей комнате.

– Как это понимать? – Катрина воззрилась на мужа.

– Я неважно себя чувствую, и вам тоже иногда нужен отдых. Спокойной ночи!

– Нет уж, подождите! – она заговорила достаточно громким шепотом, чтобы привлечь внимание присутствующих. – За весь вечер я не слышала от вас жалоб на здоровье, пить и играть в бильярд вам это не помешало! Кстати, я не вижу здесь мадам Сеймур, говорят, она тоже нездорова!

– Дорогая, – герцог склонился к самому уху Катрины, – если вы не уймется немедленно, то будете спать в одиночестве всю оставшуюся жизнь. Помните свое место, и не смейте указывать мне, с кем проводить время!

Он демонстративно поцеловал ей руку и быстрым шагом

удалился, оставив жену сгорать от гнева, проклинать фаворитку, а вместе с ней и всех мужчин из королевской семьи. Ей следовало этого ожидать: королева много лет провела в ссылке, а жена Ричарда – робкая тихая женщина, почти не появлялась на публике. Трудно «любить и почитать» мужа, который предпочел другую женщину и по слухам был отцом ее ребенка....

В своих подозрениях Катрина была по большей части права, но сегодня Эдвин действительно хотел побыть в одиночестве. Ссора сменила планы. Раз уж его открыто обвиняют в супружеской измене, нет смысла создавать иллюзию верности!

Герцог шагал по коридору и его преследовала единственная тень – его собственная. Ни слуг, ни придворных в этот час нигде не было видно, и дверь Шарлотты, к счастью, оказалась незапертой.

– Иди ко мне! – Эдвин вошел в окутанную теплым полумраком спальню и без предисловий заключил фаворитку в объятия. – Пропади все пропадом, я хочу остаться здесь!

Он провел по волосам, струившимся вдоль спины, и прижался губами к ее макушке. Какое-то время они стояли молча и Шарлотта, опустив голову на грудь Эдвина, слушала как

стучит его сердце.

– Ты еще не спала?

– Нет, собиралась принять ванну.

– Звучит заманчиво, сделаем это вместе, – не отрываясь от губ Шарлотты, герцог освободился от камзола и взялся за пояс брюк. Она просунула обе руки под рубашку, помогая стащить ее через голову. По коже побежали мурашки – от прохладного воздуха и от прикосновения женских пальцев...

До соседней комнаты, где стояла ванна, источающая горячий пар, они добрались уже раздетыми – вещи остались там, где их сбросили, нисколько не заботясь о приличиях. Эдвин первым погрузился в воду, с блаженством вытянулся и поманил возлюбленную.

– Мы устроим потоп! – Шарлотта сделала безуспешную попытку увернуться.

– И что с того? – он поймал ее за руку, одним движением обхватил за талию и потянул к себе. Обоих тут же накрыла ароматная пена, а следом за ней на пол выплеснулась огромная лужа.

– Эдвин...

В ванной, никак не рассчитанной на двоих, их ноги и руки

переплелись так тесно, что влюбленные соприкасались каждым сантиметром кожи. Пальцы герцога медленно скользнули с ее плеча вдоль спины, провели по аппетитным изгибам и исчезли между ног. Ему нравилась эта игра: лицо Шарлотты в мареве горячего пара, жаждущие губы, округлости, покрытые островками пены. В грудь Эдвина упирались два розовых бутона, он накрыл их ладонями, а затем коснулся кончиками пальцев. Это вызвало в ее теле трепет и заставило уронить голову на край ванной, заботливо прикрытой мягкой простыней.

Эдвин потянулся за мочалкой, окунул ее в воду и налил из мыльницы ароматное снадобье. Губка неспеша заскользила по шее, нырнула в ямку между полушариями груди, прошла по животу и ниже – по внутренней стороне бедра. Эдвин дразнил ее, касаясь самых чувствительных мест, но тут же исчезая, чтобы намылить ножку или накрыть рот поцелуем, играя языком. Дыхание Шарлотты участилось, она чувствовала, как в бедро упирается возбужденная плоть, а движения Эдвина становятся все более несдержанными. Прелюдия была волшебной, но слишком распалила обоих, чтобы и дальше наслаждаться банными процедурами.

Кутаясь в одну простыню и срывая на ходу жадные поцелуи, они, наконец, оказались в кровати. После горячей воды постель холодила обнаженную кожу, заставляя сплетать-

ся в объятиях, пока Эдвин не проник туда, где было горячо и тесно. Шарлотта тихо застонала, закинул руку, притягивая к себе его голову и не понимая ни слова из того, что он шептал, покусывая мочку маленького уха. Дрожь добралась до кончиков ее пальцев, вдоль позвоночника пробежал ток и хлынул горячей волной, захватывая низ живота, отключая разум, заставляя сердце выбивать сумасшедший ритм. Они забрались на пик одновременно, но вернуться Шарлотта не могла еще очень долго.

Первым, что она осознала, вынырнув из блаженного состояния, были пальцы Эдвина, кружившие возле ее пупка. Его подбородок лежал на плече возлюбленной, а взгляд касался округлившегося живота. Это заставило Шарлотту натянуть одеяло, она повернулась к возлюбленному и поймала довольную улыбку.

– Я не заметил, чтоб ты слишком изменилась, мне все нравится, так что можешь не прятаться. Принести тебе попить? Или может хочешь чего-то еще?

– Заснуть у тебя на плече, как раньше.

– Тогда закрывай глаза, я сегодня никуда не уйду. Если юный герцог начнет себя плохо вести, разбуди меня, я с ним поговорю...

Посреди этой внезапной идиллии сон, как ни странно, бе-

жал от Шарлотты. Она слышала, как дыхание Эдвина стало ровным, дождалась, пока потух огарок свечи, и лежала, размышляя о тысяче вещей. О Катрине, которая сейчас тоже не спит, о ребенке, что будет расти вдали от отца, о собственном туманном будущем. Бархатная тишина и темень понемногу начали убаюкивать графиню, когда ее встревожил странный шум: сначала неуверенные шаги, потом скрип двери, а за ним – тяжелое, с хрипотцой дыхание.

Войдя внутрь, неизвестный (а судя по росту и телосложению это был мужчина), на время потерял ориентацию в пространстве, несколько секунд ощупывая предметы, а затем, спотыкаясь направился к кровати. От ужаса Шарлотта не могла пошевелиться и издать хоть звук. Она видела, как рука незнакомца отодвинула полог и взметнулась вверх, блеснув лезвием ножа.

Пронзительный крик разрезал тишину, Шарлотта отпрянула, путаясь в простынях, рука с ножом снова поднялась и с хрустом опустилась на подушку, вспарывая ткань. Эдвин вскочил следом, ему хватило секунды, чтобы понять – в спальне убийца! Он Обхватил Шарлотту на плечо и оттолкнул подальше – к себе за спину. Она вжалась в стену, горло стиснул спазм, а глаза почти не различали границ между двумя мечущимися по кровати телами. Спасение пришло в виде быстрых шагов. Дверь распахнулась, появилась охрана,

тело неизвестного оторвали от герцога, и оно рухнуло на пол.

– Свет! – следом за офицером в спальню вбежал еще один человек с ночным фонарем. Оба они склонились над нападавшим и перевернули его лицом вверх, после чего в комнате наступила мертвая тишина.

Эдвина колотила дрожь. Он сдернул с кровати простыню и намотал ее на бедра, чтобы не стоять перед охраной голышом, а потом перевел взгляд на старшего офицера.

– Он жив? – герцог не отводил взгляда от тела на полу.

– Да, но похоже потерял сознание, что здесь произошло?

– У него был нож, я проснулась от шагов... – графиня не могла сложить осмысленного предложения, все еще чувствуя леденящие тиски страха.

Офицер осмотрел постель: подушка вспорота, на перине – длинный глубокий порез, полог в одном месте грубо оборван.

– Унесите его в спальню, поставьте охрану и вызовите доктора! – приказал офицер. – Ваша светлость, вам тоже лучше пойти к себе!

– Никуда я не пойду, это какое-то безумие! – у Эдвина дрожали руки, а на плече красовался свежий порез. – Зачем

ему понадобилось убивать Шарлотту?

– У меня нет на это ответа, нам придется обратиться к Шанталю, чтобы узнать больше. Прошу вас, ради вашей безопасности, покиньте спальню графини!

– Убирайтесь к черту! Второй раз мой сумасшедший брат сюда не войдет, он, как я понимаю, отключился!

– Ваша светлость, – понизив голос сказал офицер, – будьте сдержаннее, вы говорите о будущем короле! Такие слова могут услышать...

В голове Шарлотты все спуталось. На нее напал Ричард или она сошла с ума?! В ожидании ответа графиня взглянула на Эдвина, но он сам был в полной растерянности.

– Поставьте охрану возле дверей. Я ... я скоро буду! – герцог дождался, пока гости покинут комнату и рухнул на растерзанную кровать. – Становится все веселее. На мою фаворитку ночью напал Ричард, пытался собственноручно заколоть! А может меня, если знал, что я буду ночевать здесь! Но это ни в какие ворота, для таких целей используют наемных убийц!

Он вскочил, зажег свечи и стал поднимать с пола разброшенную одежду. Это было уже второе покушение и в обоих случаях он спасся благодаря женщине, но будет ли так в третий раз!

– Ты же меня здесь не оставишь? – Шарлотта наблюдала за тем, как Эдвин одевается.

– Нет, конечно, нет! – он как будто проснулся. – Накинь халат, ты переберешься в гостевую комнату. До утра тебя будут охранять, а завтра мы узнаем больше... во всяком случае, я так надеюсь...

Солнце еще не успело пробраться сквозь занавешенные окна, а Эльфрига уже сидела в главном зале, окруженная несколькими важными придворными. Отчета ждали от двух людей – главного медика и тайной полиции. Первым заговорил доктор, который выглядел бледным, словно боялся открыть рот в присутствии такой компании.

– Вы оценили состояние регента? – на лице Эльфриги не было написано никаких эмоций.

– Да, ваша светлость... физически он в безопасности. Я дал все необходимые препараты, чтобы его высочество уснул.

– Объясните! Вы понимаете, что ситуация стала слишком опасной! Его величество при смерти, а с наследником приключилось нечто, выходящее за рамки возможного!

– Моя первоначальная версия – яд. Тот же, что был обнаружен у короля и вашего младшего брата. Беладонна действует двояко и может вызывать галлюцинации.

– Шанталь, – Эльфира перевела взгляд на пилера, – вы выяснили что-либо относительно отравления герцога Ламарского?

– Все подозреваемые были опрошены. Реальных доказательств вины я предоставить не могу... но мы ищем одну особу, которую вы отстранили от двора. Возможно, она расскажет нам кое-что интересное.

Шанталь, как всегда, смотрел исподлобья, но теперь его взгляд стал по-настоящему пронзительным и Эльфрига почему-то смутилась. Всего на долю секунду, но она потеряла самообладание! Это не ушло от внимания пилера и еще больше утвердило во мнении – неуловимая Жослина знает куда больше, а с ней связаны люди, которые считаются недосягаемыми.

– То есть мы ничего не можем предпринять? – герцогиня уже овладела собой. – Учитывая происходящее, следующей на очереди буду я!

– Позвольте сделать замечание, – медик сделал тяжелый, прерывистый вздох, – у меня есть еще одна версия. То, что до сих пор не был найден отравитель и сам яд не удалось выявить в еде или напитке, наводит меня на одну мысль... возможно, мы имеем дело не с ядом. Схожие симптомы... может вызывать заболевание, и судя по всему, оно передается по мужской линии. С возрастом признаки становятся все

более заметными и к психическому расстройству присоединяется физический недуг.

Трудно было не заметить, что руки доктора мелко дрожали и он сжал их, чтобы скрыть это от чужих глаз. Озвучить такое предположение было равносильно вынесению приговора и топор мог опуститься на его собственную голову. Придворные переглянулись.

– То есть, вы хотите сказать, что Ричард выживает из ума? Поэтому он напал на мою фрейлину? – глаза Эльфриги блеснули, и она приподнялась в ужасном напряжении.

– Дело в том, что его высочество был в бреду. И я слышал из его уст... нож был предназначен не для фрейлины, а для короля.

Герцогиня откинулась на спинку кресла. Ее мозг лихорадочно работал, выискивая возможность совершить решительный шаг. Прежде, чем что-то сказать, она обвела глазами присутствующих: Шанталь был самым опасным из возможных противников, на верность остальных вполне можно было положиться.

– Мне не остается выбора, – произнесла она твердым голосом, – кроме как позаботиться о моем несчастном брате. Безумец не может занять место на троне, это приведет нас

к гибели! Если речь идет о заболевании, то оно касается и Эдвина, а мы уже сталкивались с проблемой. Объявите срочный совет! Я буду на нем в десять часов!

Новость требовалось сохранить в строгом секрете. Ни один из участников тихого заговора не должен был о нем распространяться – единственный, кого Эльфрига решила поставить в известность – младшего брата.

– Ты сошла с ума! – громким шепотом проговорил он, поглядывая на дверь, – это называется государственная измена! Нас даже не повесят, будет кое-что похуже!

– «Кое-что похуже» произойдет, если короновать невменяемого принца! Сегодня он чуть не убил твою любовницу, потому что хотел ускорить кончину нашего отца, чего ты ждешь от такого регента? И еще, – Эльфрига прищурилась, подступив ближе у герцогу, – ты обещал мне поддержку, напомнить какой ценой?

– Моей поддержки будет недостаточно!

– А я об этом и не говорила. Ты просто подпишешь нужные бумаги и уедешь. Завтра же! Не будешь претендовать на трон и участвовать в том, что тут произойдет. И не смотри на меня с таким ужасом, я гарантирую, что обойдусь без кровопролития! Ну, а если нет... судьба твоего сына в моих руках, он вполне может родиться в тюрьме и оказаться в приюте для нищих.

Эдвин взглянул на сестру так, как будто впервые видел эту женщину. Как же она была похожа на короля – шла к своей цели по головам, не останавливаясь ни перед чем! Он и представить не мог, как сильно Эльфрига жаждала избежать участи большинства знатных женщин: замужества по чужой воле и жизни по чужой указке. Слишком рано принцесса поняла, что единственный путь к освобождению – трон, и неважно, скольких людей придется потребуется столкнуть в пропасть.

Глава 20. В каменном мешке.

Шанталь потер покрасневшие глаза. Чутье никогда не обманывало его, в деле с отравлениями оставалось слишком много белых пятен, и он все еще не выявил главного виновника. Этой ночью пилеру спать не пришлось – соглядатаи, наконец, разыскали и привезли на допрос Жослину. Когда Шанталь спустился в подземелье, указанная дама уже была доставлена в «покои» – каменный мешок без окон, наводивший страх и не на таких как она.

Девушка была именно такой, как представлял себе глава тайной полиции. Каждая черточка в ее внешности и одеянии говорила о любви к роскоши и мужчинам. Идеальная кандидатка, которую без зазрения совести можно выслать из дворца за разврат, и все же...

– Почему меня схватили? – увидев входившего в помещение пилера, она заговорила без предисловий. – Каким законом разрешены аресты без обвинений?

– Я выполняю служебные обязанности, мадам. И советую помолчать, потому что в этом месте принято отвечать на вопросы, а не задавать их!

– А то что? Будете пытаться меня каленым железом?

– Если потребуется... – голос Шанталя оставался таким же спокойным. Он разложил на столе бумаги, нашел нужный лист и поднял на арестованную черные как уголь глаза. – Вы Анна Жослина Флаудок? Бывшая фрейлина ее высочества герцогини Сюррей? Отвечайте только «да» или «нет»!

– Да!

– Вы служили при дворе три года, но были освобождены месяц назад?

– Именно!

– Причина? Советую говорить мне правду, чтобы не пришлось прибегать к другим методам дознания!

– А разве в ваших бумагах не написано, что я первая развратница при дворе, а фрейлинам надлежит сохранять невинность? Ее светлость пожелала расстаться со мной и посоветовала выйти замуж! В этом есть что-то криминальное? Или вы сменили пост и стали священником?

Жослина вела себя вызывающе, даже слишком, это было больше похоже на защиту и никак не могло обмануть опытного пилера. Шанталь встал, с противным скрежетом отодвинув стул, неспеша обошел вокруг арестованной и остановился у нее за спиной. Когда тяжелая рука легла на плечо фрейлины, она невольно вздрогнула.

– Вы неплохо владеете собой, мадам, но это ненадолго. Мне нужна истинная причина вашего отлучения от двора.

Кому вы не угодили? Если через минуту я не услышу ответ, вы отправитесь в камеру. Там не очень комфортно, нет ванной и много крыс! Называйте имена!

– Я ничего не знаю! – воскликнула Жослина. – Герцогиня по какой-то причине разгневалась на меня! Эта история с развратом, да где вы видели фрейлину девственницу?!

– Это уже ближе к теме. При каких обстоятельствах с вами случился подобный казус?

– Ну хорошо! – она вздохнула, собираясь с мужеством. – Придворный медик помог мне избавиться от плода. Я купила у него одно средство, но оно сработало немного не так, как надо, в общем об этом стало известно! Я просила его светлость герцога Ламарского заступиться за меня, но он не захотел, меня просто выбросили из дворца!

– Замечательно! А вы в курсе, что в день вашего отъезда в спальне герцога нашли отравленное вино? Не может быть так, что это ваших рук дело? Я предполагаю, что средство было предназначено для другого члена королевской семьи, но вы очень рассердились на своего любовника, и на прощанье оставили ему «подарок». Теперь осталось выяснить одно: кто дал вам яд, и сколько раз вы использовали его раньше?

Жослина побелела, как полотно. Она могла предполагать, что угодно, но против таких обвинений была бессильна. Это

была вопиющая, ужасающая ложь, которая делала ее беззащитной перед законом.

– Я никому не подсыпала яд! – в голосе проскользнули истеричные нотки. – Я не виновна! Это... это сделал кто-то другой, и использовал меня, как прикрытие!

– Вы умная женщина, и наше мнение в этом вопросе сходится, – внезапно Шанталь смягчился. Его глаза невольно остановились на шее фрейлины – такой гладкой и белой, с падающими на нее завитками светлых волос. – Но это не упрощает моей задачи, во дворце продолжает орудовать убийца и вы поможете мне его найти. Вспоминайте детали, разговоры, чье-то странное поведение. Вас подставили, потому что вы близки к этому человеку или людям. Помогите мне, и я помогу вам!

Пилер вернулся на свое место за столом и устремил на Жослину выжидательный взгляд. Раньше они никогда не пересекались, но о главе тайной полиции фрейлина была достаточно наслышана. Сейчас, сидя перед ним в этом жутковатом месте, она испытывала страх, но к нему прибавились и другие чувства. Никогда раньше она не встречала мужчину, наделенного такой неограниченной властью, никого, перед кем трепетали бы даже приближенные короля. В ее взгляде проснулся интерес и пилер сразу это подметил.

– Вы хотите что-то сказать?

– Может быть. Не знаю, стоит ли мне вспоминать подробности. Я между двух огней, с одной стороны герцогиня, с другой вы, Шанталь. Но вас я боюсь больше!

– И это правильно! – его губы дрогнули, если это лицо способно было улыбаться, то Жослина точно видела улыбку.

– И я могу вам доверять? Вы не станете подвешивать меня на дыбе? Или вы поступаете с женщинами как-то по-другому?

– Давайте без ваших игр, мадам. Я не двадцатилетний молодой герцог, которому хочется развлечься!

– Это правда, по вашим глазам я вижу, что развлекаетесь вы редко. Я готова написать вам все, что знаю, можно перо и бумагу?

Он кивнул, указывая глазами на письменные принадлежности. Жослина подошла к столу и склонилась над документом, не заботясь о том, что ее декольте оказалось как раз в поле зрения пилера. Несколько минут она что-то писала, потом подняла ресницы и неспеша выпрямилась, пододвинув листок Шантлю. Он развернул его к себе и прочитал признание, в котором было всего несколько строк:

«У меня никогда не было такого мужчины, как вы. Мои ноги дрожат, мне нечем дышать, я боюсь вас и хочу!»

– Весьма откровенно! Больше вам нечего сказать?

– Только спросить. Вы хотите меня? – она присела на край стола.

Контраст между этим нежным созданием и грубо отесанной древесиной был впечатляющим. Жослина медленно приподняла подол, взяла Шанталю за руку и положила жесткую ладонь к себе на лодыжку. На фрейлине были шелковые чулки, и рука скользила по ним, пока не коснулась полоски теплой кожи.

– Вы так хотите острых ощущений?

– Мне грозит тюрьма, допросы, а может и виселица за то, чего я не делала. Я хочу провести этот вечер так, чтобы мне не о чем было жалеть. То, что я написала – правда и я знаю, у вас, Шанталь, тоже не было такой женщины, как я! Распутной. Молодой. Готовой на все!

Совершенно неожиданно она наклонилась и хищно впилась в его губы. «Маленькая фурия!» – он сжал ладонями ее затылок, привлекая к себе. Жослина поддалась, укусила его, вцепилась ногтями в шею и позволила опрокинуть себя на стол. Возбуждающие капли не понадобились, чувства обоих и без них обострились до предела. Это было не тоже самое, что секс в спальне, в ванной или на балконе. Нужно было встретить женщину, которая забудет о страшном предназна-

чении такого места и станет отдаваться со всем возможным жаром. Каменные стены подземелья и раньше слышали крики, но никогда это не был стоны любовного восторга. Жослина прильнула к мощной фигуре пилера, как юный плющ – к каменной стене. Она была ненасытной, жадной до любви и абсолютно лишенной стыда. Их безумный «допрос» продлился целый час и после него узница без всякого страха заглянула Шанталю в глаза.

– Теперь можешь бросить меня в тюрьму! Я буду рассказывать бедным дурочкам, что у меня был самый лучший любовник! Пообещай, что проведешь меня еще!

– Это все, чего ты хочешь?

– Тебе нужна правда? – она убрала руки с шеи Шанталя. – Я хочу неуязвимости, чтобы никакой жалкий придворный не протягивал ко мне свои ручонки! Хочу засыпать сытой в мягкой кровати и да, мне нужен мужчина, а не белокурый мальчик! Я хочу быть твоей любовницей!

– Это не сделает тебя недосыгаемой!

– Тогда женись на мне! – она рассмеялась, – Я помогу тебе добыть любую информацию! Все, что хочешь знать о придворных, фрейлинах и даже о секретах принца.

– Предлагаешь позвать священника прямо сюда? – Шанталь застегнул одежду и провел пальцами по ее растрепавшимся волосам.

– А почему бы и нет? Скажи, что твоя пленница хочет

исповедоваться!

Вместо ответа пилер подошел к дверям и трижды в них постучал. Замок щелкнул и по сигналу открылся, пропуская внутрь офицера.

– Отведите мадам Флаудок в камеру. Я поговорю с ней утром.

– Шанталь! – Жослина театрально упиралась и вцепилась ему в рукав. – Не поступайте так со мной! Нет! Отпустите!

Когда офицер поволок ее к выходу, она извернулась и показала пилеру кончик языка, облизнув им губы. Дикое создание, которое ему захотелось приручить, и лучший соглядатай, о каком только можно мечтать!

Ее крики какое-то время еще были слышны, а потом лязгнула железная перегородка и все затихло. Бедняжку проволокли по подземному коридору и грубо втолкнули в камеру, где уже были какие-то люди. Она бросилась к дверям, но быстро остыла, заметив движение позади себя. Без освещения нельзя было понять, кто это и сколько пленников еще находится рядом, и она только и могла, что отойти и прижаться спиной к влажной стене.

– Не советую кричать, – раздался голос, который показал-

ся Жослине знакомым, – здесь не отель, но свободный матрас в двух шагах от вас. Ложитесь спать и не мешайте остальным!

Фрейлина не пошевелилась, неужели в этой камере были мужчины?! Страшно представить, что здесь буду творить с такой, как она! Незнакомец выругался и встал с соломенного тюфяка. Приближаясь, он загородил крошечное окошко, через которое проникал хоть какой-то свет и в полном мраке схватил Жослину за руку.

– Сюда, – мужчина потащил ее за собой и подтолкнул к матрасу, лежащему на полу.

– Отпустите меня! – она выдернула руку и отпрянула, готовая сопротивляться до конца.

– Разрази меня гром... – неизвестный узнал ее голос – Жослина, ты тоже попала к ним в лапы?

Понадобилось несколько минут, чтобы понять – перед ней никто иной, как Дерик. Фрейлина шумно выдохнула, шагнула вперед и обхватила графа за шею. Накопившийся страх выплеснулся слезами, которые, к счастью, были недолгими. Дерик подождал, пока она успокоится и приблизил лицо совсем близко.

– Не говорите ничего! Мы здесь не одни, пусть все снова

уснут!

Фрейлина кивнула и послушно присела на матрас. Время тянулось бесконечно, наконец в камере прекратилось всякое движение, наступила тишина, а за ней послышался разногласный храп. Только тогда Дерик как можно тише перебрался к старой знакомой и заговорил на самое ухо, чтобы не случайно не разбудить других арестантов.

– Расскажите о том, что происходит во дворце? Здесь ходят разные слухи.

– Ничем не могу помочь, мне больше там не рады! Герцогиня отправила меня с глаз долой. Но, почему вы здесь?

– Потому же, что и остальные. Ричард требует документы о знатности, а мои, к несчастью, сгорели... вместе с домом и половиной имущества.

– Значит вы тоже попали в эту мясорубку... оказывается, любовь королевских особ – самая непостоянная ценность на свете! Меня выбросили, как ненужную вещь, а вам предъявляют претензии те, кто пил с вами за одним столом.

Дерик не произнес в ответ ни слова и Жослина продолжила, разговаривая скорей сама с собой. Это был долгий монолог, и она замолчала только когда поведала о подробностях своего отъезда и о том, в чем ее подозревают. Нужно было играть свою роль на отлично, иначе отсюда никогда не полу-

чится выбраться!

– Так все с дело в том, что ты избавилась от ребенка, «подавая дурной пример»? Зачем ты это сделала?

– Потому что я знаю, какая судьба ждет моих внебрачных детей! – зло прошипела она – Я уже была матерью... и моя дочь оказалась там же, где другие бастарды Ричарда и его придворных – в сиротском приюте св. Магдалены! Лучше не родится совсем! Бог смиловался на моей девочкой, она прожила всего несколько месяцев!

– Монастырь святой Магдалены? Но ведь это у черта на куличках!

– А вы думали, принц или кто-то из его семьи захочет увидеть своих внебрачных детей? Надежные люди помогут спрятать все концы, иначе неизвестно в какой-момент у законного наследника появится соперник. Нет, Дерик, я ни о чем не жалею! Даже если бы это был ребенок Эдвина, я не стала бы его рожать!

Хорошо, что в этот момент их окружала темнота, иначе Жослина заметила бы, как изменилось лицо графа. В душе у него все всколыхнулось, напоминая про Флеалайна и Блора, желавших «спасти несколько жизней». Несколько, но не ребенка Шарлотты. Он вдруг подумал, что судьба всегда находит лазейку, а еще – вручает оружие для мести тому, кто в нем больше всего нуждается.

Свое оружие получил и Шанталь – уже на следующий день аресты во дворце приобрели колоссальные масштабы. Пилер всегда доводил дело до конца, и «беседуя» с фрейлиной наедине, понемногу стал узнавать важные детали. Жослина не раз и не два обращалась к придворному медику, и совсем не для того, чтобы получить эликсир красоты. Она покупала «возбуждающие капли», те же, что использовал Ричард, и иногда действительно подливала их в вино любовникам. Лекарство делало мужчин не только более активными, но и куда более сговорчивыми, так удавалось получить дорогие подарки и деньги – главное, что нужно любой фрейлине при дворе. Вплоть до последнего времени проблем с каплями не было никаких, кроме головной боли, но полгода назад кое-что изменилось...

Именно тогда у короля стали наблюдаться странности с потерей памяти, агрессивностью или впадением в детство. Потом история повторилась в Эдвином, чуть позже – с Ричардом. Для подтверждения подозрений требовалось провести обыск, причем так, чтобы не привлекать внимания. Идею подсказала та же Жослина – срочно вызвать придворного медика для осмотра одного из заключенных. Она сама была готова сказатья умирающей, но Шанталь выбрал другого пациента.

Доктор вошел в камеру в сопровождении охраны, поставил фонарь на пол и присел рядом с больным. Мужчина с трудом повернул к нему голову и попытался что-то сказать потрескавшимися губами. По-видимому, у него был сильный жар и бред, узник хватался за воротник и делал судорожные входы, задыхаясь от кашля.

– Кто это человек? – доктор повернул голову к незаметно вошедшему Шанталю.

– Один из приближенных регента, и один из списка тех, кто мог использовать яд. Мне нужно обязательно сохранить ему жизнь

– К сожалению, вы позвали меня слишком поздно, единственное, что я могу ему дать – одно особое средство, но мне нужно вернуться за ним в свою комнату.

– Это излишне, вы ведь ищете вот это? – Шанталь, как фокусник, извлек из кармана пузырек. – Не требуется особых познаний, чтобы распознать в вашем волшебном средстве яд. Очень своеобразный запах – чеснок и горький миндаль, и странно, в бутылочке от духов!

– Я не имею к этому отношения!!

– А я думаю, имеете. Вы продавали Ричарду его любимые капли, добавляя свое «лекарство» понемногу, чтобы его действие не было сразу заметно. Все шло хорошо, пока по какому-то капризу герцогиня не пожелала выгнать свою вер-

ную и очень распутную фрейлину. По вашему лицу я вижу – вы знаете, о ком я говорю! Женщины мстительны, и ваша протеже вылила весь пузырек в вино, оставив его на виду в общей гостиной. Любимое вино герцогини... Вот только его прихватил кое-кто другой... Мне продолжать дальше?

– Я делал это приказу! – голос отказывался повиноваться доктору и он перешел на шепот, – Доза не была смертельной, средство действует временно и не может нанести настоящего вреда!

– Но может сделать недееспособными всех мужчин королевской крови! Это, по вашей версии, называется «наследственным заболеванием». Охрана! – пилер запахнул полы плаща и стал похож на огромную летучую мышь. – Уведите заключенного в его камеру!

Глава 21. Пир во время чумы

После неудавшееся дуэли и ареста Эдвин несколько дней не видел Блора. Герцог специально выждал время, чтобы дать другу остыть – задетая офицерская честь была слишком серьезной причиной для размолвки. Сначала он не придавал этому значения, но придворный офицер, которого все высокого ценили, пропал с глаз совсем, а это уже было весьма странным. Может быть Блор получил отставку и уехал? От Эльфриги можно было ждать любого поворота.

– Простите, но вам лучше не входить, есть опасения... – возле комнаты виконта стояла охрана.

– Что еще такое? – от неожиданности Эдвин застыл на месте – Ты забыл, с кем говоришь?

– Нет, ваша светлость, но есть приказ... это меры предосторожности, сначала нужно дождаться медика. За ним послали с утра, но он занят в тюремном лазарете и до сих пор не явился.

– Я с этим сам разберусь! – Эдвин решительно убрал с дороги охрану и шагнул в спальню друга.

В комнате были приспущены шторы и стоял сильный запах уксуса. Возле кровати больного сидела заплаканная слу-

жанка и ее плечи отчаянно вздрагивали. При виде вошедшего она вскочила и сделала запоздалый реверанс, но не могла остановиться, продолжая плакать и закрывать лицо передником. В полном недоумении Эдвин приблизился к постели больного – быть не может, чтобы Блор оказался при смерти, он никогда не хворал серьезно, даже в походах, где приходилось сутками мокнуть под проливным дождем и ночевать в снегу!

Герцог окликнул друга, но не получил ответа – виконт был без сознания или спал, но не это ужаснуло. Все лицо и руки Блора покрывали пузырями, которые могли иметь только одно происхождение – это была черная оспа. Эдвин отпрянул. Он всегда боялся заразных болезней, но оспе – особенно. Она могла отнять зрение и превратить его в уродца, которым пугают детей. Не говоря больше ни слова, он выскочил вон, спотыкаясь о мебель и задыхаясь от стойкого запаха лекарств. Шагая назад по коридору, Эдвин видел людей, словно через пелену – придворные занимались обычными делами, сплетничали или плели свои мелкие интриги, не подозревая о том, что все они оказались в одной ловушке. Очень скоро эти «преданные» господа бросятся бежать, да что там – ему самому нужно было уехать и немедленно!

Бегство могло выглядеть трусливым, но речь шла о спасении своей жизни, единственное, что могло помешать –

вмешательство герцогини, и она не замедлила этого сделать. Еще вчера Эльфрига настаивала на отъезде брата, но получив с утра тревожные новости, быстро приняла нужные меры. Собрав совет, она подписала особый указ: никого не выпускать, комнаты больных отмечать белым крестом, по всем коридорам и залам установить курительницы с можжевельником. Все предметы в ее спальне должны были обработать спиртом и уксусом, окна закупорить, на дверях поставить охрану. Чтобы не допустить панику, придворным ничего не стали сообщать – нужно было остановить заразу в самом начале, пока она не распространилась дальше, но это оказалось не по силам даже герцогине.

Слухи мгновенно поползли коридорами, которые за какой-то час опустели. Вскоре суета во дворце сделала его похожим на муравейник. Большинство придворных спешно собирали свои вещи и готовы были, как и Эдвин броситься в бегство. Хуже всех перенесла новость Катрина – предсказание старой ведьмы сбывалось! Смерть повсюду!

– Вы слышали том, что происходит? Сделайте же что-нибудь! – она влетела в комнату мужа – дрожащая, с горящими, безумными глазами – Если мы сейчас же не уедем, то станем следующими в списке! Говорят, заразу принес ваш драгоценный Блор, он один мог зацепить ее тюрьме, где ему самое место! Я слышала, половина узников уже заболела, и

даже охрана бросила пост!

– Замолчи и дай подумать! – Эдвин стряхнул ее руку, вцепившуюся в его рукав. Он только недавно избежал покушения и сам был почти в состоянии аффекта.

Надо было обратиться к кому-то здравомыслящему, способному принимать решения, и он почти сразу вспомнил о матери. К счастью, она все еще находилась здесь и не успела вернуться в Долиш...

– Возьми себя в руки! Если ты еще об этом не знаешь, то выезд невозможен, но это касается не всех, – без тени колебаний заявила королева, – никакой долг не заставит меня рисковать жизнью моих детей! Мы покинем дворец, как только стемнеет, ступай и собирай вещи, только не бери ничего лишнего!

– Как вы собираетесь это сделать?

– Мой мальчик, мне приходилось решать и более сложные задачи, в противном случае ты не стоял бы сейчас передо мной. Отправляйся к жене и оповести ее. Пусть держит язык за зубами, если она, конечно, умеет это делать. Если нет – запри ее в комнате!

Эдвин кивнул и словно пьяный направился к двери, но вдруг остановился:

– Есть еще один человек, я не могу ее оставить! – он вспомнил о Шарлотте, но королева взглянула на него со снисходительной улыбкой.

– Ты плохо знаешь свою мать, если думаешь, что я ни о чем не подозреваю. Странно, что ты не упомянул о ней в первую очередь. Когда твоя фаворитка должна родить?

– Что? А, кажется в начале лета.

– Мужчины... конечно, разве вам это интересно! Впрочем, мне важно знать только одно, сможет ли она без риска проделать весь путь, не хотелось бы принимать роды в карете... Ты должен идти, не задерживайся здесь, а пока подумай, как все сделать лучшим образом.

Ее величество нетерпеливо махнула рукой, указывая на дверь, и проводила сына взглядом. Как он похож на своего отца, совершает те же ошибки. Такой не удержит трон, ему под силу разве что очаровывать женщин и оставлять внебрачное потомство... Усилием воли ее величество стряхнула воспоминания. Надо было заняться делом и немедленно, а план уже созрел в ее голове.

– Анна! – королева позвала горничную и пробежала по ее фигуре оценивающим взглядом, – Мне нужно ваше платье и чепчик. Взамен можете взять любое в моей сундуке. Можете взять весь сундук. Это мой подарок!

– Ваше величество, – служанка бросилась к ее ногам, за-

ливаясь слезами, – вы же не думаете умирать? Мне ничего не нужно, только бы служить вам! Никто не был со мной таким добрым!

– Нет, дитя мое, я еще рассчитываю пожить на свете, – она дотронулась до щеки горничной, – просто сделай то, о чем я прошу!

Бедняжка Анна, всхлипывая, ушла за ширму, чтобы снять свое простенькое платье и выбрать вместо него одно из королевских. Никогда она не посмела бы даже мечтать о таком, но теперь вместо радости чувствовала еще больший страх.

– Ты очень красивая! – королева вытащила из своей прически серебряную шпильку с аметистом и заколола волосы Анны. – Вот теперь все идеально! Теперь ступай и приведи ко мне мадам Сеймур, если ее не будет в своей комнате – ищи в малой гостиной, в дворцовой церкви, а может быть она с кем-то из фрейлин, хотя это маловероятно! Мне надо срочно с ней поговорить, поэтому не задерживайся!

Выпроводив горничную, ее величество еле заметно вздохнула. Бедное дитя! Увы, жизнь так устроена, всегда есть кто-то, кем приходится жертвовать. В ожидании Шарлотты она быстро собрала самое необходимое: деньги, драгоценности и кое-какие-безделушки, которые могли помочь расплатиться с нужными людьми. Она была так занята, что не услышала

стука в дверь и только потом заметила свою гостью.

– Ваше величество, – Шарлотта присела, стараясь вести себя благоразумно, даже если на нее обрушится гром и молния. – Вы хотели меня видеть?

– Хотела, да... – королева быстро набросала какую-то записку, свернула и залила сверху сургучом, поставив печать – Я рассчитывала, что наше знакомство произойдет при других обстоятельствах, но придется обойтись без соблюдения этикета. Я буду откровенной и того же жду от вас. У меня еще нет внуков, никто их троих детей не удостоился произвести на свет потомство. Так уж выходит, что вы первая, кому повезло, а это огромная ответственность. Может случится всякое – ваша задача сохранить плод и родить здорового сына.

– Я понимаю, – Шарлотта вдруг почувствовав себя неодушевленным предметом, вместилищем для потомка королевы и не более того.

– Оставаться во дворце сейчас смертельно опасно, поэтому вы уедете. Я вывезу вас, Шарлотта, вместе с сыном и его супругой.

– Но как это возможно?!

– Не перебивайте меня. Никто не предлагает вам отправиться в это волшебное путешествие в роли фаворитки герцога. Вы займете место моей горничной, других вариантов я пока не вижу. Переодевайтесь быстрее... – она указала на

платье Анны.

– А Эдвин, то есть я хотела сказать, его светлость об этом знает?

– Да, в общих чертах, – ее величество окинула гостью взглядом и понизила голос – Вы можете считать меня бездушной и даже жестокой по отношению к вам, но это не так. Вам нужно быть сильной, Шарлота, и приготовиться к тому, что никогда не будет легко. Поверьте, я знаю это по собственному опыту!

Эти слова сочувствия на секунду приоткрыли занавес между жесткой, холодной королевой и женщиной, которая тоже любила. Луч света промелькнул и погас, вернув обеих к реальности. Шарлотта забрала с кресла платье служанки и стала раздеваться, с трудом справляясь со шнурками, пока королева сама не взялась ей помочь.

– Я вижу, что будет мальчик, это хорошо. Вам не допекает тошнота или изжога?

– Нет, но он толкается по ночам...

– Да, Эдвин тоже был еще тем танцором. Ложитесь спать на левый бок, будет легче. А теперь давайте что-то придумаем с корсетом.

Наряд оказался тесноват, пришлось распустить все шнурки, а плечи крест-накрест повязать длинной шалью. С при-

ческой тоже быстро разобрались: заплели длинную косу и уложили вокруг головы. В таком образе и в чепчике с оборками Шарлотту было просто не узнать – от вчерашней фрейлины не осталось и следа. Впрочем, это было к лучшему, без броской одежды Шарлотте было куда проще остаться незамеченной и покинуть дворец. В указанное время она помогла королеве одеться, сама спряталась под серый шерстяной плащ и бесшумно выскользнула из комнаты.

За время пребывания во дворце графиня мало задумывалась о его тайнах, но как оказалось – зря. Огромное строение скрывало тайные тайных коридоры и проходы, и сейчас было лучшее время ими воспользоваться. Когда Шарлотта со своей покровительницей спустилась вниз, чудом избежав столкновения со стражей, от темной стены в коридоре отделилось еще две фигуры.

– Боже мой! – голос Катрины дрожал и казался невероятно громким в этом гулком и длинном проходе, она поминутно оглядывалась и задыхалась от страха – Меня ведь предупреждали! Я должна была этого ждать!

– Эдвин! – ее величество повернулась к сыну. – Уймите вашу истеричную жену или она останется здесь, чтобы убедиться в правдивости предсказаний глупых старух!

Эта резкая фраза быстро произвела нужное действие – Ка-

трина замолчала и только дрожала всем телом, шагая между королевой и ее служанкой. Шарлоттту, которая был напугана не меньше, успокаивать было некому, поэтому она невольно вздрогнула, почувствовав чье-то прикосновение. Эдвин быстро приложил палец к губам, подавая знак молчать, и сжал ее руку в своей. Они спешно двинулись дальше, преодолевая черный, ужасающе длинный проход, который сначала сужался, а потом неожиданно закончился тупиком.

– Мы не туда свернули? – не выдержала Катрина, но королева не удостоила ее ответом.

– Эдвин, помоги мне! – она указала на слабо различимый люк в полу – пыльный, «украшенный» ржавым покоробленным кольцом.

Судя по отметинам, его когда-то его уже открывали, а значит, проход все же существовал. Когда тяжелая плита со скрежетом была откинута, внизу показалась крутая каменная лестница. Осталось сделать последний рывок – спуститься на несколько ступеней, согнувшись преодолеть коридор, и выбраться на открытый воздух. Вечер спустился непроглядно темный и сырой. Туман был таким плотным, что в пяти шагах ничего нельзя было различить. Четверо беглецов замерли, вдыхая сырой морозным воздух и понапрасну напрягая глаза. Наконец по приближающимся шагам они распознали неизвестного, который подал условный знак, дважды

поднимая фонарь.

– Слава Богу! – королева глубоко вздохнула – Идите за мной и молчите! Теперь нам осталось только доверится верным людям!

Покидая дворец, они еще не знали, что разразиться за этими стенами. В аду, полном заразного воздуха, остались не только приближенные короля, но и заключенные, которые ютились в тесных камерах. Те, что вынуждены были находиться рядом с больными, устроили настоящий бунт. Охранники в панике бросали свой пост, офицеры не могли навести порядок иначе, как применив оружие, и ни один из них не рискнул бы спуститься в самое пекло добровольно. В конце концов, арестованные были преступниками. Все, или почти все!

Это маленькое «почти» не оставляло Шанталю выбора. Его черный плащ развевался от быстрой ходьбы, а лицо оставалось каменным, пока пилер шагал мимо решеток, на которые бросались обреченные узники. Многие из них осыпали его отборной бранью, другие с мольбами хватались за рукава одежды, но он ни на кого не обращал внимания. Только оказавшись у нужной камеры, Шанталь повернул в замке ключ и без тени страха сразу шагнул внутрь. Кинжал в его руке был достаточным аргументом для первого же, кто попытался

уйти. Отшвырнув от себя заключенного, он поискал взглядом женщину, ради которой сюда явился. Жослина, не веря своим глазам, выбралась из угла, где пряталась, сжавшись в комочек.

– Выходи! – он быстро схватил ее за руку и вытащил в коридор, с силой захлопнув двери, на которые уже налегали двое мужчин. – Ты в порядке? Можешь идти?

– Что за вопрос?!? – фрейлина в порыве чувств бросилась своему спасителю на шею и на мгновение закрыла его рот поцелуем. Это было благородно и стоило больше, чем груда драгоценностей, но на выражение чувств у нее не было ни минуты. Зато было время на то, чтобы незаметно вытащить ключ и просунуть его через решетку Дерику. В конце концов, он долгое время был для нее лучшим любовником и не заслуживал смерти от страшной заразы.

Как только Жослина с пилером скрылись из виду, граф с трудом просунул руку между прутьями, вставил ключ в скважину и повернул, освобождая себя и еще троих заключенных. Раненого и двоих больных пришлось оставить, пусть о них позаботится Бог! Заключенные тут же бросились прочь, слушая проклятья тех, кто остался взаперти. Пустые коридоры не стали для них препятствием, только на выходе граф столкнулся с охранником и легко разоружив его, уложил на пол.

– Снимай форму! – приказ был достаточно понятным, чтобы пришлось его дважды повторять.

– Это вам не поможет! – офицер разоблачился, чтобы обменяться с Дериком одеждой. – Вы не сможете выйти из дворца без пароля!

– И какой же пароль?

– Не могу знать, он сменился час назад, и я опоздал! – охранник странно рассмеялся. Похоже этот уже отвоевался, и у него понемногу помутился разум.

Дерик двинулся дальше, но не к выходу. У него родилась безумная мысль, от которой сердце ускорило свой бег. Сейчас никто уже не сможет встать между ним и герцогом! Никто не помешает вернуть ему долг, который за последние месяцы приумножился стократно! Все, что требовалось – найти покой Эдвина, а в этом деле можно было положиться только на удачу. Свернув в длинный пустой коридор, где стелился дым от курительниц, Дерик на минуту задумался, куда ему двигаться дальше. Везде было тихо, двери наверняка на запоре, но вдруг ему в глаза бросилось нечто невероятное – по каменному полу босиком шла совершенно обнаженная девица. Она пошатывалась – от болезни или вина, трудно было сказать, но этот светлый силуэт невольно потянул графа за собой.

Он преследовал фрейлину на достаточном расстоянии, чтобы остаться незамеченным, но не потерять из виду, пока она не ввалилась в одну из дверей, из-за которой доносились голоса и смех. Похоже, при дворе не все подались страху, некоторые весьма весело проводили время. Помедлив секунду, Дерик схватился за ручку дверей – его соперник мог быть в числе тех, кто предается плотским утехам, и вряд ли эту компанию охранял воображенный офицер.

Граф глубоко вдохнул и распахнул двери, но на его появление почти не обратили внимание. Комната была полна людьми – полностью или частично раздетыми. В центре громоздился как попало поставленный столик, а на нем – несколько графинов вина и перевернутые стаканы. Дерик наступил на что-то скользкое и обнаружил гроздь раздавленного винограда. Парочка неподалеку от души развлекалась, подкармливала друг друга из рук, а кавалер пытался попасть ягодами в «прицел» на стене. После темноты камеры и мрака коридора глаза Дерики не сразу привыкли к свету, зато его заметил один из организаторов маленького праздника.

– О, господин офицер! Милости просим. Покажите нам, на что способно ваше боевое оружие! – раздался смех и мертвецки пьяный Ричард, шатаясь, побрел к неожиданному гостю и изображая ловкость, сорвал с него шляпу. Лицо принца вытянулось от удивления, но тут же приобрело восхищенное

выражение – Ба, да это мой старый друг Дерик! Великолепный маскарад! Каким судьбами тебя сюда занесло?

Граф молчал, а его кулаки непроизвольно сжались, чего никак не мог заметить пьяный принц. Он рассмеялся и махнул кому-то из присутствовавших:

– Вина! Налейте моему другу Дериду Рос Джонсу! Дамы, поспешите получить ваш лакомый кусочек!

– Где ваш брат? – глухо произнес гость, игнорируя все выпады в свой адрес.

– Мой дорогой братец? Увы, его с нами нет! Он предпочел сделать ноги и надо же, моя милая матушка составила ему компанию! Ему, как всегда, повезло, говорят, компанию составила одна известная нам дама!

Мощный хук тут же отправил принца в нокаут. Ричард распостерся на полу, оргия прервалась и дамы подняли визг, устроив ужасную свалку из голых тел. Прежде чем уйти, граф еще раз пробежал глазами по лицам придворных – Эдвина сред них не было, значит, его брат сказал правду.

Глава 22. Бастард и наследник

Стояла ужасная духота – ни малейшего дуновения ветерка, даже листья на деревьях понуро опустились от зноя. Эдвин безуспешно пытался уснуть, ворочаясь на влажной подушке, пока это не стало невыносимым. Он опустил на пол босые ноги и потягиваясь, побрел к столику, чтобы выпить еще один стакан лимонада и вытереть лицо мокрым полотенцем. Может дело было вовсе и не в жаре, а в собственных мыслях? Он три недели не видел Шарлотту и каждый раз под каким-то предлогом откладывал визит. Ему просто нечего было ей сказать – любовница продолжала жить в маленьком деревенском доме, и герцог не представлял, как решить проблему в будущем.

Все осложнилось и еще новостью – Катрина наконец-то забеременела и повсюду только и было разговоров, что про рождение законного наследника. По такому случаю ее величество пригласила Эдвина и вручила ему одну из реликвий – золотой крест с алмазами. Реликвию передавали по наследству уже несколько поколений, и она должна была достаться Катрине. Достойный подарок матери наследника! О Шарлотте она, конечно, не упоминала. Единственное, чем ее величество готова была помочь – позаботиться о судьбе внука...

Поток этих мыслей внезапно прервался – было полнолуние, и Эдвин отчетливо увидел всадника, приближающегося к дому. Ночной визитер никак не мог принести хороших новостей, и герцог решил не томиться в ожидании. Когда он уже накидывал халат, Катрина проснулась и с недовольством взглянула в его сторону.

– Куда ты собираешься?

– Спи, я скоро вернусь, – он не имел не малейшего желания с ней объясняться.

– Опять твои тайны? – в качестве подтверждения догадок Катрина услышала шаги в коридоре.

Слуга как можно тише постучал, и Эдвин сразу бросился открывать двери. Они шепотом обменялись несколькими словами, и герцог вернулся в спальню, держа в руках запечатанный конверт.

Пока он зажигал свечу, Катрина выскочила из постели, но прочесть содержимое послания ей не удалось. Герцог быстро пробежал его глазами и молча начал одеваться.

– Что случилось? Опять кто-то умер? – с таким же успехом она могла обращаться к стенке. – Кто прислал письмо?

– Катрина! – Эдвин схватил ее за руку и подтолкнул к кро-

вати – Я сказал, ложись спать, это тебя не касается!

Герцог метался по комнате, хватая то одно, то другое, потом вдруг на минуту остановился, подошел к туалетному столику и открыл какую-то шкатулку. Высыпав половину ее содержимого, он схватил подарок матери и зажал в ладони. Хватило секунды, чтобы Картина заметила это и превратилась в настоящую фурию.

– Ах, значит, вот в чем дело? Ты едешь к ней, да? Хочешь поддержать на руках своего бастарда?! – ее красивое лицо перекосило от злости. – Или ты думал я ничего не знаю? Можешь ехать, но положи крест обратно, он предназначен для меня, а не для шлюхи с ее ублюдком!

– Уйди с дороги! – у Эдвина (невероятно!) дрожали руки, но его жена была еще более упрямой. Тогда он оттолкнул ее, не соображая, что делает, и не оборачиваясь ушел. К счастью, герцогиня упала удачно – в стоящее рядом кресло, но этот случай окончательно стер мужа из ее сердца.

В своих догадках жена принца была абсолютно права – он спешил к любовнице, и сходил с ума от страха. Роды оказались тяжелыми, и доктор не мог обещать, что Шарлотта доживет хотя бы до утра. Дьявол и вся преисподняя, она могла умереть даже до его приезда!

К этому моменту Шарлотта уже не понимала, что происходит вокруг: лица и голоса слуг, акушерки и доктора слились воедино. До сознания доходили только обрывки слов, и все чаще она проваливалась в блаженную темноту. Посреди этого кошмара, из которого, казалось, уже не было выхода, внезапно распахнулись двери спальни. Эдвин, который был бледнее мела, в два шага пересек комнату, сбросил плащ под ноги и обхватил ее голову со спутанными мокрыми волосами.

– Даже не думай умереть! – он прижался к Шарлотте щекой, поцеловал и искусанные губы. – Ты должна справиться, слышишь меня?

За спиной у герцога тихо переговаривались две женщины. Одна из них – совсем древняя старуха – что-то говорила акушерке, но та с сомнением покачала головой, прежде чем обратиться к принцу.

– Ваша светлость – прошептала она, склонившись прямо к его уху, – тут никто не поможет кроме бога, но я знаю одно средство...

– Так говори! – он чуть не вытряхнул из нее душу, и служанка молча указала на старуху.

– Скажу, только пообещайте, что меня не отправят на костер, как ведьму! Я хочу позаботиться о своей душе, пока еще есть время.

– Ну же?! – Эдвин чувствовал, что каждый его нерв напряжен до предела, хотелось зажать уши, чтобы не слышать крика, который Шарлотта заглушала, пряча лицо в подушку.

– Снимите с нее сорочку. Пусть отец переступит туда и обратно!

– Чокнутая бабка! Что за чертовщину ты несешь? Ладно... – он был готов на все, чтобы не слышать протяжных стонов – Делайте уже, что надо!

Пока они разговаривали, одна из девушек бросилась исполнять приказ. Смятую сорочку Шарлотты бросили поперек порога и подтолкнули принца к двери. Чувствуя себя сумасшедшим, он сделал два шага – на выход и обратно. Это было полным безумием, но внезапно голос графини изменился – она схватила сидящую рядом акушерку за руку и приподняла голову. Вокруг кровати тут же столпились люди.

Женщины оттеснили герцога в сторону, чтобы совершить свой таинственный ритуал. Все, что ему оставалось – стоять, вцепившись пальцами в свои волосы и ждать, ждать...

Крик ребенка показался принцу самым чудесным звуком на свете. Он был долгожданным и вместе с тем неожиданным. Из глаз Эдвина хлынули слезы радости, кажется, он даже прочел какую-то забытую с детства благодарственную молитву, прежде чем акушерка повернулась к нему и сообщила:

– Это мальчик! Ваше высочество, у вас сын!

Она невероятно долго копошилась прежде, чем поднести к нему сверток. Из пеленок выглядывала крошечная ручка и Эдвин поцеловал ее, прижимая к груди драгоценную ношу. Час спустя в комнате не осталось никого, кроме Эдвина, молодой матери и крепко спящего ребенка. Герцог покачивал малыша, завернутого в пеленки, и с улыбкой разглядывал каждую черточку лица.

– Как ты хочешь его назвать? – слабо улыбнулась Шарлотта. Она очень устала и хотела одного – закрыть глаза и поскорее уснуть.

– Судя по храбрости, с которой он прокладывает себе дорогу – Артур. Есть правда еще традиция давать второе имя в честь деда, но я не знаю, как тут поступить. – Эдвин поднялся и положил младенца в люльку, а сам сел на краешек кровати.

– Что ты имеешь ввиду?

– То, что я должен назвать сына в честь короля, а он не может быть его дедом. Я не рассказывал этого ни одной живой душе, но мне довелось видеть своего настоящего отца, правда только раз. Его имя не принесет ничего хорошего!

– Разве это имеет сейчас значение? Он дал тебе жизнь, а ты – нашему мальчику. И потом мы можем назвать его в

честь моего отца – Уильям!

– Артур Уильям Боуди... мне нравится! – Эдвин наклонился и поцеловал Шарлотту в губы. – Кстати, я совсем забыл. Если уж соблюдать традиции, то за первенца в моей семье дарят вот это!

Он порылся в нагрудном кармане, достал золотой крест. Это было чудесное украшение, за такое можно получить целое состояние, и Шарлотта покачала головой.

– Ничего не хочу знать! – улыбнулся новоявленный отец. – Это семейная реликвия. Мне дала его королева, специально для тебя, горошинка, и я хочу, чтобы ты его не снимала!

Эдвин вернулся домой только к вечеру и обнаружил, что супруга с ним не разговаривает. Катрина молча просидела за столом во время ужина, и не говоря ни слова ушла спать к себе. Этот факт несколько не расстроил герцога – он был в том благодушном состоянии, когда с плеч вдруг падает огромный груз. Любовница родила ему сына, он избавился от угрызений совести и был склонен «немного пошалить». Хорошенькая служанка, которую наняли только недавно, вовремя попала на глаза герцогу, и он как бы невзначай оказался рядом, вооружившись двумя стаканами.

– Ты когда-нибудь пробовали вино? – он заставил девицу

покраснеть.

– Нет, ваша милость, только во время причастия!

– Теперь попробуешь!

Эдвин дождался, пока горничная сделает несколько глотков, но сразу покачал головой.

– Надо допить до дна! Я сегодня очень счастлив и мне нужна спутница, чтобы разделить мою радость! – осушив свой стакан, он обнял служанку за талию. – Ты же не хочешь, чтобы я страдал в одиночестве?

– Но как же... а ее светлость? – запнулась малышка, слабо сопротивляясь неожиданной атаке.

– Ее светлость уже спит и потом, ей нужно себя беречь!
Иди сюда!

Парочка нырнула с нишу – одно из тех удобных мест, где под завесой тяжелых штор можно было укрыться от чужих глаз. В своем доме Эдвин ничего не опасался, а в случае с горничной – и подавно. Его бессовестные руки быстро познакомились со всеми округлостями и пробрались под подол платья. В этом было что-то свежее и новое: хорошенькая и не слишком умная девица. Герцог был пьяным, довольно грубым, и взял ее сразу без поцелуев и излишних нежностей. Пока длилась эта любовная атака, в полутемной гостиной были слышны только короткие стоны и шумное ды-

хание. Все закончилось быстро, но это был еще не финал. Когда, поправляя одежду, он откинул занавеску, то увидел сидящую в кресле жену. Горничная несмело вышла из-за его спины, покраснела до корней волос и что-то прошептала, выскочила прочь.

– Как хорошо вы проводите время, дорогой супруг! Наконец-то я увидела все своими глазами и поняла, почему вы ко мне всегда так холодны. Вам нравятся женщины попроще, что-то близкое к деревенской девке. Кстати, говорят ваша фаворитка именно так и живет – в каком-то доме в ближайшей деревне? Или это только сплетни?

– На твое месте, Катрина, я шел бы спать! Если ты пытаешься меня шантажировать, то забудь, у тебя ничего не получится!

– Неужели? – она ехидно улыбнулась. – Кто же мне помешает на этот раз? Блора больше нет...

– Ты маленькая, ядовитая змея! – лицо Эдвина приобрело злое и вместе с тем страдальческое выражение. – Смотри, чтобы мне не пришлось вырвать твое жало!

Он ушел, хлопнув дверью и оставил жену строить план мести, который давно зародился в этой красивой головке...

Два дня спустя к деревенскому дому подкатила карета, из которой вышла красивая молодая женщина. Она представи-

лась старинной подругой мадам Сеймур и сообщила, что хочет поздравить ее с новорожденным. За время пребывания Шарлотты в своем вынужденном изгнании к ней ни разу не навевались гости, но никаких запретов на этот счет домоправительница не получала и даже обрадовалась, что госпожа пообщается с такой хорошенькой подружкой.

Молодая мать понемногу поправлялась, хотя была все еще слабой и не вставала с постели. Когда к ней в комнату поступали, она кормила мальчика грудью – ни о каких кормилицах графиня не желала даже слышать!

– Мадам, к вам гостя! Позвольте, я заберу Артура! – служанка вошла, предупреждая появление Катрины.

– Спасибо, Лиза, в этом нет необходимости! Я тебя позову! – Шарлотта, не отрываясь, смотрела на визитершу, а та в свою очередь, оглядывалась вокруг с явным чувством удовлетворения.

– Вижу, что вы меня не ждали, – она как ни в чем не бывало подвинула стул к кровати и села рядом с соперницей, – но я не могла удержаться, очень хотелось вас поздравить. Так значит родился мальчик?

– Да, вас не обманули.

– И имя Эдвин уже придумал? Уверена это его прихоть, не правда ли?

Шарлотта немного порозовела. Такой разговор не мог привести ни к чему хорошему, тем более что сейчас она была беспомощной и полностью зависимой от воли своего любовника.

– Что вы, собственно, хотите узнать? Да, имя ребенку дал отец, рано или поздно вам стало бы об этом известно. Вы вправе ненавидеть меня, Катрина, но это ничего не изменит!

– Ненавидеть?! – герцогиня рассмеялась. – Вы преувеличиваете свою роль в жизни принца! Подозреваю, что с его сексуальным аппетитом внебрачных детей будет достаточно.

– В таком случае, я благодарна за визит, попросить вас проводить, ваша светлость?

Ребенок наелся и уснул, Шарлотта осторожно отняла его от груди и прикрыла простыней, но этой секунды было достаточно, чтобы Катрина увидела на шее соперницы подарок Эдвина. Лицо герцогини резко побледнело, она вцепилась в подлокотник стула и с большим трудом овладела собой.

– Я не задержусь и даже обещаю оставить вас в покое, при одном условии – верните то, что принадлежит мне!

– Я вас не понимаю...

– Крестик на вашей шее... это реликвия рода Боуди, его не может носить шлюха! Мой сын появится на свет через семь месяцев, и эта вещь предназначалась для меня!

– А теперь послушайте меня, герцогиня! Никто не давал вам права сыпать оскорблениями! Сначала выносите и родите ребенка! – никогда еще Шарлотта не была такой жестокой. – Сколько детей при дворе доживает до пяти лет? А до совершеннолетия? Артур будет всегда стоять у вас за спиной. Он сын принца и получит все, что должен иметь наследник!

– А это мы еще посмотрим!

Катрина выскочила из комнаты и пронеслась по коридору, как настоящая фурия. Служанка, которая несла поднос с холодным лимонадом, едва успела отскочить в сторону и в изумлении взглянула гостье вслед.

Глава 23. Возвращение блудного мужа

Катрина была переполнена обидой и гневом. Не далее, как вчера королева узнала о рождении внебрачного ребенка, но не пожелала даже пальцем пошевелить, чтобы принять какие-то меры. Шарлотта пользовалась всеми привилегиями молодой матери – получала заботливый уход и даже подарки. Правда Эдвин больше не навещался к ней – по случаю рождения первенца он устроил грандиозную попойку и теперь лежал с опущенными шторами, страдая от мигрени. Это было именно то, чего желала Катрина – в его отсутствие она могла беспрепятственно явиться в деревенский дом и поговорить с нужным ей человеком.

Собственноручно причинить вред младенцу герцогиня не смогла бы, мысль о том, чтобы подбить на это кого-то другого она тоже быстро отмела (уж очень страшной была перспектива у детоубийцы). Последним средством оставалось похищение. Исчезнет ребенок – исчезнет и сама Шарлотта, Эдвин погорюет и быстро найдет утешение в объятиях у другой фаворитки. Для этого нужно было подкупить несколько человек, но главное – няню маленького Артура, не отходяв-

шую от ребенка ни на минуту.

Размышляя таким образом, Катрина, выскользнула из дома и села в карету, чтобы под видом прогулки съездить в деревню. Она была поглощена своими мыслями, и внезапно распахнувшаяся на ходу дверца заставила вскрикнуть от неожиданности. Катера покачнулась и продолжила путь, а внутрь пробрался незнакомец, который тут же удобно устроился напротив.

– Я богата, но с собой у меня немного! – герцогиня трясуцимися руками достала из сумочки расшитый кошелек. – Есть еще кольца, возьмите все, кроме обручального!

– Как трогательно! – мужчина не пошевелился, но его губы скривились в усмешке. – Вы настоящий пример супружеской верности, пытаетесь сохранить самое дорогое. Заберите кошелек, ваша светлость. Меня интересуют совсем не ваши деньги!

– Тогда что вам надо? – она в ужасе уставилась на проникшего в карету «гостя».

– Ваша помощь, и я уверен, вы мне откажете. Соболаговолите сказать, куда вы сейчас направляетесь? Хотя нет, можете не говорить, я довольно давно слежу за домом. Мне любопытно другое – что вы собираетесь делать в обиталище мадам Сеймур? Отравить ее? Задушить бастарда?

– Вас подослали, чтобы за мной следить? Она вас наняла?!

Несмотря на жару Карина почувствовала ледяные объятия страха, ее сердце колотилось как сумасшедшее, а глаза перебежали с дверцы кареты на лицо своего спутника. Его спокойствие пугало даже больше, чем попытка силой отобрать ценности или воспользоваться женским телом.

– Не думаю, что прыгать на ходу хорошая идея, – он быстро прочитал ее намерения, – чтобы вас успокоить, мне придется кое-что рассказать. Времени нам хватит, так что позвольте представиться – Дерик Рос Джонс, муж пресловутой мадам Сеймур. Вы молчите? Ну что ж, удивлю вас еще больше – я уже довольно давно ищущую свою супругу, которая так хорошо спряталась под крылом у короля.

– Если вы знаете, где она находится, зачем вас я? – ошарашенно проговорила герцогиня. У нее в голове не укладывался весь масштаб обмана.

– Ну во-первых вам не менее выгодно избавиться от соперницы. Во-вторых, вы входите в дом, куда я не хотел бы врываться силой. И в-третьих, мое появление должно быть обставлено с размахом, и вы мне в этом поможете. Давайте не будем тратить время и обсудим детали...

Что бы там не планировали за спиной Шарлотты ее недруги, она ничего не подозревала об их планах. Доктор позволил ей понемногу вставать, ребенок был спокойным, и графиня с

удовольствием вышла из дома – впервые за последнюю неделю. Прогулка была приятной, но очень быстро томила молодую мать, к тому же, грудь покалывало от прибывшего молока, и служанка уговорила свою госпожу вернуться в дом.

– Принести мне Артура – Шарлотта переделалась в домашнее платье и поудобнее устроилась в кресле.

Мальчик был таким чудесным подарком, такой радостью в ее жизни, что затмил собой даже любовь к Эдвину. Ей было горько, что герцог не приехал их проведать, но куда важнее видеть пухлые щечки своего сына и темные завитки волос на его макушке. Время шло, она уже начала дремать, устроившись среди мягких подушек, как вдруг в комнату вбежала насмерть перепуганная няня.

– Ваша милость... не знаю, как это случилось, я отвернулась только на одну минуту!

– В чем дело? – Шарлотта почувствовала, как у нее темнеет в глазах.

– Артур, он пропал! – бедная служанка тряслась как осиновый лист.

– То есть как пропал? Когда?!

Обе они побежали в детскую. Кроватка оказалась пустой, никто – ни горничная, ни домоправительница, ни слуги не

видели никого постороннего. Окна были надежно заперты, а в комнате – никаких следов. Вскоре все жители дома уже обыскивали двор, по следу пустили собак, но они быстро потерялись у дороги.

– Стало быть, его увезли, не иначе! – кучер с одним из парней поплелись обратно, свиснув собаке, – Кому ж это такое в голову пришло?

– А может это та расфуфыренная дама, что приходила к поварихе?

– Какая дама?

– Ну та, что приезжала утром в карете. Такая нарядная, с черными волосами!

Ругая бестолкового слугу, кучер бегом бросился в дом. Управительница приказала тут же привести повариху на допрос, но вскоре служанка вернулась одна – та, кого они искали, тоже пропала. Все, что им удалось узнать – няню позвали на минутку на кухню – забрать укропный отвар для ребенка, а вернувшись, она застала колыбель пустой. Теперь можно было рассчитывать только на помощь полиции и еще на свои силы, которые были нужны, чтобы поддержать хозяйку

– Ваша милость, не убивайтесь так! – горничная и сама плакала – Вот увидите, его найдут! Это же сын его светлости, не кто-нибудь! Да он землю перевернет ради своего сы-

ночка! Ему уже и записку послали, скоро все уладится!

Бедная девушка по простоте душевной не могла даже представить, на что готова такая женщина, как Катрина Бюди. Никаких записки Эдвин не получил. Более того – ему пришлось сидеть возле жены, которая вернулась с прогулки, страдая от головокружения и тошноты. Почти сразу послали за доктором и королевой, чтобы дать полезные советы будущей матери, пожурить и успокоить. В итоге герцог вынужден был удовлетворять капризы жены, а Шарлотта была представлена сама себе и дошла до крайней степени отчаянья.

Полицейский уже опросил от местных жителей, но это не привело ни к какому результату: похитители словно сквозь землю провалились. Только под вечер горничная примчалась с новостью – приехал офицер и хочет поговорить с графиней наедине.

Полицейского проводили наверх, в маленькую комнату, обставленную без каких-либо излишеств. Шарлотта сразу бросилась гостю навстречу – бледная как мел, с глазами, опухшими от слез. Он притворил двери и взглянул на нее сверху вниз, так и не дождавшись слов приветствия. Онемевшая от неожиданности, графиня решила, что сходит с ума – перед ней был никто иной, как законный муж, и его появление не могло быть совпадением.

– Вижу как вы удивлены и обрадованы, сударыня, – на его щеках ходили желваки, – признаюсь и я удивлен обнаружить вас воскресшей. Позвольте войти?

Шарлотта была слишком поражена, чтобы что-то возражать и отступила в сторону, а Дерик продолжил свой монолог:

– Помнится в какой-то книге я читал: для обманутого мужа нет большей радости, чем застать свою жену в слезах, а соперника – по пути на плаху. Со второй частью мне не повезло...

– Что вам от меня нужно? – еле слышно спросила Шарлотта. – Вы отнимаете у меня время, я жду важных новостей.

– Действительно важных?

– У меня пропал сын. Судя по тому, что вы пробрались сюда обманом, вам это известно, – она пошатнулась и Дерик вынужден был подхватить жену и усадить в кресло. Когда она выпила воды и немного пришла в себя, он как ни в чем не бывало продолжил:

– По части обмана мне до вас далеко, мадам Сеймур, или вы теперь зоветесь еще каким-то именем? Я приближался к вам уже несколько раз и всякий раз вы умудрялись ускользнуть в последний момент. Я дважды похоронил вас – сначала

в реке, где вы утонули, потом во дворце, заполненном большими оспой. Даже не знаю, сколько заупокойных молитв за вас уже прочитали, Шарлотта!

Он остановился напротив, чтобы продолжить свой рассказ.

– Вижу, вы хотите спросить, как же это я остался жив? Почему меня не заколол ваш друг Блор? Как я не сгорел вместе с домом, который подожгли добрые люди и как я, черт возьми, вышел живым из тюрьмы? Вы молчите? Так вот – я не какой-то там бастард, родившийся от приезжего князька. Мой отец избежал смерти на галерах, когда его взяли в плен, моя мать заколола семерых мужчин, чтобы защитить меня. Я не так просто сдаюсь, даже если со мной хочет посоревноваться так называемый принц!

– Я ничего об этом не знала! – Шарлотта судорожно вздохнула.

– Не сомневаюсь! – он вспыхнул так внезапно, как будто к невидимому пламени поднесли спичку. – Вас использовали в грязной игре развратной семейки! Вы знаете, что ваш драгоценный Эдвин сделал ставку на то, что он вас соблазнит? Он поспорил с Ричардом и взял в свидетели нескольких придворных, я слышал это из их собственных уст. Я мог убить

вашего любовника, когда он был в моих руках и жалею, что не сделал этого! Если бы я прикончил его тогда, вы не были бы здесь сейчас, Шарлотта и не оплакивали свою участь!

– Мне все равно, что вы сделаете со мной, поступайте, как вам угодно, только скажите, где мой сын? – она упала на колени и схватила графа за руку.

Дерика захлестнули чувства – убить или задушить в объятиях, одно желание сменялось другим в те недолгие несколько минут, пока она была у его ног. Пришлось поднять ее силой и схватить за плечи, чтобы посмотреть прямо в глаза.

– Как видите, графиня, ваш любовник не в состоянии защитить ни вас, ни ребенка, которого считает своим. С младенцем все в порядке, но вы его больше не увидите. Живите, если можете!

– Дерик! – это был крик отчаянья. – Зачем, для чего вам мой сын, чтобы заставить меня страдать?! Может тогда проще сразу избавиться от меня?

В ответ он выхватил кинжал, спрятанный за поясом, и направил его прямо ей в сердце. В ушах у него шумело, а лицо стало бледным, как полотно:

– Жаль, что я не могу этого сделать!

То, что произошло потом, сложно б охватить разумом. Может быть, у Шарлотты от горя помутился разум, а может это был последний жест отчаянья, но она схватила Дерика за руку и вонзила острие себе чуть ниже груди. По одежде расплзлось красное пятно, тело мгновенно ослабло, а широко распахнутые глаза смотрели на графа в немом удивлении. Он тут же подхватил ее на руки и в два шага пересек комнату, чтобы уложить на кровать.

– Сумасшедшая! – Дерик схватил первое что попало под руку, скомкал полотенце и прижал рану, – Не двигайся, рана неглубокая, но будешь дергаться, кровь не остановить!

– Вот и хорошо! – прошептала она. – Теперь вы оба от меня освободитесь!

– Летти, посмотри на меня, не закрывай глаза! Тебе нельзя засыпать, не двигайся, я сейчас позову людей!

– Не надо! – она попыталась схватить графа за руку и по лицу пробежала судорога боли, а перед глазами пронеслось только ей одной известное видение – Жаль я не увижу, каким он вырастет!

– От таких ран не умирают, увидишь! Черт, я должен тебе сказать...

Шарлотта уже не слышала последних слов, боль, пережитый страх, вид крови сделали свое дело. На шум прибежали

слуги, Дерика смогли оттащить от графини только втроем, он выглядел обезумевшим, и никто не сомневался, что кинжал в груди – его рук дело. Прежде, чем графа вытолкали в двери, он успел бросить на жену прощальный взгляд, понимая, что больше никогда ее не увидит.

Глава 24. Сожженные мосты.

Говорят, месть – самая сладкое блюдо на свете, но Эдвину почему-то больше так не казалось. Арест Дерика избавил его от тени за спиной, но не принес ожидаемого удовлетворения. Граф уже две недели находился за решеткой, к нему даже применили допрос с пристрастием, но ничего нового о пропавшем ребенке он так и не сообщил. Оставалось заливать горе вином, причем герцог делал это в таком количестве, что почти не бывал трезвым. В конце концов у Катрины лопнуло терпение, и она прибегла к последнему средству – написала королеве. Ответ пришел буквально на следующий день.

– Я получила весточку от ее величества, – Катрина помахала конвертом у Эдвина перед лицом – Она хочет нас видеть и написала заранее, чтобы я могла неспеша собраться.

– Я никуда не еду, – с полным равнодушием в голосе сообщил герцог. – Ответь ее величеству, что мне нездоровится.

– О, это конечно ее очень утешит! Дорогой муж, вы не забыли, что у королевы именины?

– Вам хочется развлечься, понимаю! – пробормотал он себе под нос. – Можете ехать, я не буду возражать!

– Нет, это невыносимо! Мало того, что все вокруг только и говорят о «несчастном малютке», так вы еще и подливаете

масла в огонь! Сегодня об этом судачат слуги, а завтра заговорит весь двор, какое мнение о вас сложится?

– Никакое! – Эдвин вскочил – К вашему сведенью, моя дорогая матушка уже пресекла все слухи. Ребенок умер – такое случается на каждом шагу. Никакого похищения не было, так что сплетничать у вас за спиной не будут, можете спать спокойно!

В его словах была чистая правда. До этого дня Эдвин жил, опираясь на любовь и поддержку матери, но этот ее поступок был выше его понимания. Тем не менее, королева действовала, тщательно взвесив возможные последствия и в первую очередь заботилась о репутации сына. Была в ее поступке и еще одна цель – вытеснить из его сердца Шарлотту. Маленький праздник, организованный по случаю именин, стал отличным поводом для того, чтобы выманить принца из его берлоги и помочь отвлечься.

Как ни возражал Эдвин вначале, было ясно, что он не может пропустить такое событие. Поездка должна была занять как минимум неделю, а при удачных обстоятельствах и больше. Единственным, что тяготило его и мешало принять решение оставалось состояние Шарлотты. Первые трое суток она пролежала в нервной горячке, но потом произошел неожиданный перелом, и графиня начала понемногу выздоравливать. Ей стало лучше физически, но не морально,

а Эдвин всегда был плохим товарищем для тех, кто страдает. Слова утешения у него скоро закончились и каждый новый визит превратился в медленную пытку. Она не выпускала из рук погремушку Артура, плакала и умоляла дать ей возможность увидеть Дерика. Эти настойчивые просьбы и стали причиной окончательной размолвки.

– Я перестал тебя понимать, Шарлотта! Ты превратилась в стену плача и ведешь себя как сумасшедшая! Я тоже страдаю из-за Артура и мне страшно подумать о том, что с ним случилось, но на этом жизнь не закончилась! Я так больше не могу. Если тебе нужен бывший муж – пожалуйста, можешь идти и попросить прощения, пока его не повесили! – он уже дошел до дверей, но у самого выхода остановился.

Понадобилось пара минут, чтобы овладеть собой и вернуться к постели больной, которая не возразила ни единым словом и ни в чем его не упрекнула. Она взяла Шарлотту за руку – совсем безжизненную – и долго смотрел на нее, как будто хотел различить знакомые черты.

– Горошинка, я хочу вернуть тебя прежнюю! Мне не хватает тебя такой, как ты была когда-то давно, помнишь. В тот день, когда к нам в окно залетел тот чертов фейерверк? Тогда ты даже не задумывалась, кого из нас выбрать.

– Я и сейчас об этом не думаю.

– В таком случае, не говори мне больше про Дерика! Ты вбила себе в голову, что ему известно, где Артур. Но подумай сама, если уж пилер не выбил из него правду...

– Ты не знаешь Дерика, – Шарлотта как-то странно посмотрела на Эдвина. – Он ничего не скажет пилеру и вообще никому, может быть только мне.

– Даже так?! На дыбе откровенничают меньше?

– Эдвин! – ее лицо потеряло оставшуюся краску – Не может быть, чтобы ты был таким жестоким! Он ведь тебя пощадил, я это знаю...

– Так вы успели побеседовать по душам? – он отпрянул и отпустил ее руку. – Пощадил?! Он взял с меня слово, что я никогда к тебе не приближусь. Я был безоружным, с разбитой головой, а твой муж приставил мне нож к горлу! Впрочем, я не собираюсь это больше обсуждать. Поступай как знаешь, может он и правильно хотел, чтобы мы были подальше друг от друга!

– Эдвин, подожди! – Шарлотта смотрела ему в спину, а секунду спустя герцог хлопнул дверью и ушел. Спотыкаясь и держась за бок, она с трудом выбралась из кровати, но догнать его не успела – еще на лестнице вчерашняя фаворитка услышала, как тронулась с места лошадь, остановить которую ей было не по силам.

Разозленный и разочарованный, Эдвин по пути домой чуть не свернул себе шею. Он был чернее ночи, с порога

взлетел по ступенькам наверх и распахнул двери в спальню жены. При виде его возбужденного лица Катрина выронила томик, который третий день «читала» на одном и том же месте.

– Собирайся – рявкнул он, скидывая с себя дорожную одежду. – Уедем завтра, я сам напишу ее величеству!

Это была маленькая, но очень сладкая победа Катрины. Она быстро сообразила, что между любовниками произошла размолвка и теперь ее сердце ликовало. Все-таки некоторым мужчинам можно доверять – муж Шарлотты действительно знал, как воздать ей по заслугам. Ну а то, что ему теперь отрубят голову или повесят – так они больше ничем не были связаны. Пребывая в радужном настроении, герцогиня позвала служанку и целый вечер была занята выбором платьев. Беременность пока не была заметна – можно и покрасоваться на балу, где она, несомненно, станет самой роскошной и любимой всеми гостьей.

Этого бала ждал и сама королева. Она позаботилась о том, чтобы среди гостей оказалось побольше молоденьких фрейлин, и лично убедилась, что все они «девушки без прошлого». Никаких интриг, тайных венчаний и внебрачных детей – просто миловидные создания, которые буду кокетничать, танцевать и проигрывать в карты, чтобы развлечь герцога.

Как ни странно, это простой план сработал на «ура». Эдвин снова оказался в привычной для него среде, рядом с людьми, которых мало заботило что-то кроме выпивки, охоты, лошадей и разовых увлечений. Он наконец-то выдохнул с облегчением и даже с интересом стал присматриваться к хорошеньким фрейлинам.

– Ваше величество – закипая изнутри, но стараясь сохранить улыбку на лице, заговорила Катрина. – Вы ведь организовали это специально? Мой дорогой супруг, как бы это выразиться повежливей, уже поддался влечению...

– Я всегда считала вас умной женщиной, моя дорогая, – довольно холодно заявила королева, – в сложившейся ситуации самое лучшее, что мы можем предпринять – предложить Эдвину новую игрушку. Пусть забавляется, здесь нет ни одной опасной для вас особы.

– Вы поощряете его походы налево?! В моем присутствии?

– Если вы не успокоитесь. Катрина, я буду настаивать, чтобы вы пораньше ушли к себе. Когда у вас родится сын, ваш супруг забудет несчастный случай, который произошел с его первенцем, но до тех пор эту пустоту нечем заполнить. У некоторых женщин получается сделать это особым образом, и будет лучше, если вы не станете придавать этому какое-то значение.

На этом перепалка между женщинами закончилась, хотя обе остались при своем мнении, и обе ошибались в отношении герцога. Он действительно сделал все, чтобы выбросить из головы тяжелые мысли, но предавался светским развлечениям со слишком уж показным воодушевлением. Когда после тура танцев установили карточные столики, его уже не было видно среди гостей. Напрасно Катрина пробегала взглядом по укромным уголкам – герцог предоставил другим шептаться и кокетничать, и сразу пошел на абордаж. Королева успела заметить, как он исчез в компании изящной брюнетки, но благоразумно отвлекла внимание, предложив невестке сыграть партию.

– Мне казалось, мужчины только и ждут возможности сыграть в карты, вы не поклонник азартных игр? – фрейлина следом за Эдвином удалилась от общества в гостевую спальню, которую давно прозвали «комнатой для свиданий». Спальней она могла называться с большой натяжкой – пара мягких кресел, банкетка на низких ножках, столик для подачи кофе или вина.

– Вы очень проникательны, я люблю другие игры.

– Тогда мы может попробовать одну модную сейчас игру – со смехом предложила девушка, отбирая у него руку – Игра называется: «Поцелуй капуцинки», не смейтесь, это очень серьезно. Сначала нужно встать спиной друг к другу, смелее, опирайтесь на меня! Теперь сцепим руки в замок...

– Я попробую, только скажите, нас смогут распутать только утром?

– Я не думала над этим, но такая мысль мне нравится. А теперь поверните голову, ваша светлость, и поцелуйте меня...

В неудобстве позы и состоял весь фокус. Фрейлине пришлось еще сильнее прижаться к Эдвину и запрокинуть голову, дотягиваясь до него губами. Лицо у принца горело, и она приняла это за жар нетерпения, принимая новые правила игры. Их руки расплелись, Эдвин так и остался у нее за спиной, но теперь обхватил ее за талию и поцеловал в шею, на которую падали темные завитки волос. Это были приятные прикосновения, и девица с трепетом ждала продолжения, уже рисуя в воображении долгую ночь, полную любовных игр. Какое же это было разочарование! Настроение Эдвина было похоже на ртутную каплю – только что он был нежным и внимательным, но вдруг словно очнулся от окутывавших его бархатных чар. Теперь это было больше похоже на борьбу, чем на ласки, он даже не позволил себя обнять, а вместо этого затиснул ее возле спинки кресла, задрал подол и взял, как обычную уличную девку. Фрейлина могла поклясться, что на бедрах у нее останутся синяки от его пальцев и она справедливо решила, что он просто вымещает на ней злость, связанную совсем с другой женщиной.

Насколько это соответствовало правде, Эдвин сказать не мог. С ним творилось что-то непонятное – желание забыть Шарлотту сменялось острой потребностью ее вернуть, так что на следующее утро он даже не мог вспомнить лица вчерашней фаворитки. Правда вдали от дома было меньше болезненных воспоминаний: партию в бильярд сменила верховая прогулка, постановку домашнего театра с пастушками – игра в карты на деньги. Постепенно он погрузился в какое-то оцепенение – ему было все равно чем заниматься и в чьем обществе проводить вечер. Королева вовремя подметила эти перемены и решила на главный шаг, который, по ее мнению, должен был расставить точки над «и».

– У вас ко мне какое-то дело? – Эдвин отложил книгу, в которую безуспешно смотрел уже двадцать минут, и перевел взгляд на ее величество.

– Да, я хочу кое-что с тобой обсудить и очень прошу не повышать на меня голос, когда я поделюсь своими намерениями.

– Не слишком вдохновляющее начало, но я слушаю, это будет касаться, конечно, моей личной жизни? – он сложил руки на груди в знак самообороны.

– Можно сказать и так. Я думаю, ты должен позаботиться о мадам Сеймур. Она многое перенесла и ей потребуется не только время. Я вижу, что ты приготовил мне список возражений, но все-таки прошу дослушать! – она сделала паузу,

давая Эдвину время взять себя в руки. – Я считаю, что ты должен назначить ей содержание. Ее муж в тюрьме, а собственных доходов может оказаться мало для приличного существования. Нельзя, чтобы она скатилась на самое дно!

– Матушка, вы говорите сейчас о Шарлотте или о какой-то шлюхе, которую я по пьяной случайности приютил на одну ночь? Я люблю эту женщину!

– Прекрати паясничать! Если бы ты ее любил, то был бы сейчас в деревне, где она лежит с перевязками, окруженная запахом лечебных снадобий. Все, что ты сейчас чувствуешь – это вину, поэтому сделай так, чтобы она тебя не мучила. Вот бумага, – она положила на столик чистый лист, – ты напишешь письмо поверенному и записку для Шарлотты. Если это так тебе необходимо, попроси прощения, но бога ради, поставь точку в этом бессмысленном романе!

Эдвин выслушал эту лекцию, чувствуя отвращение к самому себе. Мать, как всегда, была права – находиться в «больничной палате» и утешать убитую горем мать было для него не вмоготу. И все же, в нем шевельнулись чувства...

– А как же мой сын? – его рука застыла над бумагой.

– Если мальчик найдется, я лично займусь его судьбой. Это я тебе обещаю!

Глава 25. Свадьба под виселицей

– Это правда, что она написала прошение о помиловании? – в голосе Катрины были нотки недоверия.

– Да... Уже третье по счету.

– И есть шанс, что Дерика оправдают? Мне кто-то говорил, что это возможно, если ее признают невменяемой.

Эдвин оторвал взгляд от окна и посмотрел на жену с нескрываемым презрением. Ее откровенное злорадство не укладывалось у герцога в голове. Если бы несчастье коснулось только Шарлотты, он мог бы еще объяснить это обычной ревностью, но Катрине было плевать и на его боль. После исчезновения Артура его похитителей так и не нашли. Были какие-то свидетельства, якобы подтверждающие участие герцогини, но кучер и слуги в один голос заявили о том, что она не приближалась к деревне. Связать Дерика с пропажей младенца также не удалось, время шло, и Эдвин оставил всякую надежду.

Его утешало только одно – для графа уже готовили петлю, и никакие заявления пострадавшей не могли изменить дело! В своих ходатайствах Шарлотта утверждала, что нанесла себе рану сама в состоянии аффекта, но у судей на-

шелся очень веский аргумент для возражений – оружие, а именно, кинжал Дерика. Обманутый муж, готовый заколоть неверную супругу – обычное в практике дело! Кроме того, в списке обвинений числился побег из тюрьмы и возможное соучастие в похищении ребенка – вполне достаточно для пожизненной каторги, а то и для виселицы. На окончательное решение повлияло вмешательство принца. Кто мог гарантировать, что такой живучий и одержимый мстью человек, как Дерик, не решится на повторный побег? Дело было пересмотрено с удивительной для суда скоростью и с вынесением «достойного» приговора – повесить!

Дерик воспринял новость со злой иронией, он не сомневался, что за свои поступки придется рассчитываться, но никак не ожидал, что в дело вмешается Шарлотта. О ее заявлениях он слышал, но упрямо отказывался подписывать прошение о помиловании. День казни был назначен, но охранник почему-то явился накануне вечером и заставил узника подняться с его «королевского ложа».

– Вставай и следуй за мной! – особенно он не церемонился.

– Что, его светлость решил поторопить события? Не терпится от меня избавиться? – Дерик встал, ступая по каменному полу босыми ногами.

– А тебе, я вижу, не терпится на тот свет... Иди, к тебе

посетитель!

Он подталкивал арестованного в спину по пути в камеру, в центре которой стоял стол с двумя грубыми стульями. Втолкнув графа внутрь, охранник обратился к человеку, ожидавшему внутри: «У вас пять минут!»

Лязгнула решетка и Дерик, прихрамывая, подошел к столу, но садиться не стал. Посетитель оказался слишком близким человеком и как раз тем, кого он совсем не хотел видеть.

– Какая честь для меня, вы пришли утешить несчастного перед тем, как он отправится к апостолу Петру? Очень благородно, но я в этом не нуждаюсь! Охрана, наш разговор окончен!

– Дерик! – Шарлотта вскочила и поймала его за руку, которую «украшали» кандалы. – Подождите!

– Что вам угодно, сударыня? У нас, видите ли, мало времени, так что я слушаю.

– Я не хочу вашей смерти, почему вы не подписали прошение?

– Пожизненная каторга, по-вашему, лучше? Нет уж, увольте. Я предоставляю вам свободу, Шарлотта, вы недовольны?

– Мне не нужна такая свобода!

– Я знаю, что вам нужно, но мой ответ: «Нет». Я не скажу

вам, где ребенок! Герцог к нему даже близко не подойдет, и уж точно лучше ему вырасти сиротой, чем в таком окружении. Ну а на счет вас, моя дорогая, – он провел пальцами по ее лицу, – вы молоды, есть шанс родить еще пару-тройку бастардов своему любовнику.

Подобного ответа Шарлотта и боялась, граф даже сейчас не пошел на уступки, а, значит, оставил для нее только самое последнее средство, о котором не догадывалась ни одна живая душа, включая Эдвина.

Сам герцог был с утра на взводе, он проснулся еще до рассвета и с тех пор развлекался тем, что шагал туда-сюда по комнате. Время поджимало, а он даже не начал одеваться.

– Так ты поедешь в тюрьму? – Катрина так и не дождалась от мужа хоть одного разумного слова – Или такое зрелище не для тебя?

– Хочешь поехать вместо меня? – огрызнулся он. – Странное желание для беременной и вообще, эта тема себя исчерпала. Займись своим любимым делом – пригласи кого-то в гости и перемой косточки знакомым, только оставь меня в покое!

Эдвин действительно сомневался, что ему стоит присутствовать при исполнении приговора, но речь шла о его по-

хищенном ребенке и фаворитке – слишком много было разговоров среди придворных и им надо было закрыть рот. После нескольких часов внутренней борьбы он приказал закладывать лошадей и, опрокинув пару стаканов вина, нырнул в карету с закрытыми окнами. Дорога, которая обычно занимала так много времени, на этот раз показалась удивительно короткой – вроде бы только что он вышел из дома и вот уже стоит у железных ворот.

Он еще не дошел до калитки, где охранник спрашивал пропуск, а его уже мутило от здешнего запаха. Все самые стойкие и отвратительные испарения, какие существуют в природе, смешались в один убийственный коктейль и пропитали даже камни на мостовой. Вслед за охранником Эдвин прошел через задний двор, затем – через какое-то помещение, где ожидали люди в кандалах, и оказался на просторном дворе с сооруженной в центре виселицей. От увиденного у него по спине побежал холодок, но присутствующим здесь зевакам не терпелось поскорее полюбоваться зрелищем.

Людей было немного и Эдвину нисколько не хотелось их рассматривать. Он кивнул лишь парочке аристократов, так или иначе участвовавших в процессе, и перевёл взгляд на серое, затянутое тучами небо. О том, что заключенного вывели, но понял это по пробежавшему ропоту и сам перевел взгляд на возвышение, где торчала наводящая тошноту ви-

селица. Обычно приговорённого встречали плевками и криками, но такой узник невольно вызывал уважение – даже на эшафоте он стоял ровно, и его черноволосая голова была высоко поднята.

Офицер долго читал обвинение осипшим от простуды голосом, то и дело прерываясь и кашляя, но наконец и эта часть действия оказалась позади. К Деррику подошел священник, что-то прочитал из Библии, перекрестил и подал знак палачу. Двухметровый детина с лицом, закрытым маской, накинул графу петлю на шею, но не успел еще подбить его ноги, как тишину разрезал отчетливый женский крик.

Все разом оглянулись, пропуская к помосту неизвестную. Она быстрым движением сорвала с шеи шнурок и протянула палачу какой-то предмет и указала пальцем на осужденного:

– Я беру его!

Люди расступились, неизвестная, спотыкаясь, поднялась по ступенькам и остановилась возле Деррика.

– Шарлотта, что ты делаешь?! – граф был ошеломлен не меньше присутствующих.

– Использую свое последнее право! – прошептала она, покачнувшись, и схватилась за мужа.

Стоящий на мостках священник быстро перекинулся несколькими словами с офицером. Таких прецедентов в его практике еще не было, но он слышал о существующем законе. Любая женщина, будь то даже последняя шлюха, могла вытащить преступника из петли, предложив ему законный брак. В свою очередь он должен быть пообещать «завязать с преступной деятельностью и стать примерным семьянином»... Шарлотта смотрела на Дерика и ждала ответа, который должен был решить их судьбу.

– Скажи: «Беру ее!» – закричал кто-то из людей, стоящих у эшафота.

– Отпустите его!

– Отдайте его девчонке, чего уж там!

Толпа начала роптать, палач ожидал приказа, а Дерик молчал, глядя на жену, которая по-прежнему стояла рядом.

– Беру ее... – наконец произнес он, но голос как будто принадлежал не графу, а другому человеку. Лучше подумать обо всем потом, сейчас важно только одно – ему не придется болтаться на веревке ради забавы здешней публики.

Когда с шеи Дерика сняли петлю и подтолкнули в спину, он все еще не верил, что вырвался из лап смерти. Шарлот-

та спустилась с эшафота следом – кое-кто из женщин приветствовал ее, другие бросали вслед грязные шуточки, единственным, кто не мог промолвить ни слова был Эдвин. Произошедшее повергло его в шок. Шарлотта выбрала мужа, хотя он покушался на ее жизнь, предпочла уединенной жизни общество соперника! Но главное – теперь Дерик вернул все свои права! Эдвина захлестнуло безумное желание – броситься следом, схватить графиню за плечи и утащить с собой, пусть даже силой, если она будет сопротивляться. Он сделал непроизвольное движение, но ноги как будто приросли к земле – приблизиться к эшафоту было выше его сил. Оставалось только смотреть, как приговоренный к смерти покидает это злосчастное место, чтобы уйти живым и невредимым. В чем-то Дерик был прав – весь его род был не только сильным, но и везучим...

Два часа спустя тюремные ворота отворились, выпуская узника, и первое, что увидел граф, была одинокая фигура жены, которая стояла, прислонившись к ограде. Она не двинулась с места и ждала, пока он подойдет и заговорит первым.

– Ваш поступок – самое безумное из всего, что мне доводилось видеть, Шарлотта, – проговорил он, глядя на нее сверху вниз и держась на расстоянии. – Объясните, зачем вы это сделали?

– Потому что я не хочу вашей смерти, а еще кроме вас никто не может мне помочь.

– Хорошо, что сейчас я не услышал слов о вашем глубоком раскаянье, – Дерик отвернулся и бросил прощальный взгляд на ворота. Ему хотелось как можно скорее уйти подальше от этого зловонного места, но он до сих пор не решил, как поступить с Шарлоттой.

– Так вы поможете мне? Я не буду настаивать на своих правах матери, но мне нужно знать, что Артур жив! Позвольте мне увидеть сына!

Дерик ответил не сразу, он все еще изучающе смотрел на Шарлотту. По крайней мере сейчас она не лгала и в его душе шевельнулось что-то похожее на сочувствие.

– Не знаю, что вам сказать, сударыня, мне надо подумать! В любом случае сейчас это сделать невозможно, ребенок в безопасном месте.

– Слава богу... – она на мгновение прикрыла глаза – Когда и где мне вас найти?

– Очень интересный вопрос, – он потер подбородок, как делал всегда в минуту раздражения. – Когда сегодня я сказал: «беру ее», это надо было понимать буквально. У меня много недостатков, но свое слово я всегда держу, так что вы пойдите со мной. Только не думайте, что это из-за моей страстной любви, я просто хочу убедиться, что следом не увяжется его

светлость...

Предупреждая поток благодарностей, слышать которые ему было не вмоготу, Дерик подставил локоть, и выжидательно взглянул на жену. После пережитого хотелось набить желудок и упасть в кровать, пусть даже с соломенным матрасом. Чтобы осуществить эту мечту, он выбрал ближайший трактир и перед самым входом смерил графиню взглядом:

– Ну что, дорогая супруга, вы не передумали?

– Нет, если и вы не хотите забрать назад свое слово, граф!

– Замечательно, – он еле заметно улыбнулся, – кое-что,

Шарлотта, в тебе не изменилось, ты по-прежнему мне язвишь!

Они прошли внутрь, сняли комнату и заказали еду. Как оказалась, история спасения уже облетела половину города и освобожденного от петли готовы кормить и поить бесплатно, лишь бы послушать его историю. Шарлотта сидела рядом, оглушенная криками и смехом присутствующих, и испытывала настоящие муки – ей всегда претили такие сборища, а здешняя публика была абсолютно непереносима. Тарелки с едой, кружки с пивом и вином, собутыльники появлялись и исчезали. Апогеем стали разноголосые пожелания счастливой брачной ночи – местное собрание провожало их в комнату не менее эффектно, чем придворные Ричарда.

Только когда двери за спиной закрылись, графиня выдохнула с облегчением – хотя бы здесь она была недостижима для пошлых шуток и пожеланий счастливого брака. Дерик не удостоил ее своим вниманием, оказавшись внутри, он первым стащил рубашку и направился к умывальнику, намереваясь смыть с себя тюремной «парфюм» вместе с насекомыми. Слуг в таком месте, как это не было и быть не могло, и Шарлотта испытала минуту замешательства, прежде чем предложить свою помощь.

– Дайте сюда! – в конце концов она отобрала кувшин, сдернула с гвоздя полотенце и придвинула ближе миску. Вода потекла по его спине и шее, которые «украшали» свежие отметины – напоминания о допросах в тюрьме. Горло Шарлотты сковал спазм, пришлось отвернуться и мысленно досчитать до десяти, чтобы хоть немного справиться с собой.

Дерик ни сказал за все время ни слова, так же молча взял из ее рук полотенце, вытер волосы и буквально свалился на кровать. Не прошло и пяти минут, как он спал мертвым сном. Разбудить его не могли ни крики пьяной братии, доносившиеся снизу, ни потасовка, которую трое постояльцев учинили буквально за дверью. Все это напоминало тот день, который они провели в гостях у Ричарда – такая же комната, такое же ровное, тяжелое дыхание спящего мужа. Как будто

не было этих десяти безумных месяцев, которые уже нельзя было вычеркнуть.

То, что они с Дериком не могут быть вместе, было для Шарлотты ясно, как божий день, она уже собиралась уйти в монастырь сразу после того, как увидит сына. Сколько бы граф не насмеялся в прошлом над таким выбором, он казался единственно приемлемым в ее теперешнем положении. Размышляя об этом и считая минуты до отъезда, Шарлотта провела бесконечно долгий день. Она боялась уйти и застать комнату по возвращении пустой и потому устроилась на ночлег в старом кресле, где Дерик и нашел ее ранним утром. Глядя на жену, он почему-то подумал, что она похожа на кошку: так же свернулась клубочком, прикрыв плечи шалью и спрятав лицо от утреннего света. Он на минуту задержался, борясь с желанием перенести Шарлотту в кровать, но он обругал себя последним идиотом, и побыстрее вышел, чтобы найти чего-то пожевать и послать за нужным человеком.

У сонного хозяина нашелся подсохший сыр, хлеб и пиво – роскошная еда, которая была проглочена буквально за минуту!

– Все только о вас и говорят! – зевнул трактирщик. – Столько сплетен, что не знаешь, кому верить. Вы уж не осерчайте, ваша милость, но правда, что женушка ваша отдала

палачу крест? Говорят, шибко дорогой! Она, конечно, правильно все сделала, коли судья отказал бы ей в просьбе, то вас бы палач не мучил, сразу того.... – он осекся, заметив недоброжелательный взгляд постояльца – но все-таки, откуда он у нее, крест? С виду дамочка небогатая!

– Я вот как рассуждаю, господин трактирщик, – в ответ Дурик склонился к плешивому мужичку и заговорил в том же тоне, – мне про крест ничего не известно, и если вам не хочется иметь проблем, вы не будете болтать языком. Вдруг он ворованный? А тут всякие люди ходят, может даже соглядатаи!

Прихватив с собой остатки завтрака, граф бросил взгляд на онемевшего трактирщика и поднялся наверх – «будить новобрачную». Он появился как раз вовремя, не обнаружив Дерика в комнате, Шарлотта успела передумать все, что угодно – от нового ареста до его молчаливого побега. Это было написано на ее лице и очень не понравилось графу.

– Поешь! – он громыхнул глиняной тарелкой, поставив ее на табуретку. – Мы скоро уезжаем.

– Я не голодна, – глаза Шарлотты возбужденно блестели, она все еще не могла успокоиться.

– Пока ты не поешь, я не двинусь с места! – предупредил он. – Голодные обмороки мне ни к чему!

Она взяла хлеб и принялась жевать, но не чувствовала никакого вкуса, пока Дерик не плеснул в стакан вина. Шарлотта сделала глоток и почти сразу почувствовала, как зашумело в голове. Вино, каким бы плохим он не было, быстро вернуло силы и даже вызвало на лице румянец. Теперь он мог брать ее с собой без опаски, а опасаться было чего. Графиня еще не знала всей правды, и эта правда могла оказаться слишком большим для нее испытанием.

Глава 26. Щадить покоренных, обуздывать непокорных

Карета тихо катила, увозя Шарлотту в неизвестном направлении. Она так и не добилась от Дерика правды и больше всего боялась, что застанет сына в какой-то убогой хате под присмотром деревенской девки. Дорога заняла уже добрых полтора часа и за все время они не перемолвились почти ни единым словом. Хуже того, с каждой минутой Дерик становился все более хмурым, как будто его не радовала перспектива наконец-то избавиться от жены.

– Я хочу вас кое-о чем спросить, – он заговорил так внезапно, что графиня вздрогнула. – До меня дошли сплетни, и я хочу знать, насколько они правдивы. Вы действительно заплатили палачу за мое помилование?

Шарлотта бросила на него быстрый взгляд. Воспоминание об эшафоте до сих пор вызывало у нее дрожь ужаса, язык не поворачивался об этом говорить.

– Судя по вашему лицу, это правда, – он склонился к жене, – тогда скажите, ЧТО вы ему отдали?

– Зачем вам это знать? Вы живы – этого достаточно!

– Я жив только потому, что вы хотели вернуть сына, а я хочу знать, дорого ли меня оценили.

– Это был королевский крест, я думаю он дорогой, – равнодушно ответила она.

Такое откровение на минуту лишило Дерика способности говорить, а потом он в свойственной ему манере откинулся на сиденье и рассмеялся.

– Вы отдали за мое спасение целое состояние? Я польщен, правда!

– Я об этом не думала, – она отвернулась и стала смотреть в окно, чтобы не раззадоривать Дерика и не выслушивать новых вопросов, которые уже висели у него на языке. Странно, но пейзаж показался ей знакомым, эту церквушку она точно видела раньше и теперь устремила на мужа изумленный взгляд.

– Я решил ничего не говорить заранее, на случай если вы захотите подстроить мне ловушку, – он ответил раньше, чем она успела задать вопрос. – Кое-какую собственность мне удалось спасти, хотя, к сожалению, не всю.

– Он в вашем охотничьем домике?! У вас под крышей?!

– Только прошу не бросайтесь мне в ноги, я этого не переносу! – граф скривил губы. – У меня была причина так поступить.

Дерик что-то еще хотел сказать, но Шарлотта его больше не слушала, она отдернула шторку и с детским нетерпением выглядывала в окно, наблюдая, как карета сворачивает на дорогу, катит между старыми деревьями и пересекает ворота. Ей было трудно усидеть на месте и дожидаться, пока лошади остановятся, граф выйдет и подаст ей руку. От волнения не хватало воздуха, во рту пересохло, а ноги, казалось, совсем не чувствовали под собой земли. На входе их встретил старый слуга и от неожиданности чуть не разразился слезами – хозяина уже похоронили и даже написали прошение с просьбой забрать тело.

– Неужели я так похож на покойника? – как можно сдержаннее Дерик похлопал старика по плечу.

– Что вы, ваша милость, никак нет! Живехонек, вижу!

– Такой живой, что привез вашу хозяйку. Позови Марту, а то госпожа графиня сейчас упадет от радости в обморок.

Он быстро вошел в дом, чтобы не присутствовать при встрече, которую очень хорошо себе представлял. Шарлотта при виде своей старой горничной бросилась ей в объятия и обе, конечно, плачут в три ручья. Требовалось время, чтобы все улеглось и только потом Дерик заговорил о самом главном.

– Вы просили показать вам сына, Шарлотта, я держу свое слово. У вас будет полчаса, чтобы побыть с ним вдвоем, потом поговорим об остальном!

Он кивнул, указывая дорогу и повел жену наверх – в маленькую комнатку, где кормилица сидела над колыбелью. Опережая его, Шарлотта бросилась к ребенку, взяла его на руки и прижала к груди. Сколько раз она представляла себе эту встречу и теперь не могла поверить, что это происходит не во сне! Артур подрос, но, несомненно, это был ее сын – живой и невредимый. Какое-то время Шарлотта ни на что не обращала внимания, прохаживаясь и покачивая младенца, и только заметив движение у двери, бросила взгляд на графа. Он стоял, облокотившись о стену и явно не собирался уходить. Перехватив ее взгляд, Дерик заговорил самым будничным голосом:

– Я обещал вам кое-что рассказать и, думаю, сейчас лучшее время. Прошу вас, сядьте! – он указал на ближайшее кресло, прошел туда и обратно по детской и задумчиво покрутил ус. – Я не сильно приукрашу правду, если скажу, что вы, Шарлотта, были причиной моих бесчисленных бед. Во многом здесь есть моя заслуга – женщину нельзя оставлять без внимания, она как кошка, ластится к тому, кто ее погладит...

Дерик не выбирал выражений, у него достаточно накопело на душе, чтобы высказаться без реверансов.

– История с вашей беременностью и побегом стало последней каплей. Этого нельзя было оставлять просто так и мне очень повезло! Совершенно случайно я нашел помощницу, которая ненавидела вас даже сильнее, чем я. Она хотела вернуть мужа, я – наказать жену.

– Так это была Катрина?! – воскликнула Шарлотта. – Ну конечно...

– Надо сказать она оказалась очень талантливой и помогла мне без труда попасть в дом. Оставалось только отвезти ребенка туда, где содержат подкидышей и сирот. Еще один безымянный бастард, там ему было бы самое место, но потом я кое-то увидел... Посмотрите на затылок вашего сына.

Она в страшном смятении подняла малыша и отбросила пеленку, опуская взгляд на темноволосую головку.

– Я знаю, у него есть родимое пятно, но вы же не верите, что это какой-то дьявольский знак и он ребенок нечистой силы?

– Надеюсь, что нет, а на что оно, по-вашему, похоже?

– Не знаю, кажется на поцелуй! – Шарлотта коснулась губами макушки сына.

– Забавно, – Дерик, как ни странно, улыбнулся, – Никогда

не думал, что у вас такое романтическое воображение. Так вот, о чем я... у меня есть точно такое же родимое пятно, у меня и моего брата. Это, скажем так, наше маленькое семейное проклятье...

– Я вас не понимаю! – Шарлотта побледнела, и начала думать, что говорит с сумасшедшим.

– Если вам недостаточно моих слов, можете убедиться сами! Хотя поначалу я тоже подумал, что свихнулся, но потом кое-что припомнил. Та ночь в доме Ричарда, когда в вас вдруг проснулась такая страсть.

Он склонился к Шарлотте и ждал, наблюдая, как ее щеки заливают краска. Лучшего подтверждения своей правоты графу не требовалось.

– Боже мой! – Шарлотта закрыла одной рукой лицо, другой крепче обнимая ребенка. – Артур не сын Эдвина!

– Совершенно верно, вы держите на руках моего сына. – он развернулся, и вышел, хлопнув дверью. Объяснение получилось слишком трудным. До последнего граф не был уверен, что готов посвятить Шарлотту в тайну, но так уж вышло, что она теперь знала правду. Знала и должна была уехать... или пока что нет? Дерик не был готов принять решение немедленно, вместо этого он распорядился приготовить ванну и вооружился бритвенными принадлежностями, чтобы немного привести себя в порядок. После его возвра-

щения маленький дом ожил – в нем сновали слуги, Марта бегала из кухни в спальню господина и обратно, проветривали и убрали гостевую комнату...

Прошло куда более получаса прежде, чем Дерик снова появился в детской. Он уже открыл рот, чтобы позвать Шарлотту вниз, но застал неожиданную картину. Она спала, бережно придерживая сына одной рукой – бесконечное напряжение, страх и тревога сделали свое дело. Он несколько раз прошелся по спальне, бросая в их сторону взгляд, а потом, поборов внутреннее сопротивление, примостился на краешке кровати. Как только его пальцы коснулись руки Шарлотты, она проснулась и подняла голову.

– Не говори ни слова, Летти, ты испортишь момент! – Дерик сильнее сжал ее ладонь, наблюдая, как страх в глазах сменяется изумлением. – Спускайся вниз, Марта накрыла на стол.

Голос был самым будничным и это окончательно сбило Шарлотту с толку, казалось – все это какой-то безумный, дурацкий сон и он вот-вот закончится. Дерик встал и подошел к двери, держась за ручку и ожидая, пока она к нему присоединится – Ну же, или ты ждешь, чтобы я понес тебя на руках?

– Дерик, я... – неизвестно, что последовало бы за этим

«Я», потому что ее довольно грубо прервали.

– Летти, ты уже могла бы запомнить, что моим словам можно доверять, раз уж ты здесь, пойдем обедать, я умираю с голоду!

Они спустились вниз, чтобы занять место за столом, над которым уже витали самые аппетитные запахи. Кухарка постаралась на славу – на столе был и суп, и пирог с мясом, и даже сливовый пудинг. Шарлотта ела мало в отличие от графа, который мигом опустошил тарелки и теперь попивал вино, откинувшись на спинку стула.

– Могу я кое-о чем вас спросить? Вы все еще предпочитаете деревенский воздух? – ответа не последовало и Дерик тяжело вздохнул. – Ладно, уточню вопрос: вы до сих пор живете в доме, который предоставил его светлость?

– Нет, не живу. Я сняла комнату на Джеймс Корт.

– В такой дыре?! – он на минуту задумался и продолжил этот странный, ни к чему не ведущий разговор – Думаю хозяин весьма удивился, когда у него остановилась леди Сеймур.

– Этим именем я тоже больше не пользуюсь, почему бы вам не спросить напрямую о том, что вы хотите знать? – Шарлотта отложила вилку.

Она уже почти забыла особую манеру графа общаться –

он всегда поддразнивал ее и сохранил эту привычку до сих пор.

– И что же, по-вашему, я хочу узнать? – он прятал улыбочку в усах.

– Например, остаюсь ли я фавориткой принца. Ответ – «нет». Ни фавориткой, ни любовницей, ни приближенной ко двору. Меня ждут Лестерском аббатстве и я хотела бы уехать сегодня.

– Знакомое название, кажется я там уже бывал. Ну ладно, отдохните немного перед отъездом, развлеките Марту, мы увидимся через пару часов, и я вас лично провожу!

Дерик допил вино, поднялся и быстро покинул общество супруги. Сердце у Шарлотты сжалось, но по крайней мере теперь у нее было немного времени для общения с сыном. Эти два часа были моментами тихого счастья – она держала на руках Артура, выслушивала рассказы старой горничной и наслаждалась тишиной. Идиллия была нарушена внезапно – на лестнице слышались тяжелые шаги, хлопнула дверь гостевой комнаты, что-то притащили по полу и только потом она услышала голос Дерика. Когда граф вошел в детскую, Шарлотта положила Артура в колыбель и поднялась ему навстречу, но не успела сказать ни слова.

– Марта, приготовь госпоже комнату, она сегодня будет

ночевать здесь! – он отошел, пропуская горничную, послушно выскользнувшую из детской. Женщины только и успели что обменяться изумленными взглядами, пока Дерик продолжал отдавать распоряжения. – Я забрал ваши вещи, сударыня и надеюсь в них не успели завестись клопы. Хорошее место вы выбрали – чердак на Джеймс Корт...

– Вы очень гостеприимны, – Шарлотта покраснела. Она начала думать, что в этом доме против нее плетут тайный заговор. – Скажите честно, что у вас на уме?

– Ничего, поедете завтра!

– Вы дадите мне слово? – она бросила короткий взгляд на ребенка, который не желал лежать в одиночестве и начал хныкать. – Если я останусь здесь еще на один день...

– Договаривайте! – он подошел ближе, но не прикасался к ней – Что тогда? Будет тяжело оставить сына? Не захочется расставаться с Мартой? Или на мой счет найдутся сомнения?

– Эти ужасные шрамы... – она прикрыла глаза, словно отталкивая воспоминания – Вы получили их по моей вине.

– Ну, в таком случае, мы квиты – Дерик стиснул ее в объятиях, не давая вздохнуть и возразить больше ни слова – Я тоже оставил тебе шрам, Летти...

Некоторые кровати обладают слишком сильным магнитным притяжением – по мнению Дерика объяснение состояло именно в этом.

– Боюсь слишком тебе льстить, чтобы не сглазить! – он намотал на палец прядь волос Шарлотты, посмеиваясь над выражением ее лица.

– Марта приходила уже три раза, – это было что-то вроде укора, но не слишком уверенного.

– Подождет! Если хочешь есть, у нас осталась... по-моему пара яблок еще имеется в запасе, тебе принести?

– Я возьму сама... – она пошевелилась, чтобы выбраться из-под одеяла, но по пути нужно было преодолеть еще одно препятствие – самого Дерика, который растянулся вдоль всей кровати. Это оказалась не так легко сделать – он одним движением опрокинул жену на спину и тут же оказался сверху.

– Нет, моя дорогая, я и так упустил целых три года, мне нужно было намного раньше заняться твоим воспитанием и выбить глупости, которые тебе втолковали в монастыре! В конце концов я взял девушку из монастыря не для того, чтобы оставлять в одиночестве.

Этому важному занятию он посвятил предыдущий вечер, всю ночь и давно наступившее утро. Это слишком уж напоминало начало медового месяца...

– Дерик, стучат в дверь, – прошептала она на ухо мужу, начиная сдаваться под натиском и он нехотя оторвался от ее губ.

– Не двигайся. Я сейчас вернусь!

Дерик наскоро оделся, сделал несколько глотков воды и с тяжелым вздохом открыл двери. На пороге стоял слуга и держал в руках конверт.

– Простите, ваша милость, но это срочно... вам передали письмо и просили сразу же ответить!

Граф нетерпеливо сорвал печать и пробежал глазами по листку, сразу изменившись в лице. Понадобилось немного времени, чтобы он подавил вспышку гнева. Письмо за это время превратилось в клочки бесполезной бумаги и отправилось в камин.

– Так что же с ответом? – слуга все еще ждал, но теперь выглядел еще менее уверенным – Господин граф...

– Я ответил... Ничего другого от меня во дворце не услышат, так и передайте его высочеству! Подумать только: «Щадить покоренных, обуздывать непокорных!» – ты не помнишь, Шарлотта, кто это сказал? Хотя нет, слава богу, что ты не читала философов, – он захлопнул двери и подошел к окну, откуда видна была почтовая карета. – Ну что ж, посмотрим, как у него получится меня приручить...

Конец 1 части. Продолжение следует.

